

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

№ _____ СЛАВЯНСВЕДЕНИЕ
_____ г.

СЛАВЯНО • 4
• ВЕДЕНИЕ
1994

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

4
1994

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

Ронин В. К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов	3
Горяинов А. Н. Культурно-просветительские организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века)	23
Орел В. Русский язык в Израиле	35
Протасова Е. Ю. Русско-финское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии (к вопросу о бытовании русского языка как родного за пределами России)	44
Гершензон О. Межкультурное непонимание: израильтяне и репатрианты из России	53

СООБЩЕНИЯ

Ураков М. А. Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде	59
Игумен Иннокентий (Павлов С. Н.). Русский храм в Софии	62

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

Робинсон М. А., Досталь М. Ю. Переписка Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева	69
Аксенова Е. П. Из переписки Г. В. Вернадского и А. В. Флоровского	92
Досталь М. Ю. Из переписки В. А. Францева (письмо В. А. Францева В. С. Иконникову, письма А. В. Флоровского В. А. Францеву)	102
Аксенова Е. П. Письмо И. О. Панаса А. В. Флоровскому 1929 года	108
Косик В. И. Письмо генерала П. И. Залесского	111

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Шапир М. И. Якобсон-будетлянин: Сборник материалов	114
Лаптева Л. П. Славистика СССР и русского зарубежья 20—40-х годов XX века	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Булатова Р., Неделькович О. Конференция «Русская религиозная мысль»	122
Сибиневич М. Научные чтения, посвященные русской эмиграции в Югославии	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. И. РОГОВ (главный редактор), **М. А. ВАСИЛЬЕВ** (отв. секретарь),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, **В. К. ВОЛКОВ**, **Р. П. ГРИШИНА**, **А. А. ГУГНИН**, **В. А. ДЬЯКОВ**,
М. С. КАШУБА, **В. И. КОСИК**, **Г. Ф. МАТВЕЕВ**, **Г. П. МЕЛЬНИКОВ**, **В. В. МОЧАЛОВА**,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, **Ю. С. НОВОПАШИН**, **В. Я. ПЕТРУХИН**, **М. А. РОБИНСОН**,
Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б. Н. ФЛОРЯ**,
Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи — не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения — до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т. п. — до 6—7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

РОССИЯ НА ВСЕМИРНЫХ ВЫСТАВКАХ 1885 и 1894 годов

С тех пор как в 1851 г. в Лондоне состоялась первая в истории Всемирная выставка торговли, промышленности и искусств, эти грандиозные «свидания народов», как их тогда называли, стали происходить все чаще, становясь все популярнее и престижнее. В эпоху первых железных дорог и пароходов, когда мировой рынок только начал складываться, для промышленников и ремесленников, торговцев и сельских хозяев, инженеров и художников Всемирные выставки были едва ли не важнейшим средством заявить о себе, представить свою продукцию всему свету и, благодаря этой глобальной рекламе, упрочить свои конкурентные позиции и в собственной стране, и за ее пределами. Впрочем, на таких всемирных конкурсах-ярмарках не только состязались, но и общались, знакомились, вступали в сделки и даже в долговременное партнерство. Недаром каждая выставка сопровождалась не менее чем десятком международных конгрессов, где обсуждали самые разные темы — от устройства ботанических садов до таможенных тарифов, от защиты интеллектуальной собственности до спасения на водах.

Для тогдашних государств участие национальной индустрии во Всемирных выставках в Европе и Америке было могучим инструментом внешней политики. Все больше правительств понимало, что золотые медали таких выставок весили в политике тяжелее крупновских пушек и броненосцев. Наконец, это были действительно «свидания народов». Уже всеильная в XIX в. пресса, освещая и рекламируя эти World's Fairs, знакомила сотни тысяч людей с тем, как живут и развиваются разные страны, в том числе такие далекие и экзотические, как Россия, Персия или Китай. С самого начала Всемирные выставки привлекали массы посетителей, став одновременно и роскошным светским праздником для элиты, и любимым аттракционом для всех слоев населения. На выставку съезжались — часто с другого конца континента — многие тысячи туристов — или специалистов, или образованных и любознательных путешественников, или просто желающих быть там, где «весь свет». Привлекали не только машины, изделия редких ремесел или колониальные товары. Привлекала сама атмосфера интернационального празднества, шикарная и веселая, с карнавальными шествиями и концертами на любой вкус, с визитами коронованных особ и обильной выпивкой в бесчисленных кафе. Развлекались — но и знакомились с культурой других народов: сколько людей лишь на выставке впервые увидели конголезскую хижину или макет египетской пирамиды, услышали Сен-Санса или Бородина. Через полгода экспонаты и туристы разъезжались, и город-устроитель приступал к подсчету барышей.

Молодая фабричная промышленность пореформенной России делала на мировой арене лишь первые шаги, поэтому участие страны во Всемирных выставках было исключительно важным. Это понимали все, и интерес деловых людей, специалистов, высоких чиновников и журналистов к «свиданиям народов» был в России очень заметен. Мы расскажем здесь о том, как выступала Россия на этих, еще непривычных для нее, всемирных форумах в 1885 и 1894 гг. в Антверпене. Бельгийскому городу-порту — второму по значению в Европе — не доставало, конечно, имперского блеска Лондона 1851 и 1862 гг. и Парижа 1867 и 1889 гг. или американского размаха Чикаго 1893 г. Но 80—90-е годы XIX в. были для бельгийского капитала и государства годами процветания. Железные дороги, промышленность и торговля Бельгии славились по всему миру. Либеральная атмосфера в маленьком конституционном королевстве, родившемся из революции 1830 г., и нейтралитет делали страну самым естественным местом для всемирных форумов. А открытость, интернациональный дух Антверпена, ключевая роль его порта в мировой торговле, великое художественное наследие города Рубенса и Ван Дейка и радушие фламандцев гарантировали и успех его Expositions Universelles.

Однако Всемирные выставки в Антверпене мало изучены даже в самой Бельгии. Лишь в 1993 г., когда этот город на год был провозглашен культурной столицей Европы, события 1885 и 1894 гг. привлекли к себе внимание исследователей. Участие же в этих двух выставках России — тема совершенно новая. Между тем этот опыт и традиции вековой давности именно нам сегодня интересны, важны и полезны, как никогда. Нынешняя Россия может и гордиться тем, как открывали и представляли себя миру наши соотечественники ровно сто лет назад, и учиться на ошибках тогдашних предпринимателей и чиновников. Все это можно хорошо проследить как раз на примере менее известных двух выставок в Антверпене.

В 1814—1914 гг. Антверпен вместе с Парижем, Лондоном, Женевой был одним из самых «русских» городов Запада. Перед первой мировой войной более 4000 подданных Российской империи составляли здесь третью по величине иностранную колонию, после голландцев и немцев. А еще тысячи людей из России ежегодно находились как туристы, коммерсанты, участники всевозможных конгрессов, музыканты или студенты здешнего Коммерческого института. Не забудем и гостей скорее вынужденных — массы малоимущих переселенцев из России: немцев, евреев, поляков, украинцев, которые на пути в Новый Свет часто именно в Антверпене садились на ждавшие их пароходы (см. [1; 2]). Через эту же гавань Россия ввозила в Западную Европу хлеб и лес, лен и пушнину, изделия из бронзы и нефть. Особенно тесно были связаны с Антверпеном портовые города империи. В начале 90-х годов XIX в. 8% всего зернового экспорта через Одессу шло в Антверпен: пшеница, рожь, ячмень и кукуруза. Рига также отправляла в Антверпен пшеницу и рожь [3; 4].

По своей роли в портовой динамике Бельгии пореформенная Россия занимала тогда важное третье место, уступая лишь более близким к Северному морю Великобритании и Швеции (вместе с Норвегией, с которой Швеция была до 1905 г. связана унией). Тысячи русских моряков и негоциантов сходили ежегодно на берег в антверпенской гавани. Показательно, что в 1886—1888 гг. число судов под российским флагом, в течение года заходивших в бельгийские порты, увеличилось с 333 до 585. Тем самым был достигнут и абсолютный максимум для всего XIX в. Через год кривая, согласно «Статистическому ежегоднику Бельгии», вновь пошла вниз. Мы едва ли ошибемся, если увидим в этом кратковременном, но впечатляющем подъеме в 1887—1888 гг. отчасти эффект антверпенской Всемирной выставки 1885 г. Участие России в этой выставке было, по-видимому, достаточно успешным, чтобы за два последующих года значительно увеличить ее торговлю через бельгийские порты. После антверпенской выставки 1894 г. этот эффект менее заметен, и все же ежегодное число заходов российских судов в 1897—1899 гг. (517—475—499) существенно выше, чем в 1893—1894 гг. (429—461) [5].

Уже в августе — сентябре 1884 г. в гостиничные книги Антверпена, хранящиеся сейчас в Городском архиве, приезжих из Российской империи вносили почти ежедневно. Большинство их происходило из Риги и Одессы, но также из Петербурга, Варшавы и Москвы. Каждый раз, когда в гостиничной книге указывается профессия постояльца, это в большинстве случаев «негоциант», «купец», иногда «комиссионер» или «фабрикант» [6]. Среднестатистический гость из тогдашней России — или немецкий купец из Риги, или еврейский торговец из Одессы, примерно 30-ти лет, останавливающийся в «Отель де л'Эроп» на Грунплате, «Гран Лабурёр» на Мейрплейн и в других дорогах гостиницах. Некоторые имена встречаются неоднократно — эти люди поддерживали с Антверпеном прочные деловые контакты и посещали город регулярно. Среди них был, например, в июле 1884 и январе 1885 г. Бенъямин Иоллос из Одессы, один из главных экспортеров зерна на Юге России. В последние же месяцы перед Всемирной выставкой приток российских деловых людей в Антверпен рос на глазах.

Но уже в июне — июле 1884 г. было достаточно признаков того, что будущая первая Всемирная выставка в Бельгии может рассчитывать на большой интерес в Российской империи. В своем письме в Исполнительный Комитет выставки немец Й. Э. Литтен, варшавский журналист, писавший для многих немецкоязычных газет в России, просил прислать ему для печати как можно больше информации о готовящемся событии, «так как промышленность, особенно здесь, в Польше, находится в руках немцев, публикации будут иметь большой успех». Он тут же получил из Антверпена массу материалов и мог начать рекламную кампанию в польской и немецкоязычной прессе. Он даже принялся по собственной инициативе вербовать экспонентов и взимать взносы за участие, которые, впрочем, регулярно отсылал в Антверпен. В своих бесчисленных письмах на плохом французском языке он требовал все больше регистрационных бланков, а также планов и цветных гравюр выставочных зданий, хотя этих зданий в тот момент еще просто не существовало. Он заверял антверпенских организаторов, что именно он мобилизовал в России прессу и предпринимателей для участия в выставке.

Не имея на то никаких полномочий, Литтен сам сделал себя фактически представителем антверпенской World's Fair в Варшаве. К этой роли он относился столь серьезно, что даже упрекал организаторов выставки, не подумавших предоставить российским промышленникам 50% скидку, дабы обеспечить их массовое участие, хотя австрийцам такую скидку дали. Бельгийцы сначала проявили немалый интерес к бурной деятельности варшавского журналиста, благодарили за рекламные статьи и даже обещали оплатить — «в разумной мере» — его расходы. Однако уже в августе 1884 г. ему было указано, что он не вправе говорить официально от имени Исполнительного Комитета. Правда, он еще получал время от времени деньги из Антверпена, но письма его оставались, как правило, без ответа и ему приходилось снова и снова напоминать о «гонораре». «Еще раз повторяю Вам, что охотно делал бы все это для Вас без всякого вознаграждения, если бы был богаче, чем сейчас, и уверяю Вас, что этих 300 франков хватит только на то, чтобы возместить мои действительные расходы». И, хотя его услуги в самом деле оказались полезны для успеха выставки, свои последние 150 франков он, кажется, так никогда и не получил.

Не менее активен был иммигрант Элиас Занд, прибывший в 1884 г. из Лодзи в Антверпен и основавший там «комиссионное агентство», прежде всего для торговцев шерстью в Польше. С июня 1884 г. он, по его собственным словам, вел в Лодзи и Варшаве рекламную кампанию для антверпенской выставки. Курсируя между Бельгией и Царством Польским, он помещал в польских газетах всевозможные объявления, вербовал экспонентов, которых собирался представлять в Антверпене, и переводил им с французского и немецкого брошюры Исполнительного Комитета. Свои услуги он с подозрительной точностью оценил в 223 франка. В антверпенском Городском архиве можно увидеть его письма и счета. Как следует из этой переписки, он также не добился из Бельгии денег. Орга-

низаторы выставки его притязания неизменно отклоняли и резко упрекали его за то, что в польских газетах он самовольно именовал себя «agent de l'Exposition» [7; 8. Е 1. Р. 254; Е 2. Р. 399, 140—141; Е 3. Р. 59, 72; Е 9. Р. 74, 119; 10].

Еще задолго до того, как Россия официально откликнулась на приглашение участвовать в выставке, в Антверпен начали стекаться заявки российских предпринимателей. Уже в июне — июле 1884 г. был получен десяток писем, в первую очередь из Москвы, где бельгийский генконсул и Биржевой комитет особенно деятельно вербовали экспонентов. Среди самых первых кандидатов было много водочных фабрикантов — еще в июне пришло написанное по-русски «заявление» Ф. Суздальцева из Арзамаса, а в сентябре «прошение» от П. Работкина из Москвы, желавших выставить в Антверпене свои крепкие напитки. И такая видная фигура в водочной промышленности, как вдова А. Попова, поставщица знаменитой московской «поповки», обратилась в августе к организаторам с несколькими практическими вопросами, которых мы, однако, не знаем, ибо сохранился лишь короткий ответ Исполнительного Комитета. В июле в Антверпен написал — также по-русски — Ф. Захаров из Клина, фабрикант спичек. Письмо его заканчивалось скромным пожеланием: «Почтительно прошу писать мне письма на русском языке».

В августе В. Клечковский из Вильны (Вильнюса), торговец пищевыми продуктами, предложил устроить в саду выставки его дегустационный павильон, где посетителям подавали бы дешевый «натуральный бульон» его собственного производства. До этого дело, впрочем, не дошло, и ни Клечковского, ни Суздальцева, ни Захарова в официальном каталоге российского отдела выставки нет. География уже первых заявок простиралась от Петербурга и Нижнего Новгорода до Варшавы и Владикавказа. Среди копий писем Исполнительного Комитета за июль — октябрь 1884 г. в Городском архиве немало ответов кандидатам-экспонентам из России. Но пока правительство Александра III не ответило на бельгийское приглашение, организаторам Антверпена-1885 и российским промышленникам обзудать было нечего.

Из этой переписки видно, что мелкие предприниматели, у которых было занято не более 45—60 рабочих и которые не имели связей с Западом и обычно не знали иностранных языков, проявили практический интерес к антверпенской Всемирной выставке столь же рано, как и крупные фирмы с участием иностранного капитала. Однако взносы и транспортные расходы были для российских экспонентов так велики, что большинству мелких предпринимателей в конце концов пришлось махнуть на Антверпен рукой. Другой проблемой россиян было то, что они чаще всего никого не знали в Бельгии, кто мог бы представлять их экспонаты. Поэтому многие просили в своих письмах именно адреса возможных «представителей» в Антверпене. Пока предприниматели искали агентов, Л. Кротовский из Варшавы сообщил бельгийцам, что как раз и хотел бы представлять на выставке ряд российских и польских фирм. В лучшем положении были те, у кого еще раньше был в Бельгии деловой партнер. «Конструкторские мастерские» Ж. Ж. Жилэна из Тинена оплатили, например, место в российском отделе для братьев Коняевых, которые на своем тверском мукомольном заводе использовали, вероятно, какие-то машины, построенные в Тинене [8. Е 1. Р. 159, 252, 448, 480; Е 2. Р. 72, 99, 116, 167, 187, 194, 267; Е 3. Р. 123, 168, 178, 207, 351, 356—357, 369; Е 4. Р. 23, 96, 109, 147, 149, 187, 200, 435].

Только в начале ноября 1884 г., после долгих колебаний, русское правительство все же решило официально участвовать в антверпенской выставке и ассигновало на устройство российского отдела около 200 тысяч франков. Это было исключительно личной заслугой председателя Исполнительного Комитета Виктора Линена, зерноторговца, который в 1884—1885 гг. опекал в Антверпене также российских музыкантов: Антона Рубинштейна, совсем молодого Александра Зилоти, Бородина. Промышленники России, прежде всего немцы, давно связанные с этим городом-портом и прекрасно знавшие его роль в российском экспорте, горячо приветствовали решение правительства. Интересно, что в российской немецкоязычной

прессе усиление экономических отношений именно с Антверпеном считалось даже более важным, чем еще одно появление России на престижном форуме мировой индустрии и торговли (ср.: [11]).

В результате долгих переговоров Линена с Петербургом статский советник К. К. Бэкманн, накопивший немало опыта на выставках в Вене, Париже и Амстердаме, был, наконец, назначен в ноябре официальным генеральным комиссаром российского отдела [8. Е 5. Р. 345, 446, 455]. Заместителем его стал А. В. Добронизский, горный инженер, главный инспектор императорского Монетного двора. Он некогда учился в Льеже и с тех пор чувствовал себя связанным с Бельгией [12. 10 VI]. В России же он был известен своим «Руководством к металлургии» (1865). Живописец Ю. Ю. Клевер, профессор Академии Художеств в Петербурге, стал российским комиссаром отдела изящных искусств. Этих и других наших соотечественников мы находим также в международных жюри по различным отделам выставки. Так, Бэкманн был вице-председателем жюри по группе «Ткани, одежда и т. п.». Добронизский возглавил жюри по всей группе «Промышленность». Известный петербургский меховщик П. М. Грюнвальдт стал вице-председателем жюри по верхней одежде, а торговец Н. Лопатин заседал в жюри по кожах. В нескольких жюри Россию представляли бельгийцы. Среди них были — вполне естественно — антверпенский архитектор Эдуард Колине, с большой изысканностью и вкусом построивший российский отдел, и композитор Гюстав Гюберти, в то время ревностный пропагандист русской музыки [13; 14].

Российский генеральный комиссар и его штаб были посланы в Антверпен, чтобы срочно готовить отдел. Но бельгийцы хотели открыть выставку как можно скорее, даже несмотря на то, что ее главное здание еще стояло в лесах. 2 мая 1885 г. король Леопольд II в присутствии, в частности, российского посланника графа А. Д. Блудова, объявил выставку открытой. Правда, в тот день король увидел разве что красивые фасады, едва-едва законченные, по словам петербургского «Нового Времени», к его прибытию. Но когда комиссар Бэкманн начал извиняться перед королем, что отдел России еще далеко не готов, ответ был весьма любезным: «Я знаю, что вся вина лежит на моих соотечественниках, которые не отвели Вам своевременно места» [15; 16. 1885. 28 IV/10 V]. С обустройством отделов и витрин большинству экспонентов пришлось ждать еще целый месяц.

На неприятное ожидание были обречены и журналисты из разных стран, объединившиеся в «Международный комитет прессы». Россия была представлена в нем А. А. Ефроном, корреспондентом петербургской газеты «Новости», органа либеральных промышленников. Вместе со всеми иностранными членами комитета Ефрон получил от бельгийцев право бесплатно приехать в Антверпен. Его большой отчет о выставке и о российских экспонатах, вышедший в 1886 г. в Петербурге отдельной книгой, а также подписанные буквой *Д* и еще более подробные репортажи в «Новом Времени» и официальный каталог российского отдела — самые важные для нас источники.

Итак, вместе с экспонентами журналистам пришлось дожидаться, пока будут закончены все отделы. «Справедливый ропот, ругань и проклятия сыпались на администрацию выставки, но это делу не помогло, а приходилось ждать и довольно-таки долго!» — пишет Ефрон [17. С. XVI, 94, 21, 60]. Как сообщал А. М. Оомен из антверпенской «Het Handelsblad», в мае Россия, Италия, Испания и другие проявляли «еще мало признаков жизни». 1 июня: «Русская икра еще не распакована» [18. Р. 52, 89]. Русские упрекали организаторов за «неаккуратность» и «крайне нерадивое, чтобы не сказать более, отношение к гостям» [16. 1885. 28 IV/10 V], бельгийцы же указывали на то, что слишком мало российских экспонентов было на месте. Каталог отдела в начале июня еще тоже не был доработан, и Исполнительный Комитет должен был подгонять Бэкманна и его комиссаров.

Помимо беспечности бельгийцев и медлительности самих российских экспонентов их отдел долго не мог быть открыт и по другой причине. 1 июня Бэкманн

в который уже раз возмущенно писал Лиңену об «отсутствии отхожих мест для публики и рабочих». Поэтому бельгийские рабочие, чтобы ходить по нужде, облюбовали себе место прямо под полом российского отдела. «Пространство под полом нашего отдела продолжает служить отхожим местом для рабочих, которые даже заявляют, что имеют на это некое право, ибо других уголков у них нет». В письме речь шла даже об опасности эпидемии: «Таким образом, я предвижу, что с началом сильной жары последует общее заражение русского отдела, которое вследствие абсолютного отсутствия какой бы то ни было вентиляции угрожает сделать пребывание в наших галереях невозможным». Бэкманн настаивал на том, чтобы рабочим запретили доступ в подпол и чтобы немедленно были проведены очистка и дезинфекция. В противном случае русские исполнят свою угрозу. «Я буду вынужден закрыть отдел, поставив власти и публику в известность, по какой причине это сделано».

К счастью, письмо помогло — в пострадавших «dessous» тут же начались очистные работы [10. Е 11. Р. 479; 7; 19]. Впрочем, подпол российского отдела позднее еще раз сыграл с организаторами выставки опасную шутку. Во время второго визита бельгийской королевской семьи в этот отдел 21 июля, пол внезапно, с громким треском, провалился «на пространстве в десять квадратных метров. Несчастья, слава Богу, ни с кем не произошло. Король сохранил полное спокойствие; он даже улыбнулся и поспешил успокоить эрцгерцогиню, находившуюся рядом с ним и выглядевшую очень испуганной. В любом случае ничего страшного не было бы, ибо пол возвышался над землей только на 60 сантиметров». О причинах инцидента ничего не сообщалось [20].

Очистка оскверненного подпола еще не успела начаться и российский отдел был еще закрыт для публики, когда 26 и 30 мая его посетил великий князь Павел Александрович, младший брат Александра III. Он поздравил Бэкманна и его коллег — маленький, но красиво декорированный в модном тогда псевдорусском стиле, отдел и в самом деле был впечатляющий. От русских как раз и ожидали, что они придадут своему отделу национальный оттенок, и ожидания оправдались. «Этот отдел сумел обрести истинно национальный вид», — читаем мы в немецком путеводителе по выставке [21]. В вышедшем по-французски парадном издании об Антверпене-1885 его авторы Р. Корнели и П. Мюссели не скрывали своего восхищения: «Русский фасад — настоящее чудо, с его богатыми аркадами, причудливыми фризами — их мотивы позаимствованы у древних очертаний Кремля — и длинными бархатными драпировками, столь богато, столь величественно обрамляющими этот монументальный портик» [22. Р. 265—271]. Даже Аким Ефрон, во всем прочем отзывавшийся о российской экспозиции весьма критически, об убранстве зала написал не менее хвалебно: «Внешность нашего отдела [...] очень миловидна и даже эффектна ... Все выставочное пространство, благодаря хорошо устроенному освещению и прочим аксессуарам, смотрит приветливо, весело, точно желает заманить к себе зрителей и заставить их любоваться» [17. С. 116—117].

Еще больший успех у публики выпал на долю шести громадных русских солдат-здоровяков, специально присланных в Антверпен для охраны экспозиции. В своих красивых белых и красных мундирах гвардейских и казачьих полков они выглядели очень эффектно и притягивали к отделу массу посетителей. Антверпен был без ума от «великолепных царских гвардейцев». «Благодаря своей выправке и безукоризненности мундиров они кажутся неотъемлемой частью этого ансамбля». Многие посещали российский отдел только потому, что их привлекли эти «живые аксессуары», подтверждал в своем отчете и Ефрон. На групповой фотографии служащих отдела в роскошном фолианте Корнели и Мюссели бравые усачи в блестящих мундирах возвышаются за сидящими комиссарами в гражданских костюмах, на фоне двуглавых орлов и большого бюста Александра II, Царя-Освободителя [23. 1885. 18 IX; 17. С. 115—117].

Еще в одном иллюстрированном путеводителе Корнели рассказана забавная история об этих русских великанах. 2 мая, в день открытия выставки, они три

часа стояли неподвижно, «застыв, как статуи», у входа в отдел в ожидании короля бельгийцев. Почти двухметровый король с изумлением взирал на солдат, превзошедших его ростом. «Кто был удивлен, так это Леопольд II, не привыкший встречать людей, которым он едва доставал до плеча. Он сделал комплимент их прекрасному росту — и наши пятеро (шестеро? — В. Р.) русских гигантов, все еще неподвижные, точно античный хор, из самых недр своей широкой груди грянули приветствие на родном языке». Но, привыкшие отдавать честь царю, спутали все титулы и крикнули: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» [24. Р. 106]. По словам корреспондента «Нового Времени», король заметил Бэкманну: «Экие молодцы! Мне казалось нелегким найти человека, одинакового со мной роста, а этот молодец перерос меня. Я крайне сожалею, что не могу говорить по-русски, и потому прошу вас передать вашим гвардейцам, что я искренне рад их видеть» [16. 1885. 28 IV/10 V].

Лишь 2 июня российский отдел был торжественно открыт. Рядом с посланником графом Андреем Блудовым, секретарем миссии бароном Пилларом фон Пильхау и «всей русской колонией Бельгии» находились также антверпенцы Виктор Линен и Эдмонд Ажи, торговец, консул России в этом городе с 1863 по 1900 г., с женами. Протоиерей о. Афанасий Петров из церкви при русской миссии в Брюсселе с помощью двух певчих отслужил тут же в отделе литургию. На всех присутствовавших бельгийцев это произвело сильнейшее впечатление: «Посреди отдела был поставлен стол, служивший алтарем. Г-н Петров проникновенным голосом провел старославянские молитвы. Два других голоса отвечали ему священными песнопениями древних времен». Протоиерей же произнес и вступительную речь. «Г-н Петров затем выступил с речью по-русски, характера религиозного и патриотического, покрывало, которым завесили отдел, спало — и российская экспозиция была официально объявлена открытой». Комиссары отдела увенчали церемонию праздничным завтраком, куда пригласили даже бельгийских рабочих и своих уже прославившихся гвардейцев-охранников — за отдельный стол, разумеется [22. Р. 265; 16. 1885. 28 V/9 VI].

Официальный каталог российского отдела насчитывает около 170 экспонентов. Согласно другим источникам, всего было 225 участников из Российской империи, приславших вместе 74 вагона экспонатов [25]. Из отчета Ефрона следует, что лишь небольшое число их явилось в Антверпен лично. Некоторых представляли на месте агенты-комиссионеры — местные или из России. От такого агента многое зависело. Так, одному из них, представлявшему более 20 российских ювелиров, Ефрон ставил в вину, что он, не разбираясь в серебряных изделиях, очень неудачно подобрал предметы для выставки — банальные вазочки и солонки вместо настоящего искусства. Против, бронзовые статуэтки и минералы К. Ф. Вёрффеля из Петербурга представлял «толковый человек» — и только его экспонаты оказались полностью распроданы. Предметы же, за которыми не присматривали ни комиссар, ни представитель, почти не раскупались. Об изделиях из папье-маше московской фабрики Александра Лукутина Ефрон писал: «Будь при витрине ловкий приказчик, фирма несомненно сделала бы недурные дела, и все выставленные в ней предметы были бы распроданы» [17. С. 149—151, 170].

Почти во всех областях производства российские экспоненты получили золотые или серебряные медали или даже почетный диплом — высшую награду на Всемирной выставке 1885 г. Отзывы бельгийцев целиком отражали традиционное западное видение России — страна пышной роскоши, полная искусных мастеров, но индустриально неразвитая. К величайшей досаде некоторых русских, в тот раз в Антверпене Империи не удалось избавиться от этого, в то время давно уже не лестного, образа. Во всем этом было нечто драматичное. Молодой российский капитализм охотнее всего гордился своим техническим прогрессом западного образца, искренние же восторги бельгийцев по вопросу уже известных им, традиционных, «национальных» русских ремесел только раздражали россиян.

Внимание многих посетителей привлекла великолепная бронзовая ваза в русском стиле, которую А. Постников продал царю за 15 тыс. руб. Корнели с

энтузиазмом описывает бронзовые же фигурки казаков и иных всадников [22. Р. 270]. «Новое Время» сообщало, что сам король бельгийцев во время своего второго визита в российский отдел приобрел изящную бронзовую группу «Прощание казака», выставленную Феликсом Шопеном из Петербурга [16. 1885. 28 V/9 VI]. По мнению брюссельской «L'Omnibus Illustré», бронзовые сценки из русской жизни («эти охотники на медведей или на тюленей; эти люди на коньках на льду из горного хрусталя; эти упряжки оленей или едва укрощенных коней...») заслуживали отдельной выставки [26. 1885. 18 X]. «Присланные русскими предметы из бронзы свидетельствуют о большом художественном чувстве, — заметил Оомен в «Het Handelsblad». — Русские также умелые медники. Достаточно взглянуть на их ярко сверкающие, желтой меди, сосуды для чая» [18. Р. 145].

Не меньше воодушевили публику золотое и серебряное шитье, «богато вышитые шелковые ткани» — парча, а также хлопок и лен. Шитые золотом и серебром ткани и бархат большой фабрики братьев Сапожниковых в Москве, поставивших в 1883 г. мантию для коронации Александра III, заставляли посетителей думать о несметных богатствах и восточной роскоши русской знати. «И есть там кому носить такие вещи!» — не удержался от восклицания Корнели в отчете о выставке. Многокрасочные набивные хлопчатобумажные ткани с яркими цветочками фабрики Барановых не только всех пленяли, но и — благодаря низким ценам — мгновенно расхватывались.

На фотографии в книге Корнели и Мюссели мы видим сказочную резную избушку — павильон фирмы «Яков Прозоров и сын». Здесь, рассказывает Ефрон, бельгийские знатоки целыми днями изучали русскую льняную промышленность. Эту петербургскую фирму уже с давних пор представлял в Бельгии антверпенец Брэйнсераде, и ее продукция была там известна. Ведь после зерна и древесины важнейшим экспортным товаром России в Бельгии был лен. Также и фабриканты табака и сигарет, например, И. Бостанжогло в Москве и Я. Кушнарев в Ростове-на-Дону, издавна имели в Бельгии хороших партнеров, чьи имена стоят на визитных карточках этих российских предпринимателей в альбоме экспонентов выставки в антверпенском Городском архиве. Петербургскую шведскую спичечную фабрику Грэфсбю представлял некто Анри Хендрикс, а торговцев тканями из Царства Польского — уже упоминавшийся их земляк Э. Занд [27; 7].

Восхищение вызывал и павильон спичечного магната Василия Лапшина, целиком построенный из крошечных изделий его предприятия. Посылая в Бельгию кружева, фабрики Тимашева, Новгородцева и братьев Рожновых, казалось, собирались «в Тулу со своим самоваром». Но случилось наоборот — антверпенские дамы толпились у их витрин, присматриваясь к оригинальным рисункам русских кружевниц. Ну и, конечно, же, были меха. «Меха произвели сенсацию — и своей красотой, и дешевизной. Их продают, похоже, в больших количествах» (Р. Корнели). Пресса пестрела описаниями «мужских и дамских мехов ценой от 20 фр. до 20 тысяч фр.» или же «горностаев такого же качества, как те, что послужили для коронации российского императора» (А. М. Оомен). Уже названный выше меховщик Павел Грюнвальдт из Петербурга был к тому времени своим человеком на всех всемирных выставках и лично приехал в Антверпен не за медалями, а для большой коммерции. Позаботился он и о рекламе. Перед его красивым павильоном стояло огромное чучело белого медведя. Проходя мимо, все невольно клали руку ему на голову, и тогда медведь открывал громадную пасть и слышалось глухое ворчание. Сама бельгийская королева Мария-Генриетта не устояла перед соблазном и тут же заказала шубу из русских мехов. Так как Грюнвальдт был членом жюри, его изделия шли вне конкурса, но зато прекрасно продавались.

В центре внимания были также музыкальные инструменты из России. Большой рояль, присланный из Петербурга К. М. Шрёдером, поставщиком императорских дворов России, Германии, Австро-Венгрии, вызвал сенсацию. Никто не ожидал, что русские умеют делать такие прекрасные и сложные инструменты. Известные пианисты охотно приходили в российский отдел играть. Роялю Шрёдера Ант-

верпенское Общество композиторов было обязано успехом своих русских концертов в июле — сентябре, о чем мы еще скажем ниже. Virtuоз Э. де Рива Берни играл на этом рояле перед весьма музыкальной королевой Марией-Генриеттой, и она была очарована звучанием инструмента. В местной прессе об экспонате Шрёдера писали только в превосходной степени, и после грандиозных русских концертов в сентябре жюри удостоило рояль самой высокой награды.

Особенно велик был в российском отделе ассортимент спиртного. 28 экспонентов не побоялись никаких расходов, чтобы обустроить на Антверпенской выставке свои красивые киоски со множеством бутылок. Там были самые разные водки, ликеры, кавказские вина и российское шампанское. Члены жюри, которые их отведали, не могли ими нахвалиться, тогда как посетителям приходилось довольствоваться заверениями газет, что «русские водки — очень хорошего качества». О крупном водочном заводе вдовы Поповой в Москве напоминает ее визитная карточка в архивном альбоме экспонентов выставки 1885 г. Не осталась незамеченной и другая жидкая субстанция из Российской империи. «Скажем несколько слов об отрасли промышленности, которая, хотя и появилась недавно, тем не менее одна из самых процветающих. Мы хотим говорить о русской нефти». Интерес бельгийцев к бакинскому нефти был в то время и вполне практического порядка: с 1884 г. братья Нобель экспортировали свою нефть через Антверпен — при участии немецкого торговца Хайнриха Рита, позднее консула России в этом городе. В российском отделе была помещена целая железнодорожная цистерна с нефтью, что вызвало у Ефрона много критики. Дело в том, что сама цистерна была не русского, а бельгийского производства, и изумленные посетители читали на этом экспонате из Баку фирменную марку «Van der Zypen et Charlier» [18. P. 125, 128, 161; 22. P. 270; 24. P. 103—104; 23. 1885. 3 VI, 4—7, 19, 22 VII, 10—11 VIII, 10, 18 IX; 17. С. 125, 140, 203, 126—131].

Бельгийцы считали российский отдел безусловным успехом. «Он оставил после себя глубокое впечатление оригинальности, величия и мощи», — утверждали в своей книге Корнели и Мюссели [22. P. 277]. В немецком путеводителе Корнели была подмечена и неожиданная для Запада высокая экспозиционная культура русских: «Упаковки и этикетки показывают, что и в этом вопросе в империи царя шагнули далеко вперед. Предметы размещены с истинным вкусом» [21]. «Le Précurseur» также удостоила похвал находившихся в Антверпене организаторов российской экспозиции. «Когда подумаешь, что генеральный комиссар г-н Бэкманн располагал лишь несколькими неделями времени для устройства всего отдела, можно только удивляться проделанной работе». Личность Карла Бэкманна газета оценила столь же высоко: «генеральный комиссар самой высокой пробы», «он в то же время со всеми любезен и ласков; одним словом, он — the right man on the right place. Благодаря ему, Антверпенская международная выставка [...] обладает еще одним полюсом притяжения больше». 14 сентября король вручил российским комиссарам в Антверпене знаки рыцарей ордена Леопольда [23. 1885. 18, 24 IX].

Однако русские журналисты оценивали их роль иначе. Пока шла выставка, в московской газете «Русский Курьер», издававшейся винозаводчиком Н. Ланиным, который тоже экспонировал в 1885 г. свои вина и лимонады, выходила серия очерков из Антверпена, подписанных А. А. По содержанию, стилю и мыслям они отчасти близки вышедшей позднее книге Акима Абрамовича (А. А.!) Ефрона. Не исключено, что Ефрон писал и для «Русского Курьера». Как неизвестный А. А., так и Ефрон упрекали официальных российских комиссаров прежде всего в том, что промышленность России была представлена на выставке недостаточно и неверно. Ведь посетители знали, что этот отдел был обустроен русским правительством официально. Поэтому они полагали: выставленные экспонаты — это лучшее, что могла произвести промышленность этой страны. Однако они видели слишком много хлопка и водки и слишком мало машин и химических продуктов. «Со снисходительной улыбкой выходили иностранцы из русского отдела на Антверпенской выставке, похваливая нас устно и в своих газетах и журналах тем

хвалебным тоном, в котором ясно заметны ирония и насмешка». По словам Ефрона, Бэкманн и его сотрудники не сделали ничего, чтобы привлечь более важных экспонентов, своевременно их пригласить и уменьшить их издержки, «в то время когда все без исключения иностранные комиссары хлопочут об удешевлении тарифов по провозу экспонируемых предметов, по облегчению условий сбыта продуктов, по уменьшению таможенных пошлин...».

Как пример плохого экспонента «Русский Курьер» упомянул «торговца меховых товаров Грюнберга» (Грюнвальдт. — В. Р.), который «занял одно из первых мест в нашем отделе, но наполнил свою витрину таким ничтожным некрасивым товаром, что Швеция и Норвегия перещегооляли Россию своими пушными товарами». А как же крупный коммерческий успех Грюнвальдта в Антверпене? Истинная причина столь уничтожающей характеристики была явно в другом: «Приглядываясь поближе к тому, что выставил Грюнберг, всякий русский немедленно узнал в товарах немецкое изделие». Не стояли ли за этой несправедливой «патриотической» критикой московские меховщики — конкуренты петербургского немца? В книге же Ефрона о Грюнвальдте говорится лишь с похвалой. То ли все-таки не Ефрон писал в августе 1885 г. для «Русского Курьера», то ли его мнение об известном фабриканте впоследствии почему-то радикально изменилось.

Прямо противореча бельгийским обозревателям, превозносившим внутреннее устройство русского отдела, Ефрон упрекал комиссаров также в том, что многие экспонаты были выставлены небрежно и безвкусно. Вдобавок он обвинял их в мелких подтасовках в официальном каталоге отдела — так, дабы скрыть, как мало было российских экспонентов, одну и ту же фирму указывали в двух или трех разных местах. Московский фабрикант Николай Эггерс, «приславший небольшую витрину с меховыми товарами», был представлен в каталоге в двух рубриках: «нешитые меха» и «готовые шубы». В самом же отделе его изделия были размещены так неудачно, что даже при ярком солнце разглядеть их было трудно. Обычные карандаши и писчую бумагу Бэкманн с большой претензией назвал в каталоге «материалом для искусств, живописи и рисунка». За те огромные деньги, что Россия потратила на свой отдел, продолжал Ефрон, комиссары обязаны были представить промышленность страны не в таком «жалком и чуть ли не смешном виде».

Но еще хуже некомпетентности российских официальных лиц были их пристрастность, на которую Ефрон обрушился со всей силой своего критического темперамента. Они фактически вели себя как коммерческие агенты отдельных предпринимателей и думали больше о рынке сбыта для них, чем о пропаганде российской экономики в целом. По словам Ефрона, комиссары не чурались даже интриг в жюри, лишь бы обеспечить высшие награды собственным «протезе» за счет других соотечественников. Естественно, что Бэкманн и его штаб были заинтересованы как раз в том, чтобы как можно меньше экспонентов из России лично приехало в Антверпен или было представлено частными комиссионерами. Предприниматели, которые сами присутствовали на выставке или назначили своих представителей, порой сталкивались с активным противодействием официальных комиссаров. Ефрон упоминал даже о неких «гонениях». Так что фирмы, не договорившиеся приватно с комиссарами, часто вообще отказывались от участия в выставке. Бюрократизм и коррупция среди правительственных чиновников России в Антверпене, писал журналист, не только вредили торговым интересам страны, но и оскорбляли «до глубины души всякого русского, видящего свое отечество представленным на всемирном конкурсе в оскорбительно-ложном свете» [17. С. XVI, XVII, XVIII, 103—114, 135—137].

Столь же резко отозвался Ефрон и об участии России в выставке изобразительных искусств. «Фламандцы, как настоящие любители и знатоки по части изящных искусств, с большим нетерпением ждали открытия русского художественного отдела, чтобы познакомиться с „русской школой“, приобретшей уже себе известность в Европе». Но вот галереи наконец открылись, а ни экспонаты из России, ни сам комиссар — профессор Юлий Клевер еще не прибыли. Только

когда все уже устали ждать, Клевер привез в июле то небольшое, что собрала в Петербурге Академия Художеств. Ни одного произведения скульптуры или гравюры — точно в России эти искусства были еще неизвестны! Не было и вещей таких лучших в то время русских мастеров, как Репин, Куинджи и Айвазовский.

Россия выставила 38 картин 27-и художников. Но, как заметил Ефрон, публика толпилась только перед «Свадебным пиром в боярской семье» Константина Маковского и романтическим «Осенним утром на Черном море» тогда уже покойного Рувима Судковского. Местные и иностранные художники часами простаивали у холста Маковского, срисовывая богатые декоративные боярские костюмы. «В русском отделе „Свадебный пир“ показался мне великолепным своими красками и достоверностью», — сообщал один брюссельский журналист [26. 1885. 16 VIII]. Пишные, театральные «боярские жанры» Маковского с идиллическими сценами из русского средневекового быта вполне отвечали тому образу старой Руси, который сложился на Западе, — варварская роскошь и изобилие, кряжистые седовласые мужи из былин и прекрасные девы. Если верить А. А. из «Русского Курьера», посетители отнеслись с вниманием и к еще двум красочным полотнам — «Иллюминация Кремля в день коронации Их Величеств, 27 мая 1883 года» самого комиссара Клевера, позаботившегося о необычных световых эффектах, и «Обжорный ряд в Москве» Владимира Маковского с его пестрыми и живописными, весьма экзотическими для иностранцев социальными типажам [28].

Но только «Свадебный пир» К. Е. Маковского был отмечен жюри, да и то лишь самой низшей наградой. Вину за это Ефрон возлагал исключительно на комиссара. Клевер все время отсутствовал и вернулся в Антверпен тогда, когда награды уже были присуждены. Так что официально представить жюри русское искусство, дать необходимые пояснения было некому, и, по словам Ефрона, решено было наградить в российском отделе первую попавшуюся крупную картину. А самым большим по размерам оказалось именно полотно Маковского [17. С. 187—196]. Как видно из отчета о художественной экспозиции, из всех русских картин только оно и было после выставки куплено, и американец К. В. Шуманн увез его к себе в Нью-Йорк [29]. По сравнению с бурными овациями, которых, как мы увидим, удостоилась в Антверпене в 1885 г. русская музыка, успех русской живописи был там совсем незначительным.

Если Ефрон в своей книге 1886 г. отзывался о ситуации в российском отделе без обиняков, то корреспондент «Нового Времени» не пошел дальше мягких упреков экспонентам. Он также считал, что надо было прислать больше дорогих предметов и настоящих шедевров — не ради престижа страны, а просто чтобы лучше воспользоваться новым рынком сбыта. «Ведь Антверпен, господа, — город богачей, и нет сомнения, вещи ваши не залежались бы в витринах, но по дорогой цене были бы приобретены в дома здешних крезов». Некоторые же участники, начиная с фабрикантов кож, отнеслись к отбору экспонатов несерьезно. И все же дела в русском отделе шли неплохо: «Все раскупается». На кого петербургский корреспондент резко напал, так это на своих же коллег. Слишком уж охотно подражают они французским журналистам в готовности писать благосклонные отзывы о том или ином экспонате — за деньги.

Условиями же для работы журналистов, созданными бельгийским правительством, Ефрон и его коллеги не могли нахвалиться. Да и посетителям всегда было где поесть и выпить, и притом недорого. Некоторые другие вещи Ефрон, однако, не одобрял. Пользоваться скамейками и стульями уставшие посетители могли только за плату. «Такая жадность возмутительно неприлична». А еще было «крайне мало места для удовлетворения известных потребностей желудка; следствием этого является необходимость для рабочих и служащих не стесняться местом, а от этого страдают санитарные условия выставки и нередко — глаз проходящей публики». Мы помним, впрочем, что генеральный комиссар Бэкманн уже затрагивал эту деликатную тему в своих письмах в Исполнительный Комитет. Корреспондент «Нового Времени», со своей стороны, жаловался, что из-за ужасной дороговизны квартир иностранцы не могли останавливаться в Антверпене и

должны были ездить на выставку из Брюсселя [16. 1885. 28 V/9 VI, 5/17 VIII, 3/15 VI, 5/17 V; 17. С. 28].

Мы не знаем, сколько и кто именно из российских участников выставки лично приезжал в Антверпен. Не известно и число посетителей из России. Статистики не велось, а в гостиничных книгах 1884—1886 гг. данных за май—октябрь 1885 г. почему-то нет. Из отчета Ефрона следует, что приезжих из России на выставку было немало. Их узнавали по серьезному виду, костюмам, а порой и по незнанию языков. Из известных россиян, посетивших первую в Антверпене Всемирную выставку можно упомянуть И. Т. Тарасова, профессора права Киевского, а позднее Московского университетов, командированного в 1885 г. за границу в поисках методов интенсификации сельского хозяйства [30]. В Бельгию он заехал прежде всего ради выставки. Для композитора А. П. Бородина, который был, как известно, в Петербурге профессором Медико-Хирургической академии и имел на своем счету уже ряд открытий в органической химии, выставка тоже, конечно, не была лишь светской поездкой. Его влекли туда научные интересы. Гостя в августе в Бельгии, он не мог не заехать в Антверпен. «Подумай сама,— писал он жене,— в двух шагах от меня Антверпенская выставка». И позже: «...Мотаюсь уже второй день и устаю смертельно. Много есть интересного, но в общем мне московская выставка больше нравилась» [31. С. 132]. Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве состоялась в 1882 г., и Бородин был не единственным, кто не избежал сравнения.

Ученого из России можно было встретить и на прошедшем в рамках выставки Международном конгрессе ботаники и садоводства (2—5 августа). Видный ботаник А. А. Фишер фон Вальдгейм, профессор университета и директор Императорского Ботанического сада в Варшаве, был в восторге от одной организационной новинки, «не практиковавшейся еще ни разу». Впервые участникам конгресса были за два месяца разосланы вопросы для обсуждения, на которые надо было ответить письменно. Все тексты были вовремя напечатаны, так что желающие могли заранее подготовиться к дискуссиям. На самом конгрессе профессор выступал много раз — об опыте ботанических садов, музеев и лабораторий в своей стране. Пожалуй, лишь в дискуссии о флоре Конго он не взял слова. Его слушали внимательно, а совет уничтожить насекомых-вредителей табачным дымом вызвал общий энтузиазм [32].

Валентин Серов заехал в августе 1885 г. из Мюнхена в Антверпен изучать фламандскую живопись. На выставку 20-летний художник смотрел глазами обычного туриста. В его письме невесте читаем: «...Забрался не целый день, порядочная тоска — все машины, впрочем не так машины, как разных колониальных товаров, трудно представить себе, сколько всяких этих изделий. [...] Под конец дня я ног под собой не чувствовал и я рад был наконец уйти. Впрочем несколько машин мне очень понравились, так, например, я увидел, как делается бумага — все это тут же на глазах, [...] это было действительно очень мило». Экспозицию картин он описал скептически — в основном там были произведения бельгийцев, не вызвавшие у него интереса. Из России же «вещи присланы неважные». С куда большим увлечением он рассказал о неожиданной встрече в русском отделе со знакомым стариком-финном, служившим когда-то сторожем в их Академии Художеств в Петербурге. «Злосчастный чухонец» горько жаловался, «что ему плохо тут и кормят плохо — одна картошка, „нет, у нас уж на что лучше“» [33].

Не меньше, чем самой экспозицией, Всемирная выставка 1885 г. запомнилась первоклассными концертами. Именно в этом году в Бельгии — раньше чем на родине — обрела безоговорочное признание ярко выраженная «национальная» музыка «Новой Русской школы» («могучей кучки»). Графиня Луиза Мерси д'Аржанто, страстная пропагандистка русской музыки на Западе, уже в январе положила начало «Русским концертам» в Бельгии, где звучали Бородин, Кюи, Римский-Корсаков. А 23 августа в Праздничном зале Антверпенской выставки совсем молодой А. И. Зилоти без всяких партитур исполнил ряд сложнейших

сочинений Бетховена, Брамса, Шопена и своих учителей Листа и Чайковского. Разносторонний талант русского пианиста был отмечен в местной прессе целым лесом восклицательных знаков, слушатели же оказали Зилоти просто королевский прием: «Никогда, — писала газета „Le Précurseur“, — ни одного артиста не приветствовали с таким восторгом» [23. 1885. 24 VIII].

Антверпен был в те месяцы в восторге от русской музыки и хотел слышать ее как можно больше. Воспользовавшись тогдашним пребыванием в Бельгии Александра Бородина, организаторы выставки и несколько местных музыкальных обществ устроили «Русский» и «Славянский» концерты, где были исполнены прежде всего его произведения. Публика особенно восторгалась Второй («Богатырской») симфонией, в которой видела выражение русской меланхолии бескрайних просторов. Именно Вторая лучше всего отвечала западному представлению о России — туманной, могучей, мистической. О том, как с участием самого композитора и графини Мерси д'Аржанто готовился и проводился 9, 16 и 19 сентября на выставке этот грандиозный музыкальный праздник, мы рассказываем подробно в другой работе [1; 2]. «Овации, сделанные мне в этих концертах, шли crescendo» [31. С. 135—136]. Композитор не преувеличивал. На всех трех концертах Большой Праздничный зал, рассчитанный на 4000 человек, был набит битком. Бородина дважды громко и восторженно вызывали, и никогда еще талант этого «музыканта по воскресеньям» не бывал так щедро вознагражден, как в 1885 г. в Антверпене.

То, что первая Антверпенская выставка, несмотря на все недостатки и злоупотребления, сослужила большую службу не только культурным, но и экономическим интересам России в Бельгии, бесспорно. Резко возросшее в 1887—1888 гг. число заходов российских судов в бельгийские порты говорит само за себя. Когда в 1888 г. в Брюсселе состоялся Большой Международный конкурс наук и промышленности, дела российских участников шли там еще лучше, ведь уже с 1885 г. публика была знакома с их продукцией. Бронзовые фигурки Вёрффеля, меха Грюнвальдта и российское шампанское шли нарасхват, как сообщает в другой своей книге все тот же Ефрон, который и в Брюсселе представлял как корреспондент, несколько петербургских газет [34].

В 1894 г. Антверпену вновь довелось принимать у себя Всемирную выставку. Вместе с Испанией, США, Болгарией, Персией и другими менее известными в Бельгии странами Россия и в этот раз участвовала в выставке официально. «Вот, без сомнения, важная новость, — прокомментировали это решение антверпенские газеты. — Она может вызвать в памяти не только гигантские силуэты казаков из царской гвардии...». Впрочем, как и за девять лет до этого, решение об участии было принято правительством Александра III после очень долгих колебаний — лишь в августе 1893 г.

Преемственность с 1885 г. была подчеркнута назначением в апреле 1894 г. генеральным комиссаром от России Добронизского, прежнего заместителя Бэкманна. Став горным инженером в Льеже и получив боевое крещение на первой Антверпенской выставке, Александр Валентинович отлично знал, как обходиться с бельгийцами. В антверпенской прессе его называли не иначе как «в высшей степени симпатичным» и «совершенным джентльменом» и даже «одним из самых ученых химиков в Европе», человеком, который «сумел придать своему отделу столь оригинальный характер» [23. 1894. 13 IX, 3 X; 35]. В российской печати личные заслуги нового комиссара также были оценены высоко. По словам корреспондента петербургской газеты «Свет», не только блеском и пышностью, но и особой атмосферой приветливости и гостеприимства русский отдел был обязан Добронизскому. Его назначение «много содействует укреплению того понятия, которое имеют французы и родственные им по языку и обычаям бельгийцы о нашем радушии» [36. 1894. 27 V, 4 VI].

Штаб генерального комиссара включал в себя двух русских — видного юриста, сенатора Н. И. Стояновского и высокого чиновника Департамента торговли М. Бильбасова, и одного бельгийца — Эдмона Ажи, консула России в Антверпене.

В том же отделе была устроена и экспозиция «Женские работы», привезенная А. И. Киреевой, урожденной княжной Несвицкой, которую командировал в Антверпен высокопоставленный Дамский комитет в Петербурге [37]. Ей выпала важная роль — учтиво принимать в русском отделе коронованных особ. Не раз довелось ей встречать реверансом Леопольда II, за ним Кароля I Румынского, королеву Саксонскую.

Немало людей из России заседало в жюри. Военный инженер капитан С. И. Хорунженков, позднее один из первых у нас специалистов по холодильникам, был членом жюри по электричеству. Вновь явились в Антверпен два ветерана выставки 1885 г.: меховщик Грюнвальдт как вице-председатель, а Лопатин как член жюри по кожам. В жюри по локомотивной тяге Россию представлял сам комиссар Стояновский, а в жюри по каменным карьерам и цементу — инженер Я. Эйггер, управляющий цементным заводом под Варшавой. В жюри по винокурению мы видим Михаила Кошницкого, инженера-химика, который с 1878 г. жил в Брюсселе и был отцом известного впоследствии бельгийского поэта и музыканта Леона Кошницки. В жюри по садоводству у России было три представителя — ботаник и физиолог растений А. Ф. Баталин, — директор Императорского Ботанического сада в Петербурге, садовник Эйлерс и профессор ботаники Фишер фон Вальдгейм, уже хорошо знакомый антверпенцам.

В жюри по музыкальным инструментам место России занял органист, дирижер и композитор чешского происхождения Войтех Главач. Он и сам участвовал в выставке, хотя и вне конкурса. Среди музыкальных инструментов были представлены сконструированные им «гармонипьяно» и «гармониум концертный», на которых он сам и сыграл 20 и 31 августа на своих концертах. В отделе изящных искусств Россия официально представлена не была: видимо, слишком болезненной оказалась неудача русского искусства в 1885 г., когда оно осталось почти незамеченным. Однако единственный, кто тогда удостоился награды, популярнейший в то время в России К. Маковский, и на этот раз выставил свою работу, пусть и вне конкурса. Он даже сам явился тогда в Антверпен, приглашенный в жюри по живописи [38. P. 26, 33, 41, 16, 51, 106].

5 мая Леопольд II открыл новую Всемирную выставку в присутствии всего дипломатического корпуса, в том числе российского посланника князя Л. П. Урусова. Но ситуация 1885 г. повторилась — отделы большинства стран были еще не готовы. Чтобы 5 мая не принимать короля посреди голых стен, российские комиссары поспешно распаковали меха и водку и только в последующие дни приступили к настоящему обустройству отдела. Строительство было поручено на этот раз русскому — инженеру В. Мазырину из Москвы. Возведенный им красивый фасад придавал отделу особую величественность. Между экспозицией Дамского комитета и отсеком для других участников из России возвышался Императорский павильон в псевдовизантийском стиле, с тяжелыми колоннами, обилием позолоты и призматическим куполом, увенчанным двуглавым орлом. Этот нарядный павильон, украшенный снаружи бело-сине-красными флагами, а внутри гербами русских городов, мы видим на фотографии в антверпенском Городском архиве. Рядом с колоссальным бюстом Александра III там были выставлены четыре рояля и фортепьяно [23. 1894. 5, 10 V; 40. 1894. 10 VI, 23 VI; 41].

С самого начала Россия могла рассчитывать на большой интерес и симпатию. К традиционным экономическим и культурным связям между Российской империей и Бельгией, наиболее осязаемым в Антверпене, присоединился тогда новый, политический, фактор. Небывалое сближение России и Франции в начале 90-х годов создало и в Бельгии во время выставки 1894 г. особую русофильскую атмосферу, хотя влиятельную немецкую колонию Антверпена это вовсе не радовало. В начале июня, когда российский отдел еще не открылся, антверпенский Коммерческий институт организовал международный студенческий праздник. Сотни студентов из Франции, Англии, Нидерландов двинулись процессией со знаменами и музыкой. Поравнявшись с резиденцией российских комиссаров, молодые французы увидели огромный бело-сине-красный флаг. Процессия оста-

новилась, оркестр грянул гимн «Боже, царя храни», который, уверял корреспондент «Света», был слышен во всем городе. «Наш главный комиссар показался на балконе и громкие крики „ура“ раздались в честь России». Добронизский принял студентов, и весь этот эпизод показался антверпенцам очень симпатичным [36. 1894. 27 V].

Только 9 июня, в присутствии бельгийского министра иностранных дел и десятков других высоких гостей, князь Лев Урусов торжественно открыл русский отдел тем же ритуалом, что и в 1885 г. В уголке, отведенном экспозиции Дамского комитета, госпожа Киреева расстелила на столике белоснежную скатерть и расставила иконы. Все тот же протоиерей Петров из российской миссии в Брюсселе, «человек лет 45, с лицом почтенным, умным и энергичным», отслужил с пятью певчими короткую литургию. После этого, с крестом в руках, он выступил вперед и произнес по-русски вступительную речь. Подробнейшее описание всей церемонии и перевод речи священника были помещены в газете «L'Escaut». Отец Афанасий воздал хвалу генеральному комиссару Добронизскому, выразил надежду, что жюри оценит по достоинству трудовое усердие россиян и достигнутый ими прогресс, а также заверил европейцев в миролюбии императора Александра. Затем он не спеша освятил все убранство русского отдела. На двух роялях, присланных из Петербурга фортепьянным королем Шрёдером, были сыграны гимны обоих государств — «Брабансонну» и «Боже, царя храни», с чувством исполненный певчими, а под конец — «Свадебный марш» Мендельсона.

Как и за девять лет до этого, церемония произвела на бельгийцев сильное впечатление. Впервые на этой выставке официальное открытие отдела сопровождалось богослужением. Корреспондент «L'Escaut» даже пожалел, что католики уже не открывают общественные мероприятия религиозными обрядами. Празднество завершилось в ресторане выставки роскошным завтраком, данным комиссарами российским промышленникам и журналистам. В зале, убранном российскими и бельгийскими флагами и бюстом императора, расположилось 130 гостей. В одном из тостов князь Урусов напомнил о 500 кораблях под российским флагом, ежегодно бросавшим якорь в антверпенской гавани, а Добронизский говорил о своих старых связях с Бельгией и благодарил антверпенцев за великое гостеприимство [42. 1885. 10 VI].

Об Антверпене-1894 печать в России писала еще больше, чем в 1885 г. Комитет прессы на выставке ожидал 13 российских журналистов, почти столько же, сколько из Северной Америки (см. [43]), но не все они приехали. Аким Ефрон, тогда редактор «Correspondance Russe» в Париже, в 1894 г. вновь прибыл в Антверпен как корреспондент петербургских «Новостей». Но на этот раз его отчет не вышел отдельной книгой. Зато в нашем распоряжении есть подробные отчеты, которые некий В. К. регулярно посылал в свою польскую газету «Kurjer Warszawski». Петербургский «Свет» представлял 22-летний Теофиль Клячко из Вильны. Он был в то время студентом последнего курса антверпенского Коммерческого института [44; 45. 75942]. Благодаря своему бурному общественному темпераменту и журналистской ловкости, он сумел сделать свои отчеты в популярной газете, подписанные Т. К-ко, весьма занимательным чтением.

Итак, по сравнению с 1885 г. присутствие подданных Российской империи на выставке в 1894 г. было значительным. Число экспонентов, упомянутых в официальном каталоге русского отдела, выросло со 170 в 1885 г. до 204. Фактически же их было 372, из них четверо вне конкурса. Таким образом, по числу участников Россия заняла пятое место — после Бельгии, Франции, Болгарии и Германии. Типичным для этой ранней фазы капиталистической индустриализации в России было то, что, как грибы после дождя, один за другим появлялись новые предприятия. Поэтому в каталоге русского отдела в 1894 г. мы встречаем большей частью новые имена, а среди них меньше немецких, чем девятью годами раньше. Ветеранов Антверпена-1885 приехало не много: Грюнвальдт, братья Нобель, Карл Вёрффель, фортепьянные короли К. М. Шрёдер и Ф. Мюльбах, кожевенный фабрикант Брусницын, Карапет Ходжаян со своими изделиями из

серебра, а также Работкин, Шустов и Зварыкин, снова привезшие свои вина и водки.

Кто из экспонентов лично явился в Антверпен, также неизвестно, как и в 1885 г. Среди присутствовавших на выставке и упомянутых в антверпенской прессе — фотограф из Харькова Альфред Федецкий, «чьи работы в области платинотипии... произвели сенсацию». Домой он вернулся с золотой медалью. Такой же наградой были отмечены и рисунки из московского строгановского училища декоративно-прикладного искусства, представленные профессором Николаем Козловым. Посетители и журналисты обрели в его лице весьма услужливого экскурсовода, а для званого обеда, который российские экспоненты дали 21 июня комиссарам своего отдела, Козлов нарисовал красивую обложку к меню, о чем газеты известили всех антверпенцев [42. 1894. 15 VI; 23. 13 IX, 24 VI].

В Городском архиве мы извлекли на свет несколько досье тогдашних россиян, зарегистрированных в те месяцы как поселившиеся в городе иностранцы, но на самом деле прибывших исключительно ради выставки и потом уехавших. Так, юный Яков Ходжаян здесь, как и в Чикаго, экспонировал серебряные украшения по поручению своего отца, армянского предпринимателя в Петербурге. Михаил Каблуков из Москвы представлял на выставке фабриканта шерстяных и шелковых тканей В. Белова, которого жюри удостоило почетного диплома — вероятно, во многом благодаря его 25-летнему помощнику. Сергей Брейтфусс, прибывший из Петербурга, работал на Вёрффеля. Андрей Баутлер, сын богатого лавочника-немца из Петербурга, экспонировал рижский бальзам и ликеры, крымские вина и шампанское московской фирмы «Владимир Вишняков и К°». Позолоченной витриной в стиле Людовика XVI с зернами и семенами из помещичьего хозяйства Василия фон Хаупта ведал его сын Владимир, молодой подполковник царской кавалерии. Он дважды объехал весь мир и говорил на всех европейских языках. Так во всяком случае рассказал о нем корреспондент газеты «L'Escaut», долго беседовавший с Хауптом о российских экспонатах и записавший именно в его переводе на французский речь протоиерея Петрова при открытии отдела. Петербургский фабрикант кож Н. Брусницын доверил свою изящную витрину совсем юному Федору Гриневу, также уже поработавшему в Чикаго. Выбор оказался точным — экспонаты Брусницына удостоились в Антверпене Гран При. Ту же наивысшую награду получили и братья К. и С. Поповы, знаменитые московские чайные короли. Их витрину стоимостью в 10 тысяч франков привез журналист Вишнянов (Вишняков?). Он даже сам время от времени угощал ароматным чаем какую-нибудь красивую даму, посетившую русский отдел [45. 810366, 81374, 81208, 81214, 80664; 42. 1894. 10—14, 17, 20, 25—29 VI].

Активно действовали в русском отделе и эмигранты из России. В жюри по винокурению от имени России выступал, как уже говорилось, М. Кошницкий, который к тому времени уже 16 лет прожил в Брюсселе, где возглавлял одно бельгийское предприятие. Первый в Антверпене официальный переводчик с русского языка Гершон (в Бельгии Жермэн) Гуревич, переселившийся из Москвы [45. 64453], в августе 1894 г. переводил в этом отделе лекцию пожилого инженера Чернушенко об изобретенном им «воздушном судне». Гуревич и сам прочел в российском отделе «ряд объяснительных лекций». На выставке он представлял известного петербургского фабриканта роялей Я. Беккера и честно заслужил свои комиссионные, поместив в выставочном журнале две великолепные рекламные статьи об этой фирме. Когда 26 июля в русский отдел заглянул композитор Камиль Сен-Санс, он тут же попал в заботливые руки Гуревича, который и убедил его подойти сыграть как раз на беккеровском рояле, так что получился целый большой концерт [23. 1894. 7. VIII, 27 VII]. Маленькая ювелирная фабрика И. Маршака в Киеве была обязана золотой медалью и самыми лестными отзывами в антверпенских газетах, несомненно, именно своему представителю на выставке — Гуревичу. Да и другой его клиент, тифлисский топограф Н. Клементьев за рельефную карту Кавказа был удостоен золотой медали. Еще двое промышленников, которые доверились энергичному переводчику, также не остались без

награды: Н. Розенблюм из Лодзи за шерстяные платки, а А. Круминг из Либавы (Лиепая) за удобрения [46].

На банкетах, устроенных русским отделом 9 и 21 июня, Гуревич, эмигрант и еврей, сидел рядом с официальными посланцами Александра III и даже выступил от имени всех экспонентов из Российской империи с речью, в которой перечислил все заслуги Добронизского и его штаба [36. 1894. 30 VI]. Взаимопонимание между этими эмигрантами и официальными лицами из России было, по-видимому, полным. Тем не менее в сентябре Добронизский отказался принять на счет русского правительства комиссионные, которые Исполнительный Комитет выплатил Гуревичу. Было заявлено, что поручения, выполнявшиеся Гуревичем, и гонорар за них не были утверждены властями в Петербурге [46].

В антверпенской печати русский отдел был высоко оценен за свой оригинальный и ярко выраженный национальный характер, как того и ждали от этой далекой гигантской страны. Газета «Le Matin» пожалела лишь, что отдел на этот раз был разбит на отдельные отсеки, «ведь без этого эффект был бы еще более впечатляющим» [40. 1894. 23 VII]. Экономика России была представлена в 1894 г. масштабнее, полнее и лучше, чем на первой Антверпенской выставке. Было много машин и всяких механических приспособлений, а также продукции, которую в 1885 г. Россия еще не могла экспонировать: например, фотографии, модельная обувь и чай. Однако бельгийцы, как и раньше, смотрели в первую очередь на меха («Россия прислала нам всех своих медведей»), водку и нефть. На фотографиях русского отдела в Городском архиве видны как раз большие симпатичные чучела медведей и много мехов всех оттенков. Грюнвальдт, поставщик всех европейских дворов, привез прежде всего редких дорогих песцов, горностаев и черных медведей [47]. Журналисты заметили также, что большинство российских предпринимателей, участвовавших в выставках и в 1885, и в 1894 г., составляли водочные фабриканты. «L'Escaut» даже поблагодарила их «за то, что они с такой верностью откликаются при каждом благоприятном случае на приглашения нашего города». Наконец, по-прежнему велик был интерес к нефти фирмы Нобель. «Русский отдел свидетельствует о заметном прогрессе, во всяком случае в последние годы», — отметила «Het Handelsblad». Антверпенские дамы, сбегавшиеся в 1885 г. покупать кавказское серебро Ходжаяна, и девять лет спустя толпились у его витрины [42. 1894. 12, 17, 20, 27 VI; 48].

Сам король также заходил несколько раз к русским — полюбоваться бакинской нефтью братьев Нобель, бронзовыми фигурками Вёрффеля, мехами Грюнвальдта, драгоценностями Г. Клиндерта из Москвы и рисунками Строгановского училища. Когда он увидел кавказские ковры братьев Курчиянц с их гармоничными матовыми красками, то сказал комиссару Добронизскому, что очень охотно посетил бы Кавказ, живописную страну, где горы так богаты всевозможными минералами и где живут рядом добрых шесть десятков различных народностей. С петербургским инженером Борисом Гунзбургом, изобретателем сидячего вагона, способного автоматически превращаться в спальный без уменьшения числа мест, Леопольд II, сам страстно увлекавшийся конструкциями поездов, даже завязал разговор: «Я считаю ваше изобретение очень хорошим и очень полезным. Оно не только практичное, но и гуманное» [23. 1894. 13 VI, 26 IX; 40. 26 IX]. Вслед за королем и жюри проявило к российским экспонентам по крайней мере не меньшую благосклонность, чем за девять лет до этого. Со своими 13 дипломами Гран При Россия заняла почетное пятое место, обогнав главного конкурента — Болгарию. По числу же наград на одного участника Россия превзошла и Болгарию, и США.

Российская пресса уже не задавалась скептическим вопросом, по силам ли «маленькому Антверпену» затмить Всемирную выставку 1889 г. в «столице мира» Париже. Некоторые отделы антверпенской World's Fair 1894 г. «заставляют позабыть и башню Эйфеля», — рассказывал с изумлением корреспондент «Нового Времени» [16. 1894. 18/30 V.]. Особенно хвалили бельгийцев за инициативу и изобретательность в организации всего дела, хотя и в критиках не было недостатка. В Антверпене, писала газета «Свет», все подчинено идее максимальной прибыли,

и посетителю «слишком часто приходится прибегать к кошельку и за всякое любопытство принести известную дань». Как и в 1885 г., обозревателям из России бросилось в глаза обилие питейных заведений. «Говорят: „русский человек выпить любит“, а на деле-то выходит, что потребление напитков тут имеет гораздо больше приверженцев. Наш народ выпьет кой-когда с горя рюмочку, а тут и богатый, и бедный люд все толпится у дверей гостеприимных помещений, называемых здесь „кафе“», — писал Клячко в Петербург [36. 1894. 27 V]. Слышны были и все те жалобы на организаторов русского отдела. В начале августа, когда жюри осматривало один за другим все залы, корреспондент газеты «Kurjer Warszawski» посетовал, что, «к сожалению, изделия варшавских экспонентов размещены так, что их попросту надо искать» [49. 1894. 22 VII/3 VIII].

О посетителях из Российской империи в 1894 г. еще меньше данных, чем даже в 1885 г. Однако из газет явствует, что в российском отделе русская речь звучала постоянно. Один посетитель прибыл даже... пешком. Журналист Рейнштейн из того же «Kurjer Warszawski» покинул Варшаву 22 апреля и выступил на антверпенскую землю 10 июня. Рано утром, несмотря на непогоду, в пригороде Антверпена вышли его встречать организатор торжественного приема — проживавший в Антверпене инженер-поляк Витольд Витольд-Александрович вместе с местными и иностранными журналистами. От Берлина до Антверпена мужественный путешественник, которому было уже за 30, вынужден был шагать под проливным дождем. Он, правда, не простудился, но решил все же возвращаться поездом. Несколько тысяч любопытствующих антверпенцев громогласно приветствовали Рейнштейна уже на подходе к городу. Хотел ли он этим экстравагантным пешим походом показать, что Всемирная выставка делает различные страны ближе друг к другу? В Антверпене он во всяком случае стал любимцем газет и почетным гостем выставки [23. 1894. 5, 8, 11—12 VI; 49. 1894. 2/14 VI].

Из множества конгрессов важнейшим был первый Международный конгресс печати (7—12 июля). Россию официально представлял только 60-летний М. А. Загуляев. Он был редактором по внешней политике в «Новом Времени», но писал и для многих других изданий. Был он к тому же и переводчиком — его «Гамлет» Шекспира шел тогда в России в нескольких театрах. На конгрессе этот пламенный либерал и франкофил выступал как генеральный секретарь Русского Литературного общества. Это объединение, в которое входил, в частности, Чехов, организовывало лекции и литературные вечера и, как видно, имело также хорошие связи за границей. На пленарном заседании, посвященном женской журналистике, Загуляев говорил о роли женщин в газетном мире России, и в его рассказе публика увидела доказательства значительного социального прогресса в далекой стране. Вместе с другими официальными делегатами Загуляев был 7 июля торжественно принят в ратуше. Бургомистр Ян Ван Рейсвейк, фламандец, «ярый националист», «требовавший признания полной официальности для своего родного языка», ратовал за отчетливо национальный характер европейской прессы. В своей петербургской газете, соединявшей умеренный либерализм с великорусским национализмом, Загуляев цитировал антверпенского бургомистра с неприкрытым сочувствием и симпатией [16. 1894. 30 VI/12 VII].

В качестве гостей на конгрессе присутствовали также председатель Русского Литературного общества Петр Исаков, а также два студента антверпенского Коммерческого института: Петр Резников из Херсона, представлявший либеральную петербургскую «Русскую Жизнь», и все тот же Теофиль Клячко, писавший для газеты «Свет» [44]. 11 июля он поведал участникам конгресса о том, как организована работа в российских периодических изданиях. Когда на следующий день все журналисты были приняты в королевском дворце в Лакене под Брюсселем, ловкому молодому человеку удалось побеседовать с самим Леопольдом II. «В разговоре со мной король Леопольд II выразил (так!), что он имеет большие симпатии к России и что одно из его немногих желаний — это посетить нашу страну, о богатствах и гостеприимстве которой он так много наслышан» [36. 1894. 8 VIII]. Был замечен в те дни в Антверпене и К. К. Случевский, известный

русский поэт и прозаик, главный редактор официальной петербургской газеты «Правительственный Вестник» [23. 1894. 8—9, 12, 16 VII].

Вторая Всемирная выставка в Антверпене также не могла обойтись без российских музыкантов. 9 августа под управлением дирижера А. Н. Виноградского, председателя Русского Музыкального общества в Киеве, прошел официальный праздник русской музыки. Это был исторический обзор отечественной классики, но главное — в тот день впервые в Бельгии прозвучала Четвертая симфония Чайковского. Если верить прессе, неотразимый дирижер просто заморозил музыкантов, «играя оркестром, как виртуоз играет на своем инструменте» [23. 1894. 8—10 VIII; 42. 1894. 10 VIII].

Последние же дни выставки 1894 г. были омрачены кончиной императора Александра III, причем, уже ожидавшейся со дня на день. 2 ноября российский отдел в знак траура полностью закрыли для посетителей, причем не только витрины, но и двери во все отсеки. Бюст царя и все колонны были затянuty черным крепом. Не работали в тот день также немецкий, болгарский, французский и даже японский отделы, а французы еще и возложили к бюсту своего покойного союзника огромный венок. Из-за путаницы в инструкциях бельгийский отдел оставался открытым, как всегда, что вызвало в местных газетах бурю критики. Российские экспоненты и агенты-комиссионеры отправились в полном составе в Брюссель, дабы отстоять траурное богослужение в церкви при российской миссии и дать присягу новому государю Николаю II. Так как через несколько дней выставка все равно должна была закрыться, все были уверены, что русские больше не откроют двери своего отдела. Однако коммерческие соображения взяли верх, и уже на следующий день доступ посетителей в российский отдел частично возобновился [12. 2—4 XI; 42. 1894. 3 XI].

Успех России на двух антверпенских Всемирных выставках имел не только экономическое и политическое, но и важное человеческое измерение. Российские промышленники, только выходявшие тогда на мировую сцену, были с воодушевлением приняты в этом гостеприимном и всем интересующемся городе, а вместе с ними и комиссары и журналисты. Некоторые из них поэтому охотно вернулись на вторую выставку в Антверпен, как, например, инженер Добронизский, фабрикант Грюнвальдт и журналист Ефрон. Более того — несколько фамилий экспонентов 1885 и 1894 гг. мы встречаем позднее в списках студентов местного Коммерческого института. Значит, некоторые посылали сыновей учиться торговым наукам в город, который узнали и оценили благодаря участию там во Всемирных выставках. А эти психологические связи российских предпринимателей с Антверпеном, в свою очередь, способствовали на исходе прошлого столетия дальнейшему экономическому сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ronin V.* Antwerpen en zijn «Russen»: 1814—1914. Gent, 1993.
2. *Ронин В. К.* Подданные царя в Городе Синьоров (1814—1914). М., 1994.
3. *Золотов В. А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60—90-е годы XIX века. Ростов н/Д., 1966. С. 211, 219—220.
4. *Измествева Т. Ф.* Россия в системе европейского рынка. Конец XIX — начало XX в. М., 1991. С. 65—115.
5. *Annuaire statistique de la Belgique.* Bruxelles, 1888. P. 316; 1889. P. 308; 1890. P. 314; 1895. P. 318; 1898. P. 340; 1899. P. 344; 1900. P. 352.
6. *Stadsarchief Antwerpen. Modern Archief (SAA MA).* 2669/22. Logementen. 1884—1886.
7. *SAA MA.* 1041/26. Wereldtentoonstelling 1885/Comiteiten. Rusland.
8. *SAA MA.* 1041/84c. Wereldtentoonstelling 1885/Copyboeken. E. 1—5.
9. *SAA MA.* 1041/49. Wereldtentoonstelling 1885/Varia.
10. *SAA MA.* 1041/84e. Wereldtentoonstelling 1885/Copyboeken. E. 9—11.
11. *St.-Petersburger Zeitung.* 1884. 20 XI.
12. *La Chronique.* Bruxelles. 1894.
13. *Catalogue de la Section russe de l'Exposition internationale d'Anvers.* Anvers, 1885. P. 4.
14. *Exposition Universel d'Anvers. Liste du Jury International des récompenses.* Bruxelles, 1885. P. 10—11, 20—24, 52—59, 67, 48, 41.
15. *L'Opinion.* Anvers. 1885. 2—3 V.

16. Новое Время. СПб.
17. *Ефрон А. А.* Всемирная выставка и русские экспоненты. СПб., 1886.
18. *Oomen A. M.* Herinnering aan de Wereldtentoonstelling. Antwerpen, 1885.
19. SAA MA. 1941/84a. Wereldtentoonstelling 1885/Copyboeken. A. 3. P. 442.
20. Anvers — Exposition//Journal hebdomadaire illustré. 1885. 25 VI. P. 122.
21. *Corneli R.* Illustrierter Führer durch die 1885-er Weltausstellung zu Antwerpen. Antwerpen, 1885. S. 113.
22. *Corneli R., Mussely P.* Anvers et l'Exposition Universelle de 1885. Anvers, 1886.
23. *Le Précurseur*, Anvers.
24. *Corneli R.* Guide illustré de l'Exposition Universelle d'Anvers 1885. Bruxelles, 1885.
25. SAA MA. 1041/10. Wereldtentoonstelling 1885/Algemene zaken.
26. *L'Omnibus Illustré*. Bruxelles.
27. SAA MA. 1041/44. Wereldtentoonstelling 1885/Adreskaarten en prospectussen. D. VI.
28. *А. А.* Всемирная выставка в Антверпене//Русский Курьер. 1885. 30 VII. С. 2.
29. SAA MA. 1041/14. Wereldtentoonstelling 1885/Tentoonstelling Schone Kunsten.
30. *Тарасов И. Т.* Интенсивное хозяйство и сельскохозяйственная политика. СПб., 1886. С. 4—5.
31. Письма А. П. Бородина. Л., 1950. Т. 4.
32. *Фишер фон Вальдгейм А. А.* Международный конгресс ботаники и всемирная выставка садоводства в Антверпене. Варшава, 1886. С. 1—17.
33. *Серов В. А.* Переписка. 1884—1911. М.; Л., 1937. С. 98—100.
34. *Ефрон А. А.* Письма из Испании и Бельгии. СПб., 1889. С. 152—153, 126.
35. *La Revue de l'Exposition Universelle d'Anvers 1894.* 1893. 22. P. 177.
36. Свет. СПб.
37. Exposition Universelle d'Anvers 1894. Catalogue officiel général. Sections Etrangères. Bruxelles, 1894. P. 709.
38. Exposition Universelle d'Anvers 1894. Liste des récompenses. Bruxelles, 1894.
39. *Van Nuffel R.* Kochnitzki//Biographie Nationale. Bruxelles, 1981. T. 42. Col. 379.
40. *Le Matin*. Anvers.
41. SAA MA. 1094/28. Wereldtentoonstelling 1894/Platen. D. 6.
42. *L'Escaut*. Anvers.
43. *La presse à l'Exposition Universelle d'Anvers de 1894.* Anvers, 1895. P. 17.
44. SAA MA. 1094/26. Wereldtentoonstelling 1894/Eerste Internationaal Perscongres.
45. SAA MA. Individuele dossiers.
46. SAA MA. 2010. Wereldtentoonstelling 1894/Aanmeldingsformulieren. Overenkomsten.
47. SAA MA. Foto's. Map 23.
48. *Het Handelsblad*. 1894. 2 II.
49. *Kurjer Warszawski*. Warszawa.

© 1994 г. ГОРЯИНОВ А. Н.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В БОЛГАРИИ (ДО НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Значительным центром сосредоточения эмигрантов первой волны из России стала Болгария. По данным самих эмигрантов, в августе 1921 г. их было там 8—9 тыс. [1. Д. 52. Л. 79], а уже к началу 1922 г. это количество многократно увеличилось за счет перевода в страну из Константинополя частей армии генерала Врангеля, ряда гражданских учреждений и групп беженцев — только организованных в армейские части солдат и офицеров по некоторым подсчетам насчитывалось в Болгарии 24 тыс. человек [2. С. 37], а количество других категорий беженцев дошло до 30 тыс. [3. Д. 13. Л. 190—191].

Среди архивных материалов Главного справочного бюро в Константинополе сохранился «Список некоторых известных лиц», эмигрировавших в Болгарию из России в начале 1920-х годов [4. Д. 187. Л. 2]. Подавляющее большинство упомянутых в нем эмигрантов — представители одесской интеллигенции: профессора Новороссийского (Одесского) университета¹, высшие чины одесского судебного ведомства, преподавательский персонал одесских гимназий. Именно одесские интеллигенты вместе с некоторыми другими эмигрантами, переехавшими в Болгарию позднее, составили костяк различных русских культурно-просветительных организаций, действовавших в стране. Вместе с тем, многие из них работали и в других организациях русских эмигрантов.

В 20-е годы нашего столетия в Болгарии по самым скромным подсчетам существовало не менее 90 различных эмигрантских учреждений и объединений². Их легко разделить на три группы — национально-политические; экономические и взаимопомощи; культурно-просветительные, учебные, научные и религиозные. В предлагаемом обзоре речь пойдет в основном об организациях последней группы (за исключением религиозных); поскольку, однако, на их деятельность оказывали существенное влияние политические позиции эмигрантских лидеров и болгарских властей, а также представители болгарской общественности, начать следует с краткой характеристики деятельности некоторых национально-политических и экономических объединений.

Организацию помощи беженцам из России в начальный период их массового

Горяинов Андрей Николаевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ О русских профессорах Софийского университета см. [5. С. 57—61].

² В это число не входят воинские части и военные учреждения, история которых в статье не рассматривается.

прибытия в Болгарию взяло на себя существовавшее в стране еще с начала века Славянское благотворительное общество, немногочисленные члены которого были сторонниками всемерного сближения славянских народов на основе идей «славянской взаимности» при руководящей роли монархической России³. За короткий срок общество сумело собрать для эмигрантов из России около 1 млн левов; однако уже к концу 1919 г. акция помощи получила такой размах, что для ее проведения потребовалась более мощная специализированная организация. В январе 1920 г. общественностью был образован Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет, в который вошли почти 1000 видных болгарских деятелей и до 60 представителей русской эмиграции [1. Д. 52. Л. 33, 36], а в декабре на его базе возник Объединенный комитет помощи русским беженцам во главе с представителем Верховного комиссара по делам беженцев Лиги наций в Болгарии архиепископом Стефаном, где работали также представители некоторых политических партий и посланник Франции Ж. Пико [2. С. 80].

Долгое время правительство Болгарии, выделявшее для помощи русским эмигрантам значительные средства, формально не принимало на себя руководство деятельностью комитета: реорганизация его в государственный орган произошла лишь в январе 1923 г. Председателем комитета был назначен политический деятель Христо Кунев, которому официально было поручено обеспечение устройства русских беженцев и решение их имущественных проблем [2. С. 254]; в действительности, однако, подчинение комитета представителю болгарских властей означало усиление контроля над русскими эмигрантами в условиях растущей напряженности обстановки в стране и враждебного отношения руководителей эмиграции к стоящему у власти Болгарскому земледельческому народному союзу.

Новая реорганизация комитета произошла после третьиюньского (1923) военного переворота в Болгарии, в результате которого к власти пришли правые силы, проводившие жесткую антикоммунистическую линию и дружественно настроенные в отношении эмигрантов. Если до переворота у беженцев из России были известные основания жаловаться на ограничение их прав центральными и особенно местными властями, то после 3 июня 1923 г. все «специальные ограничения, существовавшие для русских», были отменены [3. Д. 8. Л. 56—58]. В комитете же Кунев сменил Г. Д. Цветанов, при котором функционировала специальная комиссия, занимавшаяся практической организацией помощи. Комиссия взаимодействовала с существовавшими в Болгарии организациями русских эмигрантов различной политической и функциональной направленности. Среди них в начале 1920-х годов выделялось Общество единения русских в Болгарии⁴ с отделениями в ряде местностей страны.

Общество было организовано в мае 1920 г. представителями старой русской интеллигенции — профессорами, юристами, деятелями культуры и церкви. Согласно утвержденному болгарским министерством внутренних дел уставу, общество объединяло проживавших в Болгарии русских «без различия их политических убеждений на почве культурно-национальных и моральных интересов» и должно было способствовать «единению русских с болгарями и другими славянскими народами на почве общеславянской культуры», но в то же время ставило своей важнейшей целью «содействовать организации, развитию и укреплению государственной власти, способной вывести Россию из состояния анархии» [7. С. 3]. О политической направленности последнего положения устава свидетельствует вся деятельность общества: оно неоднократно выступало в поддержку сохранения частей армии Врангеля на территории Юго-Восточной Европы, заявляло о необходимости борьбы с большевизмом, активно участвовало в различных мероприятиях, связанных с возвеличиванием дома Романовых. Правоконсерва-

³ Об идее «славянской взаимности» и ее эволюции см. [6].

⁴ Все документы общества, хранящиеся в его фонде в Государственном архиве Российской Федерации [1], относятся к 1920—1924 гг.

тивные позиции общества проявились, в частности, в его отношении к «польскому вопросу». На словах объявляя себя «носителем идеи общеславянского единения», оно вместе с тем выступило с резким протестом против ратификации Польшей Рижского мирного договора, который на основании потери Россией украинских и белорусских земель был квалифицирован в специальном заявлении как «измена славянскому делу воскрешенной к самостоятельному бытию России же — Польшей» [1. Д. 3. Л. 118—118 об]. В консервативном духе общество пыталось воспитывать также эмигрантскую молодежь. При нем была создана скаутская организация, готовившая юношей «крепких телом и душой, сильных волей, готовых отдать все свои силы предстоящему служению нашей страждущей родине». Первоначально скаутский отряд был организован в Софии, затем группы скаутов возникли в Варне и Дольне Оряховице. Всего скаутов было около 180 человек [1. Д. 10. Л. 115—117; Д. 52. Л. 32].

Политическая ориентация общества привела к отказу от сотрудничества с ним ряда либеральных деятелей, создавших в мае 1921 г. Союз русских эмигрантов. И в обществе, и в союзе к осени 1921 г. было примерно одинаковое количество членов (соответственно 227 и 253) [1. Д. 10. Л. 110; Д. 54. Л. 187], но общество быстрее сумело установить связи с широким кругом экономических и культурно-просветительных эмигрантских организаций. 1—12 августа 1921 г. Обществу единения русских в Болгарии удалось провести совещание представителей русских беженских организаций, в котором приняли участие представители 30 организаций и учреждений. На совещании был создан постоянный орган для «объединения действий русских беженских организаций в Болгарии в деле правильной постановки вопросов: материнской, трудовой, культурно-просветительной и правовой помощи, а также укрепления моральных и религиозных устоев и русской гражданственности» — Центральный общественный объединенный комитет [8. С. 8—19], существовавший до 1931 г. В состав комитета вошли преимущественно члены Общества единения русских в Болгарии, его председателем стал бывший профессор медицинского факультета Одесского университета А. Э. Янишевский [9. Д. 570. Л. 2]. На заключительном заседании съезда выступил архиепископ Стефан, заявивший о поддержке болгарским правительством усилий по объединению русских эмигрантов и его намерении оказать «органу, представляющему русское беженство, всемерную поддержку». Назвав русских беженцев в Болгарии «сплоченным целым, изобилующим культурными силами», архиепископ сообщил о решении болгарского правительства разрешить въезд в страну родственникам уже находящихся там эмигрантов, предоставить работу в дорожном строительстве некоторому количеству бывших российских солдат и офицеров, принять до двадцати тысяч русских детей [8. С. 18—19]. Последнее решение было особенно важным для эмигрантов, поскольку открывало путь для перевода в Болгарию некоторых русских учебных заведений, оказавшихся после эвакуации из Крыма в Константинополе и обучавших детей, которые потеряли родителей и родственников.

Вопросы культуры и просвещения были обсуждены в культурно-просветительной секции совещания. Доклады и выступления на этой секции и на пленарных заседаниях съезда позволяют составить довольно полное представление о составе и функциях существовавших к моменту съезда организаций и учреждений культурно-просветительного, учебного и научного характера. Наибольшее влияние на их деятельность оказывал аппарат уполномоченного Всероссийского союза городов — одной из организаций, созданных в 1914 г. в России для помощи раненым, больным и беженцам, содействия снабжению армии. После Октябрьского переворота деятельность союза в России была запрещена, но у него сохранились определенные средства за рубежом, и союз продолжил работу, переориентировав ее на содействие культуре и просвещению в эмигрантской среде. Союз, правление которого находилось в Париже, работал в координации с Всероссийским земским союзом, вместе с которым он еще в годы первой мировой войны образовал совместный Земско-городской комитет (Земгор), также продолжавший в эмиграции

свою деятельность. В отличие от Всероссийского союза городов Всероссийский земский союз осуществлял главным образом экономические программы помощи эмигрантам, Земгор же объединял их усилия. Нескольким особняком стояло Российское общество Красного Креста в эмиграции, но у него были тоже совершенно определенные задачи — организация медицинской и благотворительной помощи (бесплатные столовые, общежития и т. д.).

Уполномоченный Всероссийского союза городов в Болгарии генерал А. В. Арцишевский проявил недюжинную энергию и изобретательность для финансирования культурных начинаний. В Болгарии к лету 1921 г. уже действовала под эгидой Всероссийского союза городов стройная система учебных заведений для детей эмигрантов. Всего в Болгарии было выявлено к этому времени 933 ребенка до 15 лет [1. Д. 52. Л. 79]. Для них были созданы детские сады с подготовительными школами в Софии, Варне и Плевене, детские сады в Горне Оряховице и Созополе, начальные школы в Анхиело, Дольне Оряховице, Лесковце, Месемврии, несколько позже — в Бургасе, четырехклассное училище в Созополе. Дети русских эмигрантов обучались также в двух русских гимназиях со смешанным обучением — в Софии и Варне, сельскохозяйственной школе-колонии в расположенных рядом Плаковском и Копиловском монастырях близ Тырново, на повторительных курсах для подростков без среднего образования в Плевене (крайне, впрочем, малочисленных) [1. Д. 52. Л. 79—82; 3. Д. 7. Л. 318—326; Д. 13. Л. 160, 171].

При средних учебных заведениях представительство Всероссийского союза городов в Болгарии создавало по мере возможности интернаты и общежития, которые в условиях нищеты и материальной неустроенности эмигрантов были зачастую единственным средством обеспечить детям условия для получения образования. Первый в Болгарии детский интернат начал функционировать в июле 1920 г. при Варненской гимназии [3. Д. 7. Л. 318—326], в 1921 г. возникли мужские интернаты в Софии и Дольне Оряховице. Позднее при нескольких гимназиях были учреждены женские интернаты [3. Д. 184. Л. 13—14; Д. 13. Л. 180—181].

Наиболее остро для молодых русских эмигрантов в Болгарии, бедной высшими учебными заведениями, стояла проблема получения высшего образования. В январе 1921 г. бывшие русские студенты создали в Варне Союз русских студентов [3. Д. 184. Л. 88—89]; вскоре подобный же союз возник и в Софии [1. Д. 50. Л. 12]. Практическим делом, объединившим студенческую молодежь, стали возникшие в марте 1921 г. в Варне Курсы по предметам высших учебных заведений. Они не имели официального статуса и не могли выдавать свидетельств о высшем образовании, но все же делали для желающих возможным совершенствовать свои знания и приобщаться к науке. Занятия на двух отделениях курсов — юридическом и физико-математическом — велись по нескольким предметам на основании русских дореволюционных университетских программ. Читались лекции по вечерам, поскольку «огромное большинство слушателей курсов — люди совершенно немущие, принужденные добывать себе средства к существованию личным трудом»; как преподаватели курсов, так и председатель их правления генерал-майор артиллерии М. Н. Добrorальский вели занятия бесплатно [1. Д. 12. Л. 83—88 об.].

С необходимостью адаптации эмигрантов к условиям зарубежной жизни были связаны попытки создания различных курсов, которые, как предполагалось, должны были помочь оказавшимся без средств к существованию людям овладеть теми или иными профессиональными навыками. В июле—августе 1920 г. в Софии были организованы курсы машинописи, стенографии, рисования, курсы-мастерская по ремонту и пошиву обуви. В Варне к сентябрю 1920 г. действовали курсы кройки и шитья, курсы виноградарства; в Плевене — школа-мастерская плетения корзин [3. Д. 3. Л. 38]. Однако деятельность курсов оказалась недолговечной, ко времени совещания беженских организаций почти все они были закрыты, поскольку «число обучающихся не оправдало» их существования [1. Д. 12. Л. 79—82 об.]. Исключением стали курсы иностранных языков, которые пользовались

успехом у школьников и бывших студентов, мечтавших о получении высшего образования за пределами Болгарии. За год, с лета 1920 до лета 1921 г., к уже существовавшим в Софии, Варне и Плевене добавились курсы в Русе и филиал софийских курсов в Княжесво [З. Д. 10. Л. 97—101]. Примечательно, что на курсах преподавались лишь английский, немецкий и французский языки; попытки преподавать эмигрантской молодежи болгарский язык большого успеха не имели [З. Д. 10. Л. 117—121].

Значительное внимание Всероссийский союз городов уделял вопросам книжного дела. Эмигранты испытывали острейший недостаток в литературе на русском языке, особенно в учебниках. Книжный голод усугублялся тем, что обучение в Болгарии велось по старорусской орфографии и поэтому давать в руки учащимся учебную и художественную литературу, напечатанную по новым правилам, было признано недопустимым. Изменить ситуацию могло бы издание русских книг, но существовавшие в Болгарии эмигрантские издательства и типографии были маломощны. Наиболее крупным являлось совместное акционерное общество с участием болгарского капитала под названием Русско-болгарское книгоиздательство [2. С. 83]. В первой половине 1920-х годов оно выпускало довольно разнообразную книжную продукцию — произведения Л. Андреева, А. Блока и других крупнейших русских писателей, религиозно-философские сочинения С. Н. Булгакова, Н. С. Трубецкого, П. Б. Струве, материалы по истории революции и гражданской войны в России, книги о деятельности русских эмигрантов, воспоминания, детскую литературу; однако все эти издания печатались в количествах, которые не могли удовлетворить потребностей, существовавших в стране. Несколько смягчить кризис помогло создание при болгарском представительстве Всероссийского союза городов книжного склада, куда поступали книги из Центрального книжного склада союза в Константинополе, других источников в Болгарии и за ее пределами. Склад распределял книги между эмигрантскими учреждениями и учебными заведениями; одной из его задач было также комплектование эмигрантских библиотек [З. Д. 13. Л. 221—222].

Библиотеки для русских эмигрантов в Болгарии возникли в начале 1920-х годов также благодаря усилиям болгарского представительства Всероссийского союза городов. Старейшая из них — Пушкинская библиотека-читальня в Софии — была открыта в 1920 г. 1 июня 1921 г. начала действовать библиотека-читальня в Варне [З. Д. 68. Л. 93—94], к моменту открытия совещания беженских организаций были сформированы две передвижные библиотеки и готовилась к открытию третья [1. Д. 53. Л. 34; Д. 52. Л. 79—82]. Фонды библиотек были очень невелики, но использовались весьма интенсивно: в Пушкинской библиотеке на 15 июля 1921 г., было, например, всего около 1000 книг [З. Д. 10. Л. 101], но число читателей постоянно росло и к марту 1922 г. достигло 552 человека, хотя количество книг увеличилось лишь незначительно [З. Д. 8. Л. 239—240].

Недостаток средств, который постоянно испытывали эмигрантские организации, проявлялся прежде всего при оплате занимаемых помещений. Использовать площади наиболее интенсивно можно было только при концентрации в тех или иных зданиях многих эмигрантских учреждений, работающих иногда даже по-сменному. Так, вероятно, возникла идея своеобразного эмигрантского центра культуры и просвещения — «русского дома». К сентябрю 1920 г. подведомственные Всероссийскому союзу городов учреждения, находившиеся в трех крупнейших центрах расселения русских эмигрантов в Болгарии, были объединены в «русские дома» Софии, Варны и Плевена [З. Д. 3. Л. 38]. Не все «дома» стали жизнеспособными — вскоре прекратились всякие упоминания о «русском доме» в Плевене, лишь в начале 1922 г. получил постоянное помещение «русский дом» в Софии [З. Д. 8. Л. 249—250]. Наиболее плодотворно работал «русский дом» в Варне, объединявший детский сад, скаутский отряд, различные курсы, библиотеку-читальню. В «доме» проводились религиозно-просветительные беседы, регулярно читались лекции, устраивались литературные вечера и концерты, выходила «устная газета». При варненском «русском доме» были открыты сначала

чайная, а потом дешевая столовая, действовало бюро объявлений [З. Д. 7. Л. 318—326; Д. 8. Л. 252—255]. В дальнейшем, в феврале 1926 г., по примеру «русских домов» в Софии и Варне был организован аналогичный «дом» в Тырново, при котором кроме библиотеки и драматического кружка работал кружок ревни-телей военных знаний [З. Д. 71. Л. 124—131].

В осуществлении культурно-просветительных начинаний уполномоченный Все-российского союза городов в Болгарии и его аппарат опирались на профессио-нальные и религиозные организации, представлявшие эмигрантскую интеллиген-цию — Союз русских инженеров, Союз студентов, Православное братство и др. Особенно активно участвовали в просветительной деятельности члены Русской академической группы в Болгарии, в которую входили русские профессора Со-фийского университета и другие эмигранты, преподававшие ранее в российских высших учебных заведениях. Согласно уставу группы, одной из ее задач являлось «оказание поддержки молодым силам русской науки» [1. Д. 51. Л. 38—39]. Устав предусматривал также проведение открытых научных заседаний.

Научные вопросы русские эмигранты имели возможность обсуждать и на заседаниях Религиозно-философского кружка, возникшего в январе 1921 г. как независимая научная организация. До августа 1921 г. там было прочитано 18 докладов, с которыми выступали преимущественно русские профессора. Много докладов было посвящено истории и современному состоянию русской церкви (профессор, протоиерей А. П. Рождественский, профессор М. Э. Поснов), рели-гиозно-нравственным проблемам (профессор Э. Д. Grimm, бывший протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский и др.), соотношению философии и религии (Г. В. Флоровский). Ряд докладов выходил, однако, за рамки тематики кружка — с ними выступили А. М. Тулов («Восточное славянство и его значение в культурном развитии Западной Европы»), профессор П. М. Богаевский («Кучюк-Кайнарджийский мир и его значение»), профессор И. А. Базанов («Народ и государственное строительство России»), профессор А. Э. Янишевский («О страхе») [1. Д. 54. Л. 224].

В период подготовки совещания представителей русских беженских органи-заций Академическая группа совместно с представительствами Земско-городского комитета и Всероссийского союза городов разработала план организации в Софии русской высшей школы. Предполагалось, что она будет состоять из двух гума-нитарных факультетов — юридического-экономического и историко-филологическо-го и что кроме эмигрантов из Болгарии в ней будет учиться русская молодежь, находящаяся в Турции и других странах [З. Д. 11. Л. 52—53, 62]. Совещание одобрило план, но на его осуществление не удалось найти средств.

29 июля, за два дня до открытия совещания, состоялось первое заседание культурно-просветительной комиссии, на которую уполномоченный Все-российского союза городов в Болгарии возложил руководство учебной и просветительной работой в эмигрантской среде [З. Д. 14. Л. 61—62]. В состав комиссии под председательством А. В. Арцишевского вошли в качестве представителей различ-ных эмигрантских организаций профессора И. А. Базанов, В. А. Погорелов, Н. М. Попов, М. Г. Попруженко, А. П. Рождественский, директор Софийской русской гимназии А. П. Стефанов, заведующий «русским домом» в Варне В. Н. Смердов и др. [З. Д. 14. Л. 60]. На заседании было принято решение о создании при комиссии Учебного комитета в составе председателя И. А. Базанова, В. А. Погорелова, А. П. Стефанова и управляющего делами комитета Ф. Л. Марты-новского [З. Д. 6. Л. 1]. Комитет, являвшийся рабочим органом комиссии, должен был разработать и утвердить единые программы для эмигрантских школ и осу-ществлять повседневное методическое руководство всей сетью учебных заведений [З. Д. 14. Л. 62]. Создание Учебного комитета было одобрено культурно-прос-ветительной секцией совещания представителей русских беженских организаций [1. Д. 52. Л. 78].

Совещание русских беженских организаций в Болгарии явилось определенным рубежом в становлении эмигрантских учреждений и обществ. К этому моменту

сложилась их система. К середине 1920-х годов сеть эмигрантских учебных заведений в Болгарии расширилась. В 1925 г. было открыто частное учебное заведение — школа В. П. Кузьминой [З. Д. 184. Л. 13—14]. К Софийской и Варненской гимназиям сначала добавилась гимназия в Дольне Оряховице (формально ее открытие состоялось 15 июля 1921 г. [З. Д. 13. Л. 180—181], но функционировать она начала, видимо, несколько позднее), а в январе 1922 г. на заседании Учебного комитета впервые была заслушана информация о Пловдивской русской гимназии имени генерала Врангеля [З. Д. 6. Л. 27], созданной, по всей вероятности, на базе одного из военно-учебных заведений врангелевской армии. В первой на 15 июня 1922 г. училось 70, во второй — 120 человек [З. Д. 13. Л. 42—43]. При гимназиях существовали интернаты для учащихся; последние, по крайней мере в Дольне-Оряховицкой гимназии, принадлежали почти исключительно к неимущим беженцам и часто были круглыми сиротами [З. Д. 13. Л. 180—181].

В письме от 23 декабря 1921 г. заведующая школьной секцией эмигрантского Всероссийского союза городов А. Жекулина сообщила А. В. Арцишевскому, что планируется ввезти в Болгарию сто детей для пополнения сельскохозяйственной школы, сто — для учебы в Дольне-Оряховицкой и 20 — в Софийской гимназиях (с проживанием в интернатах) [З. Д. 13. Л. 238—239]. Вместе с тем в письме ставился вопрос о подыскании помещения еще для двух эвакуируемых из Константинополя гимназий — Всероссийского земского союза и Крестовоздвиженской, учрежденной женой бывшего товарища министра иностранных дел России А. А. Нератова. Арцишевский уже к февралю 1922 г. добился передачи болгарскими властями зданий под гимназии в городах Пештера и Шумен [З. Д. 7. Л. 231—232]. Крестовоздвиженская гимназия переехала в Пештеру почти немедленно [З. Д. 7. Л. 229—230], переезд же гимназии в Шумен задержался до начала апреля в связи с ремонтом и переоборудованием выделенного ей здания [З. Д. 8. Л. 239—240; Д. 184. Л. 13—14].

Хорошая постановка «воспитательной части» в Шуменской гимназии, которая была отмечена в отчете председателя Учебного комитета И. А. Базанова, посетившего гимназию в начале мая 1922 г. [З. Д. 13. Л. 69—72], сказала, видимо, на поддержке комитетом инициативы учительского коллектива о разделении старших классов на два отделения — классическое и реальное [З. Д. 6. Л. 39]. В русских учебных заведениях Болгарии это было новшеством; сильная тяга эмигрантской молодежи к изучению естественных и технических дисциплин сдерживалась полным господством там классического образования на основе дореволюционных русских программ. Шуменская гимназия оказалась среди наиболее долговечных русских учебных заведений в Болгарии: последнее упоминание о ней в изученных нами документах относится к 1930 г. В 1930 г. существовали также Софийская, Варненская и Пештерская гимназии (две последних были к тому времени переданы английским и американским благотворительным организациям и к началу 1930/31 учебного года их намеревались полностью ликвидировать [З. Д. 184. Л. 13—14])⁵. Что же касается остальных гимназий, то во второй половине 1920-х годов они уже были закрыты [З. Д. 13. Л. 43]. Первой прекратила деятельность Пловдивская гимназия имени генерала Врангеля. С 1922 г. была открыта русская гимназия в Горни Поничерево [З. Д. 6. Л. 60—61, 69]; в мае 1923 г. она была принята в ведение Союза городов, но уже спустя полгода эту гимназию слили с Петропавловской (бывшей Дольне-Оряховицкой) [З. Д. 8. Л. 39—43]. Последняя была переименована в начале 1923 г. в связи с переездом в Петропавловский монастырь под Тырново [З. Д. 7. Л. 5—8]; после объединения с Горни-Поничеревской гимназией она стала называться Галлиполийской [З. Д. 8. Л. 39—43]. В августе 1926 г. бывшая Дольне-Оряховицкая гимназия была окончательно упразднена; сэкономленные средства планировалось употребить на пособия русским студентам [З. Д. 184. Л. 13—14; Д. 72. Л. 135].

⁵ Впрочем, Варненская гимназия в октябре 1931 г. еще существовала [З. Д. 215. Л. 87].

Причинами ликвидации русских гимназий были, по-видимому, как естественное сокращение количества обучающихся в них школьников после спада первой волны эмиграции, так и недостаток средств. «Я думаю, что через два года мы оставим только две гимназии, в Софии и Варне,— писал А. В. Арцишевский 2 июня 1926 г. в Париж одному из руководителей Всероссийского союза городов князю П. Д. Долгорукову,— и в этом виде будем ждать переезда в Россию (по-моему не дождемся)» [З. Д. 72. Л. 135]. При некоторых неточностях наметившаяся тенденция была замечена А. В. Арцишевским правильно. К 1930 г. в Болгарии не только сократилось количество гимназий для эмигрантов, но и были закрыты все детские сады. Из учебных заведений в этот период открывались русские детские дома. Наиболее крупный из них, где воспитывалось 132 человека, находился в Софии. Существовали также детские дома в Варне, Бургасе, Пернике, Тырново, в которых воспитывалось по несколько десятков человек [З. Д. 184. Л. 13—14].

Выше уже отмечалась тяга русской эмигрантской молодежи к реальному образованию. Прежде всего это создало благоприятную почву для становления сельскохозяйственной школы-колонии в Плаковском и Копиловском монастырях. Задуманная первоначально как низшее сельскохозяйственное учебное заведение для «детей исконных русских хлебопашцев», обучавшихся в вывезенных на остров Лемнос кубанских народных школах, она уже через несколько месяцев после официального открытия была преобразована в среднее сельскохозяйственное учебное заведение по типу земледельческих училищ России. По состоянию на 10 июня 1922 г. в училище обучалось 168 мальчиков и юношей в возрасте от 9 до 19 лет и старше, главным образом донских и кубанских казаков, а также калмыков. Преподавательский и технический персонал состоял из 30 человек, в том числе кроме русского священника в состав учителей был включен «преподаватель буддийской морали и одновременно воспитатель калмыков» [З. Д. 13. Л. 21—26]. Вместе со старинными зданиями монастырей (Плаковский монастырь Святого Ильи был основан в XIII в.) [10. С. 391—392] училищу были переданы монастырские земли и две мельницы, эти угодья стали базой для сельскохозяйственной практики учащихся и источником для удовлетворения нужд воспитанников [З. Д. 10. Л. 157—162; Д. 13. Л. 21—26]. К 1930 г. училище пришло, однако, в упадок: там обучалось всего 20 человек [З. Д. 184. Л. 13—14].

Другое начинание в области среднего специального образования было принято под руководством инженера А. Ф. Новицкого, представившего в августе 1921 г. в Учебный комитет проект средних технических курсов [З. Д. 6. Л. 1]. С 30 сентября курсы начали работать, причем буквально с первых дней «пользовались большим и заслуженным успехом» [З. Д. 10. Л. 3]. Популярности курсов в немалой степени способствовали хорошие перспективы трудоустройства ввиду «недостатка в Болгарии среднего и даже низшего технического персонала» [З. Д. 13. Л. 166—168]. Продолжительность обучения на курсах составляла 9 месяцев, функционировало три отделения (дорожно-строительное и архитектурное, электротехническое, механическое), на которых занималось в разное время от 90 до 330 человек, главным образом со средним образованием. При курсах существовало студенческое общежитие [З. Д. 13. Л. 166—168; Д. 7. Л. 9—12; Д. 8. Л. 85].

Успешное начало деятельности курсов привлекло к ним внимание американских благотворителей. Сначала им склонен был оказать помощь профессор Уиттимор, который материально поддерживал некоторые культурные проекты Всероссийского союза городов в Болгарии [З. Д. 13. Л. 142—144], а с конца 1922 г. курсы финансировал американский Христианский союз молодых людей, был сохранен русский директор (им стал инженер Барановский) и русские преподаватели, но одновременно была введена должность руководителя курсов (ее занял американец Смит), а на учебу наряду с русскими было принято некоторое количество болгар [З. Д. 8. Л. 80—86]. Таким образом, спустя всего год после

начала деятельности, технические курсы начали утрачивать свой эмигрантский характер.

Еще менее благоприятно складывалось положение с учреждениями для помощи русским эмигрантам в получении высшего образования. Не считая Академии художеств, в Болгарии к моменту появления первой волны эмигрантов существовали только два высших учебных заведения — Софийский университет и Варненское Высшее торговое училище. Правда, в начале 1920-х годов, широко используя знания и опыт осевших в Болгарии русских профессоров, Софийский университет стал расширяться (к трем существовавшим ранее факультетам добавилось еще четыре, строились новые университетские здания, открывались клиники и лаборатории и т. д.), но для этого нужны были средства, одним из основных источников которых стала непосильная для подавляющего большинства эмигрантов плата за обучение [З. Д. 38. Л. 37]. В 1920 г. бывший профессор Киевского университета П. М. Богаевский основал Балканский ближневосточный институт, преобразованный вскоре в Свободный университет — высшее учебное заведение с трехлетним курсом обучения, дипломы которого приравнены были к государственным. Обучение в университете было вечерним и велось на трех факультетах — консульско-дипломатическом, административно-финансовом и торгово-промышленном; однако и здесь за обучение взималась высокая плата. Все же некоторая часть русских эмигрантов училась в высших учебных заведениях Болгарии. Русские студенты Софийского университета объединились в Национальный академический союз, эмигранты, обучавшиеся в Свободном университете, создали Организацию русских студентов [З. Д. 72. Л. 72].

Выход из трудного положения виделся русским эмигрантским организациям в создании обладающего всеми правами русского высшего учебного заведения. Надежды возлагались на финансирование его из средств Союза городов и благотворительных организаций, однако возникавшие время от времени проекты (один уже упоминался выше) оставались неосуществленными. Не улучшило положения и учреждение рядом эмигрантских организаций при активном участии А. В. Арцишевского Комитета по обеспечению высшего образования. Правда, комитет получал некоторые средства от болгарского правительства, и у него был ряд других источников финансирования, но полученного с трудом хватало лишь для помощи русским студентам болгарских высших учебных заведений [З. Д. 8. Л. 9—19; Д. 68. Л. 2—4 об.]. Одной из форм помощи была выплата стипендий наиболее неимущим студентам или внесение за них платы в университеты [З. Д. 38. Л. 177], другой — стала организация в 1925 г. дешевого студенческого общежития. Общежитие занимало четырехэтажное здание, в нем жило 68 русских студентов [З. Д. 68. Л. 4 об.] (ранее в Софии существовало студенческое общежитие на 60 человек, открытое в 1921 г. Союзом русских студентов [З. Д. 10. Л. 67]).

Безуспешность всех усилий по организации русской высшей школы была, видимо, одной из причин возникновения идеи создания в Болгарии по примеру Чехословакии, Франции и Югославии Русского народного университета — общеобразовательного высшего учебного заведения просветительного характера, посещение которого не давало никаких формальных прав, но должно было помогать эмигрантам в овладении знаниями и повышении культурного уровня. У истоков нового учреждения стояло представительство Земско-городского комитета. На практическую же почву дело было поставлено в результате усилий А. В. Арцишевского и группы профессоров — членов Академической группы в Болгарии.

Новое учебное заведение было торжественно открыто 3 апреля 1927 г. [З. Д. 71. Л. 60] (последнее упоминание о нем в обнаруженных нами документах относится к августу 1931 г. [З. Д. 94. Л. 12]). Основная задача, которую ставили организаторы, состояла в «заполнении того поистине огромного провала, который образовался в душе и сознании молодого... поколения, вследствие отрыва его от родины» [З. Д. 71. Л. 60—61]. Задача эта должна была быть решена путем чтения платных лекций, проведения семинаров, бесед, концертов и спектаклей.

Занятия предполагалось посвящать истории, экономике и культуре России, ее современному состоянию, а также «новейшим достижениям в области естественных и технических наук». В документах о создании университета подчеркивалась также необходимость расширять кругозор слушателей университета «в области славянства — его задач и отношения к нему России» [З. Д. 71. Л. 7—8]. Работу Народного университета возглавил Ученый комитет во главе с историком профессором П. М. Бицилли. Кроме А. В. Арцишевского, взявшего на себя все хозяйственно-распорядительные обязанности, в него вошли коллеги Бицилли по Софийскому университету — правоведа И. А. Базанов и П. М. Богаевский, экономист С. С. Демосфенов, физик К. И. Иванов. В университете читали лекции не только наиболее квалифицированные представители местной эмигрантской колонии; в Софию охотно приезжали для выступлений перед слушателями Народного университета русские ученые из Праги и других центров эмиграции. В эмигрантской среде Русский народный университет пользовался большой популярностью: в среднем лекцию посещало около 200 человек. Лекции читались по самой разнообразной тематике, но в основном были связаны с Россией. Другие формы занятий, кроме лекционной, в Русском народном университете большого развития не получили [З. Д. 143. Л. 85—87].

Выше уже было сказано о существовании в Болгарии в начале 1920-х годов русских издательств и библиотек. В середине десятилетия в документах упоминаются книгоиздательства «Зарницы» и «Печатное дело» в Софии [З. Д. 68. Л. 86], а также частные библиотеки Околовича в Варне и Шевлякова в Габрово (первая была платной, фонд ее в 1926 г. состоял из 1800 книг, читателей было 150 человек) [З. Д. 68. Л. 86, 98]. Союз русских студентов в Варне создал свою библиотеку [З. Д. 68. Л. 100]. Наконец, в Софии с 1920-х годов функционировала частная библиотека и книжный склад, принадлежавшие русскому писателю-эмигранту И. Ф. Каллиникову [И. С. 445], а некоторые эмигрантские издания печатались в русской частной типографии Г. Ф. Волошина [З. Д. 215. Л. 1].

Приведенные данные не претендуют на то, чтобы представить полную картину эмигрантских учреждений и обществ, занимавшихся культурно-просветительной деятельностью. Многие из приведенных сведений разнородны и отрывочны, другие противоречивы; за их рамками, несомненно, остались некоторые организации, в том числе те, которые могли уделять внимание вопросам культуры наряду с решением экономических, политических и военных задач (например, профессиональные организации промышленников, врачей, учителей) или проводить культурные мероприятия на местах (различные союзы эмигрантов в Плевене, Русе, Старой Загоре и других местностях). Изученные материалы не позволили пока дать хотя бы краткий перечень организаций культурно-просветительного характера, существовавших в Болгарии в 1930-е — начале 1940-х годов. Тем не менее, сказанное выше позволяет сделать определенные выводы.

Прежде всего, приведенные данные свидетельствуют о том, что русским эмигрантам удалось создать в Болгарии довольно стройную систему культурно-просветительных организаций, приспособленных к ведению работы со всеми возрастными группами беженцев из России. Во-вторых, система эта к середине 1920-х годов достигла наибольшего развития, а к концу десятилетия начинается постепенное ее свертывание. Наконец, необходимо отметить высокий уровень организации культурно-просветительной деятельности среди русских эмигрантов и большой вклад, внесенный в эту работу представителями эмигрантской интеллигенции, а также доброжелательное отношение к культурным начинаниям русских эмигрантов как со стороны властей, так и со стороны болгарского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5767. Оп. 1.
2. Чернявски Г., Даскалов Д. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. София, 1964.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5766. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5982. Оп. 1.

5. *Горяинов А. Н.* Из забытых «мелочей» журнала «Славянски глас» (1919—1933)//Славяноведение. 1992. № 4.
6. *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; *Дьяков В. А.* Идея славянского единства в общественной мысли дореволюционной России//Вопросы истории. 1984. № 12; *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914—1918 гг.//Вопросы истории. 1991. № 4/5.
7. Устав Общества единения русских в Болгарии. София, 1920.
8. Совещание представителей русских беженских организаций в Болгарии в Софии 1—12 августа 1921 г. София, б. г.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5881. Оп. 1.
10. Плаковски манастир «Свети Илия»//Энциклопедия на изобразителните изкуства в България. София, 1987. Т. 2.
11. *Никольская Т. Л.* Каллиников//Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикация нижеследующих статей, посвященных бытованию русского языка (как родного) за пределами России, задумана в связи с малой изученностью этого явления в отечественной науке, а также с произошедшими в последние годы резкими изменениями условий бытования русского языка за рубежом. Состав носителей русского языка за пределами России (как и сферы его применения) чрезвычайно расширился. В то же время культурная установка эмигрантов последней волны вовсе не обязательно предполагает сохранение связей с русскоязычной культурой. Не менее важно отсутствие единого для русскоязычных эмигрантов и носителей русского языка, живущих в России, положительного понятия «русская культура», способного их объединить, что тем более ставит русский язык в весьма драматическое положение. Редакция предполагает и в дальнейшем осуществлять публикацию материалов по этой проблеме и обращается к читателям и исследователям с приглашением присылать свои статьи, посвященные функционированию русского языка в ближнем и дальнем зарубежье.

© 1994 г. ОРЕЛ В.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИЗРАИЛЕ

'et lāta'at w^o – 'et lā^aqōr nātu^a

'et lah^arog w^o – 'et lirpō

*Время насаждать и время вырывать
насаженное.*

Время убивать и время исцелять.

Экклесиаст 3: 2—3

На протяжении последних нескольких лет в Восточной Европе и на Ближнем Востоке развернулись исторические события небывалого масштаба и значения. Определенное место среди них занял исход евреев, носителей русского языка, из Советского Союза (а затем — из новых государственно-политических образований, возникших на его развалинах) в Израиль. С декабря 1989 г. по 30 августа 1992 г. в Израиль прибыло 414,5 тыс. новых иммигрантов, всего же за 1989—1992 гг. их число, предположительно, должно составить около 0,5 млн. человек [1]. Предшествующая волна иммигрантов из СССР в период с 1967 г. по 1982 г. насчитывала 161 тыс. человек [2].

С момента основания государства Израиль в 1948 г. и до 1967 г. прямая иммиграция из Советского Союза была невелика (всего — около 30 тыс. человек), однако значительное количество носителей русского языка прибыли из СССР через Польшу. Учитывая среди носителей русского языка в Израиле и представителей таких общин, как грузинская и бухарская, а также тех, кто родился уже в Израиле в русскоговорящих семьях, мы — несмотря на отсутствие надежной статистики — можем с уверенностью утверждать, что общее число людей, пользующихся сегодня в Израиле русским языком как первым (родным) или вторым языком общения, значительно превышает полумиллионную отметку и, вероятно, достигает 0,6—0,7 млн. Иначе говоря, носители русского языка составляют более 10% населения страны.

С точки зрения культуролога или историка этот факт может быть полон смысла или целиком лишен такового. С точки зрения лингвиста наличие большой и гетерогенной общины носителей русского языка в Израиле, бесспорно, представляет огромный интерес. Русский язык израильтян требует серьезного и тщательного изучения, и настоящая статья призвана наметить основные направления

будущей работы, которая, в конечном счете, позволит пронаблюдать за широкомасштабными процессами становления двуязычия и языковой конкуренции в условиях, приближенных к лабораторным.

Ниже мы попытаемся набросать программу исследования и предложить весьма поверхностный качественный анализ языковой ситуации, с тем чтобы на основе этого анализа осуществить количественное обследование и анкетирование носителей русского языка. Мы, таким образом, ограничиваемся пока всего лишь программой на будущее.

Кто же такие те люди, которые сегодня говорят в Израиле по-русски? Попытка ответить на этот вопрос сразу же приводит нас к довольно сложной таксономической системе. Ниже мы перечислим основные признаки, формирующие эту систему.

А. Характер усвоения русского языка: русский язык говорящего — родной, усвоен как второй язык (после иврита, идиша, польского, румынского, грузинского), усвоен как третий язык (после иврита и английского, польского и идиша и т. п.).

В. Место усвоения русского языка: русский язык усвоен в России, в странах, где русский язык доминировал, но не был единственным языком общения (Украина, Грузия, Таджикистан), в странах, где русский язык не доминировал, но был языком общения (Литва, Польша), в Израиле.

С. Социальные условия функционирования русского языка после прибытия его носителя в Израиль¹: русский язык употребляется повсеместно, только дома и со знакомыми, только дома, только дома с представителями старшего поколения, только вне дома.

Д. Сферы пользования русским языком: русский язык используется говорящим во всех формах, только в устной форме, только в письменной форме.

Параметры *А* и *В* чрезвычайно существенны для ответа на вопрос о том, что представлял собой русский язык жителей Израиля к моменту иммиграции, в какой степени он был однороден и характеризовался ли он какими-то общими чертами, отличающими его от русского языкового стандарта. Иными словами, существовала ли в Советском Союзе особая еврейская разновидность русского языка.

Ответ на этот вопрос сегодня, вообще говоря, не очевиден. По-видимому, сто лет назад на него можно было бы с большей или меньшей уверенностью ответить положительно (ср., например, окрашенные юдофобским чувством лингвистические наблюдения героя в рассказе А. П. Чехова «Перекати-поле» и в других произведениях этого автора). Но сто лет назад русский язык не был *родным* для огромного большинства евреев России, и потому речь могла идти об иностранном акценте в русской речи и о специфических ошибках, индуцированных родным языком говорящего. Сегодня же русский язык является родным для большинства иммигрантов из Советского Союза, хотя нередко он усвоен в ненормативной форме под влиянием окружающей среды (например, на Украине).

Тем не менее, существует набор признаков, которые — пусть далеко не всегда, но часто — характеризуют русскую речь еврейского населения СССР. Не будучи исключительно результатом идиш-русской интерференции, они, тем не менее, связаны исторически с географией расселения евреев в Российской империи, а затем — в СССР (преимущественно — на Украине и в Белоруссии), и достаточно характерны для большинства евреев-носителей русского языка. Признаки эти, преимущественно (но не целиком), южнорусского, украинского и белорусского происхождения и охватывают такие уровни, как фонетика (фрикативное [ʔ] как субститут нормативного [g]², специфический характер редукции предударных

¹ Включая и рождение говорящего в Израиле.

² Чрезвычайно устойчивая черта, которую говорящие сохраняют и при переходе на иврит, иногда — с гиперкорректной заменой ивритского [h] на [g] при передаче ивритского [g] как [ʔ].

гласных, иногда — неполное оглушение конечных звонких), интонация и ритм, акцентная система (например, выравнивание акцентных парадигм прошедшего времени по типу *пбнял ~ пбняла, збнял ~ збняла, нбчал ~ нбчала*), специфические (прежде всего в смысле фонетического оформления) элементы лексики. Еврейский колорит русской речи в СССР определяется, разумеется, и воздействием идиш³, что особенно заметно в фонетике (ненормативные артикуляторные разновидности [r]), в лексике (прямые заимствования типа *мишúгинер, мишúгинер* 'сумасшедший', *бекúцер, бекúцур* 'вкратце, короче говоря', *балабу́с* 'хозяин', *бри́с* 'обрезание' и т. п.⁴) и в единицах более высоких уровней (фразеологические и синтаксические кальки).

Именно русский язык, изначально наделенный некоторыми ненормативными чертами, указанными выше, и оказывается объектом языковой интерференции после иммиграции его носителей в Израиль. Параметры *C* и *D* непосредственно характеризуют процесс интерференционного воздействия. Его особенности прямо зависят от срока пребывания говорящего в Израиле, от возраста говорящего в момент иммиграции, от степени его владения и пользования ивритом и от того, где им освоен русский язык — на территории СССР или в Израиле.

Русский язык взрослого иммигранта-новичка (до 5 лет проживания в Израиле) — это стандартный русский язык с указанными выше ненормативными признаками, характерными для бывших советских евреев. У этой категории говорящих интерференция дает себя знать преимущественно в двух областях: интонации и лексике.

Для многих евреев-носителей русского языка в СССР, как мы уже отметили, характерно использование специфических интонационных контуров. Под влиянием нормативной ивритской интонации, совершенно не похожей на литературную русскую, но достаточно близкой к интонационной системе русских евреев, интонация у взрослых иммигрантов-новичков быстро (по нашим наблюдениям — за несколько месяцев) преобразуется и закрепляется. Это, в сущности, ивритская супraseгментная схема в наложении на русскую речь. Новые контуры — как вопросительный, так и повествовательный — характеризуются, по сравнению со стандартной русской интонацией, значительно более сильными контрастами по высоте тона и принципиально иным распределением долгот. Тон на последнем ударном слого вопросительного предложения имеет отчетливый нисходяще-восходящий рисунок. В целом, с точки зрения русской языковой нормы, такая интонация воспринимается как преувеличенно аффектированная.

В области лексики наблюдается массивное проникновение в речь заимствований из иврита. Известная часть этих заимствований имеет вполне рациональное объяснение: они усваиваются в тех случаях, когда говорящий сталкивается с новыми для него реалиями, для которых в его родном языке отсутствуют необходимые означающие⁵. К этой категории заимствований относятся, например, следующие лексемы: *олé, олим* 'иммигрант'⁶ < ивр. 'ole⁷, букв. 'тот, кто поднимается, иммигрирует в Израиль', *ватик* 'иммигрант, давно живущий в Израиле' < ивр. *vatiq* 'ветеран; опытный', *рабанút* 'раввинат' < ивр. *rabanut* то же, *харедím* 'религиозные ультраортодоксы' < ивр. *haredim* то же, *мивцá* 'кампания в системе торговли по уценке товаров; скидка' < ивр. *mibsa*, букв. 'операция', *микрoгáль* 'микроволновая печь' < ивр. *miqrogal* то же⁸ *милу́им* 'резервная служба в Армии

³ Сегодня, в основном, не прямым, а косвенным — через русский язык старшего поколения.

⁴ Подавляющее большинство заимствований из идиш в речи русских евреев относится к лексике ивритского (древнееврейского) происхождения в идишском фонетическом и грамматическом оформлении.

⁵ Т. е. в ситуации «лексического дефицита» [З. Р. 661].

⁶ Только применительно к человеку, иммигрировавшему в Израиль. Форма *олим*, собственно, выступает в функции и единственного, и множественного числа и восходит к ивр. мн. ч. 'olim'.

⁷ Здесь и далее мы используем для иврита практическую транскрипцию, отличную от научной транслитерации, принятой в семитологии для древнееврейского.

⁸ Полукалька англ. *microwave*.

обороны Израиля' < ивр. *miluyim* то же, *схуйот* 'привилегии для новых иммигрантов при приобретении определенных категорий товаров со скидкой' < ивр. *z'kiyot* 'права, привилегии'.

Несравнимо большее число заимствований не имеет столь простого объяснения. В русском языке имеются соответствующие лексемы, и прямой необходимости в заимствовании ивритских слов у говорящего нет. Вместе с тем, соответствующие лексические элементы связаны с социальной структурой израильского общества, с деятельностью административных и политических институтов, с представлениями об общественной иерархии и общественном престиже. Появление этих заимствований в русском языке — достаточно очевидный результат социальной адаптации говорящего и испытываемого им социального давления. Лексика этого типа исключительно разнообразна: *ишур* 'разрешение' < ивр. *'išur* то же, *даркон* 'паспорт' < ивр. *darkon* то же, *мисрад* 'контора, оффис' < ивр. *mišrad* то же, *накид* '(мелкий) служащий, чиновник' < ивр. *raqid* 'служащий, чиновник', *Танах* 'Библия' < ивр. *tanak* то же, *каблан* '(строительный) подрядчик' < ивр. *qablan* то же, *битахон* 'служба безопасности' < ивр. *biṭaḥon* 'безопасность', *квалим* 'кабельное телевидение' < ивр. *q'balim*, букв. 'кабели', 'кабельное телевидение', *никайон* 'уборка (помещения) как вид работы' < ивр. *niqayon* 'уборка', *петек* 'квитанция' < ивр. *peteq* то же, *картисия* 'автобусный билет многократного пользования, проездной' < ивр. *qarṭisiya* то же, *хешбон* 'счет (в том числе, банковский); арифметика' < ивр. *hešbon* то же, *мифлагá* '(политическая) партия' < ивр. *miṭṭlaga* то же, *шук* 'рынок' < ивр. *šiq* то же, *шхунá* '(городской) район, квартал' < ивр. *š'kuna* то же.

Эта группа заимствований неоднородна не только семантически, но и функционально. С точки зрения узуса она явно распадается на две подгруппы по признаку взаимозаменяемости заимствований с их нормативным русским эквивалентом. Часть заимствованных лексем, несомненно, находится в состоянии свободного варьирования по отношению к своим собственно русским соответствиям. Так, равновозможны высказывания типа *Я с большим трудом получил ишур в министерстве* ~ *Я с большим трудом получил разрешение в министерстве*; *Даркон* дают тем, кто в Израиле больше года — *Паспорт* дают тем, кто в Израиле больше года; *В конце месяца у нас в районе установят квалим* ~ *В конце месяца у нас в шхуне проведут кабель*; *На шук* киви подешевело ~ *На рынке* киви подешевело. В то же время, для ряда заимствований такое варьирование невозможно или чрезвычайно редко. Высказывания типа *В мисраде сегодня толпа народу*; *В университете одних пакидов — человек пятьсот*; *Я сейчас Танах читаю — интересная книга*; *Женя на никайоне уже второй год*; *Возьми у таксиста петек — тебе потом на работе деньги вернут*, как правило, не могут быть заменены крайне маловероятными, хотя и правильными с точки зрения русской языковой нормы предложениями: **В конторе сегодня толпа народу*; **В университете одних чиновников — человек пятьсот*; **Я сейчас Библию читаю — интересная книга*; **Женя на уборке (квартир) уже второй год*; **Возьми у таксиста квитанцию — тебе потом на работе деньги вернут*.

Третья группа заимствований не всегда легко отличима от второй. В нее также входят слова, усвоение которых, в конечном счете, связано с давлением окружающего ивритоязычного социума, однако это давление — если использовать биологический термин — можно было бы назвать неспецифическим. Слова и речения третьей группы (в отличие от второй) в известном смысле совершенно бесполезны: они, собственно говоря, не имеют референтной функции или находятся на пути к ее утрате, они имеют фатический характер, их использование в меньшей степени связано с восприятием и в большей — с внутренним состоянием и самоощущением говорящего. Существенно также и то, что значительная часть данной лексической группы — это, если использовать точное наблюдение А. М. Селищева, «слова, которые обычно удерживаются при языковой смене» [4. С.

141]. Приведем несколько примеров таких заимствований: *беседер* (наречие) 'хорошо, порядок, в порядке' < ивр. *b'-seder* 'в порядке'⁹, *шалом* 'здравствуй(те); до свидания' < ивр. *šalom*, приветствие¹⁰, *ма нишма* 'что слышно?, как дела?' < ивр. *ma nišma* 'что слышно?', *савланут* 'терпение' < ивр. *sablanut* то же, *давка* 'как раз, именно' < ивр. *davka* 'именно, как раз, только так, не иначе как; нарочно', *бедиюк* 'точно, в точности' < ивр. *b'-diyuq* то же, *нахон* 'верно, правильно' < ивр. *naḥon* то же, *тов* 'хорошо' < ивр. *toḅ* то же, *тода* 'спасибо' < ивр. *toda* то же.

Нетрудно заметить, что большинство форм в этой группе могут использоваться (и используются) как самостоятельные высказывания, встраивающиеся в диалог на русском языке, ср., например: — Ну, *ма нишма? Аколь беседер?* — Да *беседер, беседер*. *С работы вот еду.* — Ну и как ты, доволен? — *Платят мало. Хозяин, собака, второй месяц зарплату зажимает.* — Ничего, ничего. *Савланут! Все образуется.* Часть этих речений связана с выражением приветствия и благодарности что вообще характерно для интенсивной интерференции (см. [3. С. 192]).

При том, что круг заимствований в речи взрослых иммигрантов-новичков определенным образом ограничен (в частности, морфологически — заимствуются, как правило, существительные), новые лексические элементы быстро осваиваются и встраиваются в русскую морфологическую и словообразовательную систему. От заимствований широко образуются существительные и прилагательные (*харедим* → *харедимный*, *олим* → *олимовский*, *битахон* → *битахонщик*, *ватик* → *ватичка*), а иногда и глаголы (*никайон* → *никайонить*). Довольно заметная часть заимствований, морфологически оформленных по-русски как существительные единственного числа, восходит к формам ивритского множественного на *im* (подобно тому, как это случается с заимствованиями из английского типа *рельс* < *rails*, *джинсы* < *jeans*), ср. *олим* 'иммигрант', мн. ч. *олимы* < ивр. мн. ч. 'olim то же. Лексемы женского рода иногда заимствуются не в status absolutus, а в status constructus, или в обеих формах, ср., например, *теудá* и *теудáт* 'удостоверение' < ивр. *t'uda* то же, status constructus *t'udat* —: Ты не забыл взять теуду? ~ Ты не забыл взять теудат?

В отдельных случаях заимствование усваивается в форме, которая вопиющим образом противоречит фундаментальным нормам русской морфологии и морфологии. Это, однако, не препятствует функционированию лексемы. Примером может служить ивр. *halva'a* 'ссуда', проникшее в русский язык Израиля в форме *альваá* (!) и морфологически включенное в класс склоняемых имен женского рода на *-а*. Таким образом, в речи возможно употребление следующих форм: В банке «Тфахот» мне удалось выпросить очень выгодную *альваá*; Так я и не добился у них *альваá*.

Здесь следует отметить и некоторые второстепенные явления в русской речи иммигрантов. В отдельных случаях наблюдается калькирование слов или целых конструкций, ср. например, в стране 'в Израиле' < ивр. *ba-'ares* 'в Израиле', букв. 'в стране': Вы давно в стране? Я в стране уже два года. Под влиянием иврита меняется семантика некоторых русских лексем: *салон* 'гостиная; мебельный гарнитур для гостиной' ~ ивр. *salon* то же, *минус* 'банковский овердрафт' ~ ивр. *minus* то же (*Я в минусе* ~ 'ani *b'-minus*), *солдатка* 'военнослужащая' (как калька ивр. *hayelet* то же, производного от *ḥayal* 'солдат'). Это процесс захватывает даже междометия: семантика слова ну в русском языке Израиля безусловно отклоняется от русской литературной нормы и приближается к значению *ни* в иврите.

⁹ Также в сочетании *аколь беседер* 'все в порядке' < ивр. *hakol b'-seder* то же.

¹⁰ Также в сочетании *ма шломха* 'как твои дела?', 'как твоё здоровье?' < ивр. *ma š'lotka* то же.

Под воздействием иврита в русском языке иммигрантов-новичков «размораживается» та лексика древнееврейского происхождения, которая в латентном виде была представлена в их русской речи, куда она некогда попала через идиш. При этом, как правило, восстанавливается нормативная ивритская форма соответствующих слов. Например, на место *бекіццер*, *бекіцур* 'вкратце, короче говоря' приходит *бекицур*, на место *балабус* 'хозяин' — *ба(а)лабайт*, на место *брис* 'обрезание' — *брит*. Перед нами, таким образом, разновидность *geborgwing* (по Хаугену) [5].

Все сказанное выше относится к русскому языку взрослых иммигрантов-новичков, для которых русский — родной и основной язык общения. Несмотря на двойное воздействие интерференции (национальные и региональные черты русского языка евреев СССР и последующее воздействие ивритоязычной среды в Израиле), это, несомненно, полноценный ареальный вариант русского языка, это *русский язык как таковой*, в том же смысле, в каком является французским французский язык Канады или русским — русский язык Украины. Наряду с этим русским языком в Израиле функционирует еще один, более или менее однородный вариант, на котором говорят иммигранты-старожилы (более 5 лет проживания в Израиле). Этот вариант — в отличие от предыдущего — функционирует, как правило, в условиях строгого двуязычия: *coordinate bilingualism* [6], т. е. взаимодополнителен с ивритом по условиям и сферам использования (о проблеме в целом см. классическую работу [7]). Здесь мы остановимся лишь на некоторых ярких особенностях этого варианта, подчеркнув при этом его значительную неоднородность и индивидуальную изменчивость¹¹.

В целом «старожильческий» вариант русского языка характеризуется грубыми и глубокими изменениями всей языковой структуры. Это особенно заметно в фонетике, где наряду с чертами, указанными выше, обращает на себя внимание регулярная субституция нормативных русских фонем ивритскими: рус. [r] → ивр. [r], рус. [x] → ивр. [ħ], рус. [š] → ивр. [š].

При том, что морфологическая система остается более или менее сохранный, нарушаются существенные парадигматические связи в области синтаксиса. Так, например, заметные искажения вносятся в систему предложного и падежного управления. Весьма частотны такие — ошибочные с точки зрения русской языковой нормы — конструкции, как *Ему зовут Ицхак* ~ ивр. *qorim lo yišḥaq*; *Как вам зовут?* ~ ивр. *eyk qorim l'ka*; *резать с ножом* ~ ивр. *lahtok b'-sakin*; *смотреть в телевизоре* ~ ивр. *l'histaqel b'-televiziya*. В простом предложении преобладает безместоименное употребление глагольных форм прошедшего и будущего времени (в соответствии с ивритской нормой): *(Я) пришел с рынка* ~ ивр. *ba'ti mi-šiq*; *(Ты) придешь завтра утром?* ~ *tabo' maḥar ba-boqer*. По-русски такое употребление глаголов в будущем времени допустимо, однако не столь частотно, в прошедшем же времени это — за вычетом случаев эллипсиса — недопустимо. Среди других инноваций в синтаксисе простого предложения стоит отметить еще и спорадическое использование приглагольного эмфатического *да* как кальки ивритского *ken* в конструкциях типа *Он да хочет работать* 'он действительно, на самом деле хочет работать' ~ ивр. *hu' ken roše la 'abod*, *Она да была со мной в кино* ~ ивр. *hi' ken hayta 'i-ti b'-qolnoa'* (с сильным динамическим ударением на *да* и ослабленным ударением на глаголе)¹².

Сильнейшее влияние иврита сказывается и на синтаксисе сложного предложения. Это влияние выражается и в калькировании союзов (*В минуту, что он пришел...* 'Когда он пришел...', 'Как только он пришел...' ~ ивр. *b'-rega' 's'-hu' ba'*), и в полной перестройке структуры придаточных определительных. Последние

¹¹ Специфической разновидностью этого варианта является русский язык, которым пользуются дети иммигрантов (новичков и старожилов), родившиеся в Израиле. Социальные условия и сфера использования этого языка чрезвычайно ограничены.

¹² Ср. появление той же конструкции на предшествующем витке интерференции, в русском языке евреев России со второй половины XIX в.: *Он-таки (да) хочет работать*.

образуются на иврите с помощью союза š^c — с факультативной (а в некоторых случаях и обязательной) местоименной репризой: *ha-ben-'adam š^c-hu' 'o'bed 'iti* 'человек, который работает со мной', букв. 'человек, что он работает со мной'; *ha-ḥašer š^c-bo yeš kama 'ešim* 'двор, в котором есть несколько деревьев', букв. 'двор, что в нем есть несколько деревьев'. Именно по этой модели и строятся соответствующие придаточные по-русски: *Мне нравится эта женщина, что (она) работает у нас в парикмахерской; На бери этот пакет — возьми сумку, что в ней есть удобные кармашки (-с удобными кармашками).*

В структуре сложного предложения можно заметить и некоторые изменения более тонкого характера. С точки зрения русской нормы предложения типа *Я заболел, и поэтому не пришел; Мама работает дома, и поэтому мы не можем позвать вас к себе* тождественны предложениям *Я не пришел, потому что заболел; Мы не можем позвать вас к себе, потому что мама работает дома* и правильны как грамматически, так и стилистически. Однако в стандартном русском языке союз *и поэтому* неравнозначен союзу *потому что* функционально: он встречается почти в два раза реже. По данным частотного словаря [8], на 614 употреблений *потому (что)* приходится 324 употребления *потому*. В иврите соотношение *tipney š^c* — 'потому что' (и его синонимов) и *laken* 'потому' иное: *laken* употребляется заметно чаще, чем его русский эквивалент¹³. Это ивритское соотношение полностью воспроизведено в «старожильческом» русском, где предложения типа *Я заболел, и поэтому не пришел* встречаются чаще, чем это ожидалось бы в традиционном русском узусе.

В сфере лексики «старожильческий» русский мало чем отличается от описанного выше. Он так же изобилует разнообразными заимствованиями, хотя, справедливости ради, следует отметить, что, как ни парадоксально, в нем меньше удельный вес русских производных, образованных от заимствованных слов, и отсутствуют отдельные лексемы, вступающие в особенно вопиющее противоречие с русской языковой нормой. Формы типа род. пад. *альвазы* встречаются только в языке иммигрантов-новичков (что объяснимо, если учесть, что именно они владеют живым языком в полном его объеме). Вместе с тем, «старожильческий» русский обнаруживает следы значительно более глубокой внутренней перестройки, нарушающей такие тонкие характеристики языковых единиц, как сочетаемость, структура лексического значения и, как следствие, частотность¹⁴. Примером может служить глагол *получать ~ получить*. В «старожильческом» языке этот глагол выступает не просто как конверсив *давать ~ дать*, а как основной и более частотный элемент этой пары. Таким образом, в отличие от нормативного русского языка, где для 'каузировать иметь' преобладают конструкции типа *Петя дали книгу; Ей дали медаль; Ему подарили много подарков; Ты дашь Лине пирога?* и т. п., в «старожильческом» языке с очевидностью доминируют конструкции типа *Петя получил книгу; Она получила медаль; Он получил много подарков; Лина получит пирог?*

Разумеется, говоря о двух вариантах русского языка в Израиле, мы лишь стремимся обозначить тенденцию развития. Само собой, в самых различных возрастных и социальных группах имеются носители русского языка, сохранившие его в более или менее нетронутом интерференцией состоянии. Они, однако, составляют незначительное меньшинство. В той или иной мере описанные процессы распространяются на преобладающее большинство говорящих.

Интересно было бы ответить на вопрос о том, каков прогноз на будущее. Этому препятствует наличие в среде носителей русского языка противоположных тенденций. С одной стороны, воздействие иврита и само место иврита в израильской

¹³ Символом этой ситуации можно считать факт эквивалентности рус. *Вот почему* ~ англ. *this is why* ~ ивр. *v — laken*.

¹⁴ На это явление при двуязычии обратил внимание Л. В. Щерба, тонко характеризовавший его как формирование единого языка в плане содержания, но не в плане выражения, см. [9].

культуре способствуют тому, что иммигранты-новички постепенно, по мере укоренения в Израиле, переходят на ту или иную разновидность «старожильческого» русского. «Старожильческий» русский, собственно, сам и является закономерным итогом эволюции того русского языка, который привезли в Израиль иммигранты 10—30 лет тому назад. Однако события последних нескольких лет вызвали всплеск языкового самосознания не только у иммигрантов-новичков, но и у старожилов. Расцвет русской прессы, возникновение ежедневного русского радио- и телевидения, как и расширение круга общения на русском языке, способствуют возвращению старожилов к более стандартным формам языка, к очевидному совершенствованию их языковой компетенции. Таким образом, трудно пока сказать, какое время наступило для русского языка в Израиле — время насаждать и исцелять или время убивать и вырывать насаженное*.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Речь иммигранта-старожила А. (в Израиле — более 20 лет)

А.: Как вам зовут?

Б.: Леонид.

А.: Вы желаете менять имя? Получить новое еврейское имя?

Б.: Да, хочу поменять.

А.: Покажите вашу теудат-оле¹⁵.

Б.: Вот, пожалуйста.

А.: Как вы выбрали? Какое имя?

Б.: Не знаю.

А.: Вы знаете, какое значение у вашего имени? Что значит Леонид?

Б.: Нет.

А.: Это имя, что оно взято из греческого языка, значит «лев». А как по иврит будет «лев»? Арье. Пожалуйста, хорошее имя.

2

Речь иммигрантов-новичков В. и Г. (в Израиле — менее года)

В.: Привет! Ты откуда?

Г.: Из мисрад апним¹⁶. Даркон заказывать¹⁷ ходил. Простоял в очереди два часа с хвостиком.

В.: Ничего-ничего. Савланут!

Г.: Да иди ты со своим савланутом. Никаких сил не осталось.

В.: Все будет беседед. Не волнуйся. Работаеть?

Г.: Ну, работаю.

В.: А жена?

Г.: Жена полдня на никайоне, а полдня в ульпане для миткадмим¹⁸.

В.: Тов. А Женька твой в школе?

Г.: Ну, а куда ж он денется. В школе, в датишной¹⁹.

В.: В датишных, говорят, учат лучше. Ты ему брид здесь делал?

*Автор, к сожалению, не мог учесть в настоящей статье результаты проф. В. Московича, опубликованные в сборнике «Jews and Slavs». Jerusalem, 1993.

¹⁵ Теудат-оле 'удостоверение нового иммигранта'. В иврите *ṣ'uda* женского рода, что отражено в согласовании.

¹⁶ Мисрад апним 'министерство внутренних дел'.

¹⁷ Заказывать даркон (паспорт) — калька ивр. *ṣ'azmin 'et ha-darcon*.

¹⁸ Ульпан 'учебное заведение, где иммигранты изучают иврит', миткадмим, мн. ч. 'продвинутые, продолжающие'. Речь идет об ульпане для продолжающих изучение иврита.

¹⁹ Датишный 'религиозный', производное от ивр. *dati* то же.

В.: Нет, еще в Совке. Я, когда понял, что поедem, сразу все это устроил. Мы только-только успели подать²⁰.

Г.: Да, ты мужик деловой. Ладно. Прощаюсь. Мне еще на шук заскочить надо. Шалом-шалом.

В.: Будь здоров. Вале привет.

Г.: Спасибо. И ты своим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Exodus Campaign 1992. Keren Hayesod — United Jewish Appeal. Information Department. Jerusalem, 1992. P. 1.
2. Государство Израиль. Становление и развитие. Иерусалим, 1990. Т. 1. С. 84.
3. *Martinet A.* (ed). *Le Langage*. Paris, 1968.
4. *Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931.
5. *Hauger E.* The Norwegian Language in America. Philadelphia, 1953. Vol. 2.
6. *Ervin S. M. Osgood. C. E.* Language Learning and Bilingualism//Psycholinguistics. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. Supplement. V. 49. P. 139—146.
7. *Weinreich U.* Languages in Contact. The Hague, 1963.
8. Частотный словарь русского языка/Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
9. *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. С. 47—48.

---

²⁰ Документы на выезд в Израиль из СССР.

© 1994 г. ПРОТАСОВА Е. Ю.

РУССКО-ФИНСКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ (к вопросу о бытовании русского языка как родного за пределами России)

Согласно статистике, из 173 суверенных государств, существовавших в 1990 г., около 40 (примерно половина населения земного шара) не были монолингвальными [1]. Языковая политика государств бывает, в основном, двух типов: либо входящие в него территории поддерживают моноязычие, а двуязычие необходимо только мигрантам или иммигрантам, либо один или два языка становятся официальными в административных целях, а национальные языки удовлетворяют этнокультурные потребности разных групп населения.

Финляндия — государство, официальными языками которого являются финский и шведский. Кроме того, саамский язык поддерживается в Лапландии как язык меньшинства. Законодательно обеспечивается возможность организации специального обучения любому родному языку, если количество детей в группе достаточно для приглашения учителя. В качестве групп населения официально перечисляются цыгане, татары, в качестве религиозных меньшинств — православные и евреи. В справочниках можно найти упоминание о том, сколько в Финляндии иностранцев из разных стран. Однако русские не входят ни в один из этих списков. В настоящее время парламент обсуждает вопрос о том, представляют ли собой русские национальное или языковое меньшинство в Финляндии.

«Наш северный сосед» — государство, на территории которого проживает в настоящее время, согласно официальной газете «Хельсингин саномат», около 20 тыс. человек, чьим родным языком является русский (далее — РЯ). Среди них немало таких, кто либо вовсе не учился финскому языку, либо не смог овладеть им достаточно хорошо. Группа владеющих двумя языками неоднородна по составу и по происхождению. Большинство составляют русские. Но в нее также входят финны, которые значительную часть своей жизни прожили в Советском Союзе или учились РЯ с дошкольного возраста, так что владеют русским, как родным языком. Есть ингерманландцы по происхождению, многие из которых впервые услышали финскую речь лишь на финской земле. Те, кто хочет поддерживать РЯ и русскую культуру, имеют возможность смотреть телепередачи из России, выписывать книги и газеты на РЯ. Такие общественные организации, как Русский культурно-демократический союз, проводят мероприятия, связанные с памятными

Протасова Екатерина Юрьевна — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Российской Академии образования (Москва) и Общества поддержки Финско-русской школы (Хельсинки).

датами российской и финской истории. В Хельсинки есть финско-русская школа, во многих городах — детские сады с обучением РЯ и так называемый длинный курс РЯ в школе. Славянская библиотека Хельсинкского университета, Библиотека русского купеческого общества в Гельсингфорсе, Библиотека Института России и стран Восточной Европы, славянские кафедры филологических факультетов университетов и Дом Российской науки и культуры стараются объединить вокруг себя тех, для кого РЯ — родной.

Что это за явление — РЯ за границей? В советский период было принято смотреть сквозь пальцы на трансформацию РЯ у его носителей за пределами гомогенно населенных областей России. Социолингвисты и лингводидакты занимались, в первую очередь, типологией ошибок, допускаемых при изучении «средства межнационального общения» носителями национальных языков. Существует также литература, посвященная влиянию РЯ на национальные языки. Однако русская норма у русскоязычных носителей не подвергалась сомнению: если ты, как говорили в Средней Азии, «европеец», то с РЯ у тебя все в порядке. Диалектные особенности РЯ изучались только в местах традиционного проживания русских, преимущественно на территории России. И только в самом начале перестройки на какой-то короткий период среди интеллигенции национальных республик, которая была если не русскоязычной, то, во всяком случае, двуязычной, возникло желание признать, что нет одного РЯ, а есть «русские языки», имеющие свои особенности в каждом национально-территориальном образовании. До того, чтобы говорить об устойчивом функционировании каждого из вариантов, дело не дошло. Кроме того, в течение всего советского периода РЯ развивался в ситуации диаспоры: с одной стороны, письменная норма в СССР, а с другой — литература эмиграции [2—4]. Не анализируя в деталях соотношение обоих стандартов, отметим лишь, что когда Финляндия стала независимым государством в результате распада Российской империи, пришлое русскоязычное население частично досталось ей в «наследство». Кроме того, часть русских, так же, как и финскоязычное население на территории России, исторически проживает на пограничных землях и экономически, политически или социально по традиции связаны как с Россией, так и с Финляндией. В 20-е годы, после более чем столетней принадлежности к Российской короне, на территории Финляндии оставались:

1. Потомки жителей четырех русскоязычных деревень (общее название — «красносель», по названию самого большого из них — Красного Села), переселенных в первой половине XVIII в. из губерний Средней России на Карельский полуостров, прожившие там компактно до советско-финской войны, а затем эвакуированные и разбросанные ныне, в основном, вблизи городов Хяменлинна и Ярвенпяя. В 40-х годах их было около 2 тыс. человек, и они сохраняли свой язык, религию, культуру. Интересно, что за двести с лишним лет жизни среди финнов диалекты и традиции крестьянско-ремесленной среды унифицировались, а фольклор претерпел влияние города, обусловленное близостью к Петербургу и Выборгу (деревни находились неподалеку от дороги, соединявшей эти города, а жители получали газеты и журналы на русском языке). Ныне «красноселов» изучают как этнокультурный феномен [5].

2. Коренное русскоязычное население крупных городских центров (вроде Выборга и Хельсинки), владельцы мелкой и средней собственности в Карелии, имевшие свои школы и церкви (всего 4 806 человек в 1921 г.). Сложилось так, что эти люди были скорее русско-шведскими билингвами, хорошо знали немецкий и французский языки [6].

3. Военнослужащие, беженцы и эмигранты; большинство людей этого круга не овладели в первом поколении финским языком; интеграция их в финское общество была затруднена; духовные потребности удовлетворялись внутри «своего круга» [7]. Тем не менее, в Финляндии происходила довольно интенсивная культурная жизнь на РЯ (см. [8]), а также готовящийся к печати специальный

выпуск альманаха «Новое литературное обозрение», посвященный культурным контактам между Россией и Финляндией).

По завершении войны между Финляндией и СССР, второй мировой войны и миграции населения, связанной с этими событиями, экономические и политические отношения между нашими странами складывались таким образом, что в Финляндии оказывалось все больше русскоязычных репатриантов и переселенцев, а также росло количество смешанных браков.

Как видим, исходно состав носителей РЯ достаточно пестр. Тем не менее, в настоящей статье нам хотелось бы дать общую характеристику русско-финского двуязычия на территории Финляндии и обрисовать особенности изменения РЯ под воздействием финского. Наши выводы основываются на экспериментах и наблюдениях, проводившихся нами в Финляндии в 1990—1993 гг.

Исследования такого типа представляются тем более важными, что они повсеместно предпринимаются (например, в отношении английского как мирового языка [9]), но только начинаются применительно к РЯ. Вероятно, новый статус РЯ после распада СССР, возможность интеграционных процессов внутри русской диаспоры в разных поколениях и в разных странах, объективное изучение ситуаций, связанных с установлением и поддержанием двуязычия, могли бы способствовать нормальному обретению РЯ прав одного из частных «других» языков в условиях билингвизма. Вхождение в массовое сознание отношения к РЯ как деидеологизированной ценности помогало бы более глубокому пониманию принципов, заложенных в Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств, в Декларациях ООН и других международных документах, определяющих языковую политику в отношении как национальных меньшинств, так и индивидуумов, поскольку именно это будет, по-видимому, в ближайшее время определять права и обязанности носителей РЯ за пределами России в европейском регионе и в других странах мира [10].

ЯЗЫКОВАЯ АТТРИЦИЯ — НОВАЯ ОБЛАСТЬ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Аттриция, или потеря, порча, утрата, изменение родного языка под влиянием приобретенного (иногда выученного в школе, чаще используемого в естественном контексте), — явление давно известное и описанное в художественной литературе. Вспомним, как из-за французского искажали родной русский персонажи Толстого и Пушкина, а затем вдруг многие из этих «ошибок» стали общепринятой нормой, как и галлицизмы обоих авторов. В русскоязычной литературе XX в. описания речи эмигрантов разных волн изобилуют насмешками над их желанием поскорее стать своими в чужой стране, так что русская речь оказывается под влиянием немецкой, французской, английской и т. д. И если в конце XIX в. примат образования на родном языке в противовес обучению иностранным языкам был поднят на щит демократической интеллигенцией, то в наше время к этому было принято относиться с юмором, пока не выяснилось, что сохранить РЯ, как и любой другой, будучи оторванным от родины, чрезвычайно трудно. Аналогичные процессы наблюдались в разных ситуациях двуязычия для самых разных языков. Оказалось также, что понятие «русская культура», к которому и внутри страны нет однозначного отношения, не существует ни за рубежом, ни в пределах России в виде осознанного концепта.

Серьезное изучение аттриции началось, по-видимому, лишь в 80-е годы, и одна из первых работ в этой области — [11]. Она была посвящена забыванию родного языка израильскими иммигрантами. Вырастая из исследований по функционированию билингвизма и овладению вторым языком, изучение языковой аттриции превратилось в самостоятельную область социо- и психолингвистики. То обстоятельство, что существует практический спрос на результаты работ по

сохранению родного языка, имеет необыкновенно большое значение для формирования реальной концепции образования для языковых меньшинств.

Аттриция изучается, прежде всего, на двух уровнях — индивидуальном и социальном. Так, то, что характерно для отдельного человека, может оказаться не существующим в сколько-нибудь представительной группе людей. Изучаются причины искажений в первом языке (недостаточный объем памяти говорящих, либо неразвитость порождающего речь устройства; роль и функции первого и второго по времени усвоенных языков в обществе, их статус; степень их цивилизации или аккультурации, т. е. постоянного использования современными средствами массовой информации, в бизнесе и образовании, а также возможность для носителей языков извлекать из этого выгоду для себя; оторванность от исходной языковой среды, культурный престиж или дефицит в интернациональном масштабе и т. д.). Изучается личность самого носителя языка: кто имеет право считаться полноценно владеющим родным языком, а кто уже нет; с какого момента можно предположить, что индивид или группа людей перешли к новой норме и будет ли это считаться достаточным для признания нового языка существующим; насколько сохраняется языковая способность к порождению, восприятию, интерпретации речи, какие именно психолингвистические процессы характерны для забывания или смешения языков; какое значение имеет возраст носителей языка, сроки и характер их контактов со средой второго языка для поддержания первого. Среди признаков потери родного языка перечисляются: заимствования и кальки на всех уровнях; лексические замены, расширения, сужения, переносы, обобщения; морфологическое выравнивание, упрощение, схождение, ложный отказ от исключений, перенос правил чужого языка в свой; структурные перестановки, создание единой синтаксической системы для обоих языков, утрата ориентировки на стандарт речевого употребления, увеличение частотности маргинальных образований и забвение регулярных парадигм; переключение грамматических категорий, т. е. выражение известных категорий перенесенными из другого языка средствами или выражение заимствованных старыми, и др. [12—15]. Мотивация носителей языка, их сознательность и самоидентификация, личностная ориентация и претензии на определенное место в обществе, стратегии в изучении и поддержании языков формируют идиолекты, а в целом создают картину бытования разных языков в социумах.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ФИНСКОГО (ВТОРОГО) ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (ПЕРВЫЙ)

Контрастивные исследования довольно давно выявили историческую конвергенцию финно-угорских и русского языков не только в области лексики, но и в выражении принадлежности (конструкции с *у*), в препозитивном употреблении номинатива вместо аккузатива в говорах (*нужно корова доить*), в использовании партитива. Под вопросом экстраполирование частиц (например, *-ка, -то, же, ли, бы*), усиление частотности отглагольных номинаций по сравнению с другими славянскими языками и, может быть, сокращение системы глагольных времен. Кроме того, как в финском, так и в русском языках нет артиклей, относительно свободный порядок слов, есть подобие в описании таких ситуаций, когда в русском используется категория состояния, в наличии глагольных видов и совершенностей (ср. многочисленные исследования И. Вахроса и его учеников, работы Л. Хакулинена, А. Мустайоки, Х. Томмолы, О. Иколы, П. С. Уреланда и др.). В случае языковой аттриции аналогичная дистрибуция и регулярное переключение с одного кода на другой создают предпосылки для обратного влияния субстратных явлений на основной язык: РЯ довольно часто оказывается под негативным воздействием финского тогда, когда эти языки уже имеют нечто общее между собой. Здесь носители РЯ оказываются в плену кажущегося облегчения стоящей перед ними задачи — соблазнившись чем-то, что позволяет уп-

ростить ассоциативное запоминание громады финской грамматики, они подравнивают свою собственную под единый механизм интерлингвального производства речи.

Другой источник преобразований в РЯ — контакты через посредников, в качестве которых выступают финны или родившиеся в Финляндии русские, неполноценно владеющие РЯ. Поскольку собеседники всегда имеют тенденцию настраивать свою речь друг на друга, русские начинают пользоваться теми же конструкциями, что и их партнеры по коммуникации, у которых РЯ может оказаться просто плохо выученным вторым и изобилует финнизмами. В таких случаях система первого языка упрощается, стандартизируется, предложения унифицируются и обедняются, одновременно проникаясь переведенными с финского конструкциями.

Третья тенденция — социокультурного порядка. Различия в типичных способах описания событий (сценариях, скриптах, как принято говорить в теории нарратива), в образовании, в оценке происходящего, в построении диалога, в эмоциональности повествования и использования экспрессивных средств настолько велики, что для того, чтобы быть понятым, русским приходится *перекладывать* привычные нормы на финский лад. Отсюда выражения типа: *Это было весело* вместо *Нам было интересно*, *Правда, я ходил туда*, не в уступительном значении, а вместо *Я действительно там был*, заимствование интонации. Разница в ожидаемой реакции собеседника (исходно несовпадающие пресуппозиции) настолько велика, что на предложение *Эти торты разные* вместо ожидаемого ответа *Хорошо, я попробую оба* следует *Да, я вижу* (не шутя), а приглашение *Приходите все, кто хочет* вызывает реакцию *Это же и так ясно* (тоже без юмора, с обидой). Т. е. в первом случае нужно было сказать, что *первый торт с орехами, а второй с изюмом, пожалуйста* (нельзя вообще рекомендовать что-то есть), а во втором — *Добро пожаловать всем*, даже если мы не хотим, чтобы все приходили.

Четвертое направление языковой аттриции — прямое заимствование в русскую речь финских слов и финских реалий, произнесение их либо с русским, либо с якобы финским акцентом, либо просто по-фински. Такие слова могут изменяться внутри русской фразы по законам русского словоизменения, приобретая не всегда последовательную русскую морфологию, либо выступать в одной форме в разных контекстах, либо иметь дефектные парадигмы, связанные с узусом, либо, что бывает очень редко, в русскую речь вставляется слово в правильной финской форме. Например, слово *рахка* (творог, по вкусу не похожий на русский) может входить в следующие ~~русские~~ фразы: *Ты пробовал это рахка?* (слово не склоняется, употреблен нейтральный средний род), *Это пирог с рахкой* (слово женского рода, склоняется), *Свежий рахка, очень хороший* (слово мужского рода, как в РЯ), *Дай-ка я тебе положу рахкаа* (использован финский партитив, которому говорящий не находит аналогии в РЯ). Каким именно способом будет употреблено слово или конструкция — зависит и от отношения и позиции говорящего, и от ожидаемой реакции партнеров по коммуникации, и от самого слова (его лексический класс, вероятность точного перевода на РЯ, существование аналогичных слов в обоих языках — как бы «лексико-грамматический прецедент», частотность употребления, сложность перефразирования и т. п.).

Пятая тенденция, видимо, в наибольшей степени связана с психолингвистическими аспектами функционирования первого и второго языков: факторы, взаимодействующие одновременно на лингвистическом и психологическом уровнях при порождении, восприятии и интерпретации речи. Поскольку это, на наш взгляд, наиболее интересная сторона языковой аттриции, мы остановимся более подробно на наших экспериментальных исследованиях, касающихся этой проблемы (см. также [16]).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ АТТРИЦИИ

Наши наблюдения и эксперименты касались следующих групп испытуемых:

1. Взрослые русские, родившиеся в Финляндии, говорившие дома в детстве по-русски. Их родители — обычно эмигранты или коренные русские Финляндии,

с трудом или вообще не говорящие по-фински. Как правило, по мере взросления эти люди начинали дружить с финскими сверстниками, шли в финский, шведский или русский детский сад, а затем в школы с соответствующими языками обучения. Это почти сбалансированное двуязычие. (Интересно, что отдельные просторечные слова типа *дак, шибко, куды*, варианты *вороты, привыкла* — сохраняются в русской речи потомков «красноселов», даже получивших образование).

2. Взрослые дети двуязычных русских, родившихся в Финляндии, начавшие дома говорить по-русски, а затем либо полностью перешедшие на финский язык, либо восстановившие русский в связи с профессиональной потребностью. Большинство вступили в брак с финнами или шведами. Обычно финский язык в таких случаях доминирует, а русский сохраняется на так называемом кухонном уровне (ощущается явный недостаток лексики, примитивизм конструкций). Если образована русская семья, то РЯ сохраняется и в следующем поколении, но страдает, прежде всего, письменная форма речи.

3. Взрослые русские, переехавшие в Финляндию в связи с замужеством или женитьбой, прожившие тут от 4 до 20 лет, постоянно общающиеся как по-фински, так и по-русски. Русский язык остается основным, хотя в отдельных случаях финноязычная коммуникация занимает большую часть времени.

4. Их дети: а) дошкольного возраста; б) школьного возраста; в) закончившая школу молодежь. Дети могут воспитываться матерью-одиночкой, говорящей с ними по-русски или на смеси языков; обоими родителями, причем это могут быть как общие дети, так и дети от предыдущего брака. Здесь в качестве основных факторов, определяющих уровень двуязычия, выступают: возраст, в котором они оказались среди финнов; регулярность и полноценность контактов с финнами и русскими (мотивированность общения, представительность стилей и жанров в беседах, разнообразие тем, содержательность, потребность в употреблении устной и письменной форм речи).

5. Финны, прожившие значительную часть своей жизни в СССР и России и переехавшие в Финляндию. Для некоторых финский язык был родным или одним из домашних языков на протяжении всей жизни, другие забыли или восстановили его потом, некоторые говорят на ингерманландском диалекте, по-русски, по-эстонски или на других языках. Ситуация с их детьми аналогична описанной в п. 4.

6. Русскоязычные семьи переселенцев или эмигрантов последнего времени. Финский язык изучается, в основном, на курсах. Нередко в повседневном общении с финнами используется финский язык в быту, а в интеллектуальном разговоре — английский. Некоторые овладели финским языком достаточно, чтобы пользоваться им на работе. Многие стремятся сохранить русскую культуру в качестве основной домашней.

7. Их дети разного возраста могут ходить либо в финские детские сады или школы и стать двуязычными (сохранить письменную форму речи при этом очень трудно), либо в русскоязычные детский сад и школу при посольстве и выучить отдельные финские слова и обороты речи в общении на улице, либо в двуязычные финско-русские детские сады и школу и поддерживать оба языка на достаточном уровне в письменной и устной форме.

Хотя употребление РЯ этими категориями людей различно, само проявление аттриции у них во многом сходно.

Материалом для анализа послужили записи устных выступлений, переводов с финского на русский, интервью-бесед, касающихся овладения языком или поддержания языка, рассказов о детстве, выполнения заданий на перевод с финского на русский и придумывания предложений со словами, описания ситуаций и картинок. В орбите изучения находились примерно по 10 человек, представляющих каждый из перечисленных типов двуязычия. Результаты исследования даются в обобщенном виде.

Для всех информантов, получивших школьное образование на финском или шведском языке, именно эти языки остаются самыми близкими. Активный словарь

и набор употребляемых в речи конструкций у людей, родившихся в Финляндии, даже если они русские по рождению, работающие профессиональными переводчиками, оказался меньше, чем словарь тех, кто родился в России, даже если они не получили высшего образования или говорили дома по-фински. В целом допускаемые ошибки вызываются, и это осознается взрослыми информантами: недостаточной автоматизированностью первоначальных навыков РЯ; смешением языков; отсутствием контроля за качеством русской речи; потерей ориентации на норму РЯ. Если взрослые не помнят, как правильно (все случаи неправильного употребления встречались в русской речи в Финляндии) — *в/на вокзале, на/во дворе, из/со станции, из/со школы, оставить на стул/на стуле, ходить в театр/в театре, найти из шкафа/в шкафу, любить хлеб/хлеба, помогать меня/мне, замужем с кем-то/за кем-то, идти лес/в лес, меня надо/мне надо, у (н)его жарко/ему жарко, позвони ресторан/в ресторан, варежки (надеты) на руках/в руке, у меня трудно/мне трудно* и т. п. — это обусловлено именно такими причинами. Интересно, что эти типы неточностей допускаются во всех группах информантов, так же, как и ошибки в употреблении указательных, количественных и кванторных слов: *этот, тот, такой, единственный, один, второй, другой, все, многие, каждый, любой*, причем неверно трактуются и значение, и употребление слова: *Многих таких книг у меня есть, Она живет в (том) самом доме, как мы живем, Ты можешь отдать это каждому* (вм. любому), *Этот ушел, а второго я не знаю* (вм. Он ушел, а другого я не знаю). *Этот и тот* особенно часто заменяют личные местоимения в речи детей, у которых нет достаточного опыта сравнения финского и русского с другими языками. Нередко употребление усилительного дейкиса на финский манер: *Они жили вот там, в Выборге, Я поеду вон туда, в Москву*. Финская норма сказывается и на использовании слов *только, еще, уже, пока*. У нескольких информантов своеобразно употреблялось слово *совсем* (*Я совсем русская девочка была, Там русский язык был совсем*). В тех случаях, когда РЯ не входил в школьное обучение и информанты плохо читают и пишут на нем (часто овладев им дома), забывается, какого рода слова типа *ночь, тетрадь, портфель*.

Те, для кого финский близок с детства, часто помнят корень слова (возможны неверные ассоциации), но не помнят точно формы, а поиск в памяти затруднен: *Иди в нутро* (вм. *внутрь*), *И вот так это всё уменьшалось, русский язык. ... Я думаю, что у меня словарь все время меньшеется и меньшеется, потому что не с кем говорить; Делай, как тебе подобно* (вм. *удобно*); *Я долго не пишу на финском языке* (вм. *давно*); *Когда еще мой дедушка жил, с ним по-русски, конечно* (вм. *был жив*), *Дети зажгли костер* (вм. *разожгли*), *В одно же время, Поставь ручки по местам* (вм. *Положи ручки на место*), *квас* вм. *простокваша*. К грамматической аттриции следует, по-видимому, отнести пропуск предлогов (в финском языке исковое значение было бы выражено окончанием или окончанием и послелогом, а в русском употребляется слово либо без предлога, либо также и без окончания): *Моя мама жила Терийоки, Мы ездили Турку, Иди кухню, Посади его стул, Он подошел столу, Девочки шли цветами, Он катался санками* и под. В теории языковой аттриции неоднократно подчеркивается, что большие трудности вызывает разный объем глагольных значений в обоих взаимодействующих языках. Педагоги знают, что глагольная суффиксация в финском и аффиксация в русском сложна для усвоения (см., напр., [17]).

Приведем примеры неточного построения русской фразы по аналогии с финской, неверного приписывания значения слову, отсутствия адекватной идиоматики, так что приходится переводить с финского: *Я не изучала русский язык нисколько, Они успели и приготовили обед, Она не едет туда больше никогда, Он не больше помнит этого; Всех самый хороший шведский язык был, Это было финская территория, Это было такие курсы, Если начать, то это совсем не идет, Своим ребятам мы всегда по-фински говорим* (*ребята* — вм. *дети*; часто говорят также *девочка* и *мальчик* вместо *дочка* и *сын* — как в финском), *Говорила я ей иногда по-фински, иногда по-русски* (вм. *разговаривать с кем-то*), *Мой*

папа говорил и немецкий язык, и русский язык, Она ему еще шведский язык говорила, Он дал большой вклад в культуру, Словарный запас не хватает, Нужно позвать помощь, Откройте телевизор. Все ошибаются в построении сложноподчиненных предложений, особенно в употреблении когда и так, например: Те, которые жили..., Как я была маленькая, так к нам много гостей приходило, Вы мне сказали, так я вспомнил, что то было, Мне это так надоело, так я лучше ему переведу, В то время, когда он был молодым, так вращался, в основном, в русском обществе. Такие случаи могут показаться диалектной особенностью, стилистической небрежностью или обмолвками, но они носят вполне регулярный характер и встречаются у людей весьма образованных. Скорее для русскоязычных финнов, чем для русских, характерна актуализация неверной видовой глагольной формы: Как только речь пойдет (-заходит) о чем-то, чего я не знаю, так я не помню слова. Ошибки в образовании глагольных словоформ свидетельствуют в речи русских не столько о распаде спряжения, сколько о недостаточном внимании к собственной речи.

Двуязычные русские и финны иногда путают место ударения в словах, причем, по-видимому, все-таки чаще в пользу финского первого ударного слога. Гиперкоррекция наблюдается в произнесении русских слов с первым ударным слогом как слов со вторым ударным слогом. Почти все довольно быстро начинают произносить финское Н вместо русского Х и ошибаются в качестве безударных слогов (неверные редукции или прояснения).

На первом этапе аттриции русские взрослые, как правило, не ошибаются, а оговариваются: они всегда могут исправить допущенную неточность, часто осознают, что хотели построить фразу по-фински, и спохватываются, когда произносят «буквальный перевод». Многие слова забываются, семантика стирается («не помню, то ли это значит или что-то другое»), «затвигаются» на задний план финскими словами. Некоторые обороты превращаются в клише: вводятся сообществом в обиход сначала в шутку, а затем незаметно перерастают в стандарт. Частая путаница характерна для периода активного усвоения финского языка, когда мозг специально ориентирован на финскую языковую реальность и выдает финский вариант раньше русского. Если же финский язык устоялся, освоен достаточно хорошо, то обе системы путаются меньше, существуют достаточно независимо друг от друга.

Самая уязвимая часть двуязычных русских — дети. Дети-билингвы говорят на своеобразном языке, свидетельствующем о взаимосвязи порождающих механизмов обеих актуализованных систем. Они путают род и склонение существительных, вид и форму глаголов. Билингвы-подростки имеют устоявшуюся систему для русского языка, отличающуюся от русского стандарта, скорее, стилистически, на уровне предложения и текста. Речь русских детей-иммигрантов развивается по другим законам: русская система обслуживает один тип общения, а финская — другой. Русская речь малышей обеднена, речь подростков подвергается небольшой аттриции, в основном, на лексическом и синтаксическом уровнях. Для более взрослых финский может остаться навсегда чужим языком.

Русский язык в Финляндии подвергается разным типам аттриции в зависимости от того, о какой группе носителей русского языка идет речь. Влияние финского языка на русский язык иммигрантов-взрослых не безусловно и зависит от их собственной установки на сохранение и поддержание языка. Русский язык дошкольников и школьников нуждается в поддержке: без полноценного образования, всестороннего изучения цивилизации и культуры, связанных с ним, он не может существовать. Для тех, у кого русский — безусловно второй язык, преподавание может идти в той мере, которая требуется данному индивиду, но обязательно так, чтобы изучение русского языка было мотивировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Breton R. Géographie du plurilinguisme//Français dans le monde. Special number 1991.
2. Comrie B., Stone G. The Russian language since the Revolution. Oxford, 1978.
3. Брук С. И., Кабузан В. М. Русские в мире. М., 1991. Вып. 2.
4. Kirkwood M. (ed.) Language planning in the Soviet Union. London, 1989.

5. *Harjula T., Leinonen M., Ouchinnikova O.* (toim.) *Kuuyrölään perinnettä/Традиции Красного Села.*//*Slavica Tampereusia*, № III. Tampere, 1993; См. также: *von Prushewsky B.* Некоторые особенности красносельского говора//*Scando-Slavica*, Т. VIII, 1962; *Каунилла Е., Лейнонен М.* Судьба красносельского говора в Финляндии//*Scando-Slavica*, Т. 38, 1992.
6. *Финляндия/Зарубежная русская школа 1920—1924/Российский земско-городской комитетъ помощи Россійскимъ гражданамъ заграницей.* Парижъ, 1924.
7. *Leinonen M.* Language survival: Russian in Finland//*Slavica Tampereusia*, № 1. Tampere, 1992.
8. *Башмакова Н.* «Мы говорим на разных языках...»/Из литературной жизни русских в Финляндии в межвоенные годы//*Slavica Helsingiensia*, № 11, 1992; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917—1939//*Studia Slavica Finlandensia*. Т. VII. Helsinki, 1990; *Pachmuss T.* A moving river of tears: Russia's experience in Finland//*American University Studies*, Series XII, V. 15. New York etc., 1992.
9. *Kachru B. B.* World Englishes: approaches, issues and resources//*Language Teaching*, 1992, № 1.
10. *Skutnabb-Kangas T., Cummins J.* (eds.) *Minority education: from shame to struggle.* Clevedon, 1988; *Skutnabb-Kangas T., Phillipson R.* (eds.) *Linguistic human rights.* Cambridge (в печати).
11. *Berman R., Olshain E.* Language patterns affecting L2 attrition: data from Hebrew-English bilingual children//Paper presented at the Fifth International Conference on Contrastive Projects at the University of Jyväskylä (Finland), 1982.
12. *Seliger H. W., Vago R. M.* *First language attrition.* Cambridge, 1991.
13. *Sharwood Smith M.* Crosslinguistic influence in language loss//*Hyltenstam K., Obler L.* (eds.) *Bilingualism across the lifespan.* Cambridge, 1989.
14. *Baker C.* *Attitudes and language.* Clevedon, 1992.
15. *Polinsky M.* Language attrition and pidgin/creole syntax//Paper presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America and Society for Pidgin and Creole Linguistics, Los Angeles, 1993.
16. *Protassova E., Miettinen S.* Two languages and two cultures//*Acquisition of Language — Acquisition of culture/Suomen soveltavan kielitieteen yhdistyksen julkaisuja* 50, Jyväskylä, 1992; *Protassova E., Miettinen S.* Hereditary and situational bilingualism//Paper presented at the Second EUROSLA Conference, University of Jyväskylä (Finland), 1992; *Protassova E.* Communication during acquisition of Russian and Finnish as first and second languages//Paper presented at the 10th World Congress of the International Association of Applied Linguistics. Amsterdam, 1993; *Protassova E.* Play without a common language//*Language, culture and curriculum*, V. 5, № 2, 1992; *Protassova E.* Attrition of Russian as first language in Finland (в печати).
17. *Мустайоки А.* (ред.) *Наши ошибки: классификация ошибок в речи студентов русского языка Хельсинкского университета.*//*Helsingin yliopiston slaavilaisten kielten laitoksen raportteja*, 15. Helsinki, 1992.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ НЕПОНИМАНИЕ: ИЗРАИЛЬТЯНЕ И РЕПАТРИАНТЫ ИЗ РОССИИ

Жизнь в Израиле сталкивает между собой людей, родившихся в разных странах, принадлежащих к разным языковым общинам, и израильтян, представителей новой израильской культуры. Формально они говорят на одном языке — иврите, но на самом деле каждый следует нормам родного языка, своей культуры.

Вследствие этого часто возникает непонимание, которое приводит к образованию стереотипов и предрешений как в восприятии отдельного человека, так и целых групп людей. Так, в отношениях между репатриантами из России и израильтянами (особенно израильтянами восточного происхождения) сложились групповые стереотипы, негативные установки. С одной стороны, это «грязные марокканцы» и «бескультурные израильтяне», с другой: «вонючие русские», «русские варвары».

Задача этой работы — объяснить, как возникает непонимание между этими языковыми общинами и в чем его причины. Целью работы является также разработка модели для анализа случаев непонимания.

Методологически это исследование основано на наблюдении и интроспекции. Выборка включает в себя студентов в возрасте 20—24 лет, приблизительно одинакового социального статуса. Все диалоги, приведенные в этой работе по-русски, были записаны на иврите.

Одной из причин непонимания может быть то, что собеседники следуют разным речевым стратегиям. К этим стратегиям применимы следующие категории:

- 1) прямота — косвенность;
- 2) солидарность — уважение;
- 3) отрицательная гипотеза — положительная гипотеза.

Прямота/косвенность высказывания определяется уровнем эксплицитности намерений говорящего. Так, просьба закрыть окно может быть выражена в прямой форме: «Закрой окно!», в конвенционально-косвенной: «Не мог бы ты закрыть окно?» или в косвенной форме: «Что-то холодно в доме». Обычно больший уровень косвенности высказывания ассоциируется с вежливостью, но оценка этого может быть как отрицательной, так и положительной, в зависимости от принадлежности к определенной культуре [1. Р. 127].

Используемые далее термины «уважение» и «солидарность» основываются на понятиях *societas* и *communitas*, введенных В. Тёрнером [2. Р. 43—48]. Эти понятия характеризуют две основные модели общественной жизни, определяющие

использование языка и других символических систем [3. Р. 29]. Модель *societas* характеризуется признанием общественного статуса, роли человека: отношения между людьми подчиняются определенной конвенции, правилу. Модель *communitas* подразумевает общение вне рамок социального времени и пространства, игнорирование ролей и статусов; создание равных недифференцированных межличностных отношений [3. Р. 30].

Реализацией модели *societas* на коммуникативном уровне является стратегия уважения, а реализацией модели *communitas* — стратегия солидарности. Стратегия солидарности важна для понимания такого явления в израильской культуре, которое Т. Катриель называет *dugrijut*, т. е. «искренность, нелицеприятность» [3. Р. 16]. В основе этого понятия лежит эстетика простоты и естественности, антистиль, презрение к разговорам.

Общение в стиле *dugrijut* — это общение не для чужих, оно предполагает общую базу, общие представления и ценности. У истоков этого понятия стоит идеология *halutzim*, первых еврейских переселенцев в Израиль, впитавшая в себя идеи русской революции и «естественного человека» Руссо. Переселенцы отрицали формальную вежливость, ассоциировавшуюся со стереотипным поведением еврея в диаспоре, его унижением и вечным страхом сказать что-то не то. Переселенцы мечтали построить в Израиле общество равенства и братства, где каждый будет выражать свои мысли прямо и без оглядки.

Оппозиция отрицательная/положительная гипотеза отражает исходное представление о себе и о другом. При отрицательной гипотезе собеседник видится как источник опасности, как потенциальный противник. Внутреннее «я» уязвимо, и по отношению к новому человеку существует как бы презумпция виновности. И только постепенно, после разнообразных культурных проверок обвинение снимается. При положительной гипотезе человек с самого начала воспринимается как потенциальный союзник. От него не требуется никаких доказательств лояльности.

В различных культурах используются разные стратегии. Кроме того, одна и та же стратегия может быть расценена по-иному в разных культурах.

Непонимание может проявляться на нескольких уровнях. На самом поверхностном уровне на понимание влияют паралингвистические показатели (интонация, темп речи, высота тона). Человек, говорящий на чужом языке с интонациями родного, может восприниматься как говорящий угрожающе или презрительно, в то время как он сам считает, что его речь нейтральна [4. Р. 168]. Другой уровень — уровень высказывания. Коммуникативная компетентность говорящего предполагает умение определить, каким речевым актом является то или иное высказывание. Например, просьба часто облекается в форму вопроса. За одной и той же формой в разных культурах стоит разное содержание. Так, прямая просьба в русской культуре воспринимается как приказ, и поэтому оскорбительна; в израильской же культуре такая форма просьбы вполне приемлема [5. Р. 114].

Самый глубокий уровень проявления непонимания — уровень намерения. Даже самому говорящему не всегда доподлинно известно, что он имеет в виду. Например, если я звоню знакомой, у которой есть машина, и спрашиваю, на каком автобусе до нее можно добраться, то непонятно, настоящий ли это вопрос или косвенная просьба заехать за мной [6. Р. 420]. Неясно, существует ли в моей речи намеренная импликация. В случае, если она существует, она может быть понята или не понята собеседником. Но даже если никакой импликации не существовало, слушающий может приписать ее высказыванию говорящего. Непонимание возникает в тех случаях, когда импликация существует, но не понята, или когда она не существует, но приписывается одним собеседником другому.

С чего начинается общение? Со знакомства. Посмотрим, как знакомятся молодые израильтяне и репатрианты из России на новом месте.

В нашем примере Аня и Лиора, студентки Иерусалимского Университета, приехавшие в кибуц подработать во время летних каникул, встречаются в

кибуцном домике, где им предстоит вместе жить. Лиора устраивается в квартире; входит Аня:

1а — Привет!

2л — Привет, меня зовут Лиора, а тебя?

3а — Анна. Приятно познакомиться.

4л — И мне. Откуда ты?

5а — Из России.

6л — Да, а откуда из России?

7а — Из Ленинграда.

8л — И давно ты в Израиле?

9а — Скоро год.

10л — Как ты классно говоришь на иврите!

11а — Спасибо.

12л — Так ты всего год здесь и уже поступила? А на какой факультет?

13а — Биология. На вторую степень¹.

14л — Ого, на вторую степень? А сколько тебе лет?

15а — Двадцать два.

16л — Ничего себе... И как это ты успела?

17а — Да так...

18л — А у тебя есть бой-френд?

19а — Э-э-э, нет...

20л — А родственники в Израиле у тебя есть?

21а — Нет...

22л — Ты что, одна приехала?

23а — Да.

24л — А твои родители сюда собираются?

25а — Нет.

26л — Почему?

27а — Да так... (Лиора смотрит на Аню вопросительно.) Им и там неплохо.

28л — Ну, ладно... Счастливо!

На протяжении всего диалога израильтянин занимает атакующую позицию. Он задает вопросы списком, как в отделе кадров. Логика этих вопросов для выходца из России не всегда ясна. В его глазах это не диалог, а нападение. Поэтому Аня медлит с ответами и отвечает как можно короче. Понятно, что она слышит эту серию вопросов не впервые, но до сих пор испытывает неудобство, отвечая на них.

За каждым вопросом для собеседника скрываются разные импликации. Когда Аня знакомится с кем-нибудь из своих русских ровесников, она спрашивает совсем о другом. По русской стратегии знакомства нужно занимать выжидательную позицию, т. е. ждать, когда собеседник сам расскажет о себе то, что он считает нужным. До этого момента разговор ведется на общие, а никак не на личные темы.

Израильская традиция, на которой сказалась идеология *halutzim*, первых переселенцев в Израиль, с их отказом от унижительной вежливости, от психологии диаспоры, опирается на стратегию прямоты и солидарности. Если бы Лиора не задавала всех этих вопросов, то она бы, по ее собственному признанию, так бы ничего об Ане не узнала и чувствовала бы себя неуютно. В России человек, наоборот, считывает информацию о собеседнике по одежде, по манере держаться, по манере говорить, т. е. русская традиция в этом отношении более косвенна.

Что же стоит за вопросами Лиоры? Вопрос «Откуда ты?» естественен по отношению к иностранцу; гораздо интереснее понять, что стоит за вопросом бл. Он выполняет функцию «сужения места», поиска общих знакомых. При знакомстве израильтянин этот вопрос имеет вид: «Где ты служил/а, когда ты был/а в армии?» или «В какой школе ты учился/ась?». Русские спрашивают друг друга: «Где ты

¹ Соответствует 4—5 году обучения в российском вузе.

учился/ась? Когда? На каком курсе?». После этого происходит выяснение общих знакомых, но в описанном выше случае вопрос не достигает своей цели. Название русского города обычно ничего не говорит израильянину, поэтому после слов Ани: «Из Ленинграда» «сужения места» не происходит.

8л — это уточняющий вопрос, естественный при разговоре с иностранцем. Лиора задает его, чтобы определить, насколько совпадает их культурный фон, насколько Аня успела погрузиться в местную жизнь. Аню этот вопрос раздражает: во-первых, потому, что она слышит его в тысячный раз, а во-вторых, сама попытка определить уровень ее компетентности в израильской жизни, вписать в какие-то рамки для нее оскорбительна.

Реплика 10л не вызывает у Ани никакой реакции. Она привыкла слышать подобные комплименты еще с тех пор, когда только начинала учить иврит, в Израиле это привычная вежливая формула в разговоре с иностранцем, изучающим иврит.

Образ Ани не совпадает в понимании Лиоры с образом студентки второй степени. Аня в ее глазах слишком молоденькая. Поэтому Лиора спрашивает, сколько той лет (14л).

И в израильской, и в русской еврейской среде в России существует «культура достижений»: соответствие между возрастом человека и тем, что он успел достичь. Во столько-то лет человек демобилизуется, заканчивает институт, женится, заводит ребенка и т. д. По возрасту человека можно определить, какие достижения он уже совершил и на каком этапе жизни сейчас находится. Израильская шкала отличается от русской. Двадцать два года в Израиле — это возраст поступления в вуз или учебы на первой, а никак не на второй степени (см. прим. 1). Поэтому Лиора выражает недоумение (16л), а Аня отвечает смазанно (17а): она не знает, что стоит за этим вопросом, чего от нее ждут.

Вопрос «А сколько тебе лет?» неприемлем в русской культуре. Да и в случае знакомства двух израильян задается косвенный вопрос: «Когда ты демобилизовался/ась?». Но Ане, понятно, такого вопроса не задать.

Вопрос Лиоры 18л до недавнего времени (до заимствования из английского языка слова *boy-friend*) невозможно было перевести на русский язык, а тем более задать, даже близкой подруге; в понимании Ани это грубое нарушение дистанции между людьми. Поэтому она отвечает отрицательно. Но ее ответ не имеет никакого отношения к действительности, он выражает нежелание Ани говорить на такую тему. В глазах Лиоры этот вопрос свидетельствует об интересе спрашивающего к собеседнику, о хорошем отношении к нему. Если ей не задают такой вопрос при знакомстве, то она может обидеться на невнимание собеседника.

Уточняющий вопрос Лиоры 22л демонстрирует ее готовность посочувствовать и пожалеть Аню, которая и не подозревает о том, что достойна жалости. Причина этого непонимания — в различном восприятии человека в двух культурах. Для израильянина человек — это часть целого: общины, семьи, в то время как русский воспринимает себя как отдельного индивидуума. Если для человека из России *alia*, эмиграция в одиночку — нормальное явление, то для израильянина отрыв от семьи — это трагедия.

То, что Лиора и дальше пытается развивать тему семьи, раздражает Аню: чужой человек не смеет вторгаться на ее личную территорию. Аня дает краткие формальные ответы, ее цель — отделаться от навязчивого собеседника. У Лиоры это вызывает недоумение, но последняя ее реплика нейтрально доброжелательна.

Знакомство, как правило, служит людям для того, чтобы отыскать точки соприкосновения, заложить основу будущего общения. В данном же случае этого не происходит: из-за разных понятий о дистанции между людьми, из-за несопадений в представлениях о прямоте и косвенности контакт не налаживается. Большое значение имеет общее построение диалога как беседы с иностранцем: он вызывает у Ани протест и непонимание, ей как бы отказывают в праве быть «своей», говорить на равных. Когда Аня и Лиора встретятся в следующий раз, им снова придется начинать сближение почти с нуля.

Вторая ситуация касается отношений между ламами; действие происходит в университете.

Весь курс обсуждает тему проекта по опросу общественного мнения, проекта, общего для всех студентов. Они будут работать, разбившись на пары. После долгой дискуссии принимается предложение студента Хаима. Студентке Мирьям российского происхождения с самого начала не нравится его тема, и поэтому она решает высказаться еще раз и изменить решение курса:

1м — И все-таки я не думаю, что это действительно интересно. Кроме того, я не совсем понимаю, как именно должен планироваться такой опрос и в какой форме он должен быть проведен, и вообще... Да и сама тема, знаете...

2х (Поворачиваясь к Мирьям) — А у тебя есть *ben-zug*²?

3м (Напряженно) — Какое это имеет значение?

4х — Ну, мы могли бы делать проект вместе...

5м (С облегчением) — Ах да, в этом смысле... Да, конечно.

В этом случае непонимание разрешается само собой, не препятствуя дальнейшему общению, однако интересно проследить, почему оно возникает.

Реплика 1м, 2х каждый из собеседников приписывает разный смысл. Мирьям имеет в виду: «Эта тема плохая, давайте возьмем другую». Так как для Мирьям невозможно сказать это прямо, то она, следуя стратегии косвенности, смягчает, сглаживает свое высказывание («я думаю», «я не совсем понимаю», «и вообще»).

Хаим полагает, что сомнение, высказываемое Мирьям, относится не к самой теме (так как в этом случае она, по его мнению, заявила бы об этом прямо), а к возможности выполнить проект. Смысл реплики для него в словах «я не совсем понимаю»; он не замечает существующей импликации. Хаим задает вопрос 2х с намерением предложить Мирьям сотрудничество и свою помощь в выполнении проекта.

Мирьям, привыкшая слышать ивритское слово *ben-zug* в его основном значении ('сексуальный партнер; супруг'), упускает из виду контекст высказывания и понимает 2х как неуместный и слишком прямой вопрос. Неправильно поняв Хаима, Мирьям приходит в бешенство, она чувствует себя уязвленной, ей кажется, что ее принимают за 'русскую проститутку'. В то же время она допускает, что Хаим спрашивает ее для примера, чтобы продемонстрировать ей и другим студентам, как проводить опрос. Поэтому она задает уточняющий вопрос 3м напряженным голосом, готовясь постоять за себя.

Та легкость, с которой Мирьям превратно толкует 2х, объясняется тем, что она следует отрицательной гипотезе: Хаим всегда казался ей несимпатичным, и поглядывал он на нее как-то не так... Еще не зная точно, что имеет в виду Хаим, она приписывает его реплике 2х обидный для себя смысл.

Реплика 4х все объясняет: Хаим не имел в виду ничего плохого, он только хотел предложить Мирьям вместе заниматься научной работой. Но несмотря на то, что непонимание исчерпано, Мирьям все-таки отказывается потом сотрудничать с Хаимом.

Третья ситуация: в маленькой студенческой квартире в общежитии живут 4 соседки. Одна из них — Инна, студентка из России, другая — Вэрэд, израильянка. Когда Вэрэд включает музыку слишком громко или оставляет невытую посуду, то Инна стучится к ней в комнату и излагает свою просьбу в конвенциально-вежливой форме: «Извини, не могла бы ты сделать музыку потише/вымыть посуду?». Вэрэд обычно со слегка недовольным видом выполняет просьбу, сама же, в свою очередь, не делает замечаний, из чего Инна заключает, что той ничего не мешает. Но однажды, когда Инна в очередной раз просит уменьшить звук, Вэрэд вдруг взрывается: «Да кто ты мне такая, чтобы все время диктовать, что мне делать? Что ты мне, мать, что ли? У тебя у самой вечно то будильник звонит, то по ночам мужики какие-то ржут! И вообще, иди-ка ты отсюда!».

² *ben-zug* (иврит) — 1) 'сексуальный партнер; супруг'; 2) здесь: 'деловой партнер'.

Инна шокирована и удивлена, она вяло отвечает: «Что ж ты раньше молчала, если тебе так все это мешает...» — и уходит.

Вэрэд и Инна исходят из разных понятий об отношениях между людьми. Для Инны, основывающейся на стратегии уважения, все, живущие в квартире, имеют одинаковый социальный статус — «соседки» и поэтому должны соблюдать правила общежития. Если что-нибудь мешает, то позволено и даже нужно сказать об этом, разумеется, вежливо.

Для Вэрэд, основывающейся на стратегии солидарности, соседки прежде всего — личности, отношения между ними ничем не регламентированы, они складываются в процессе общения.

Между Вэрэд и Инной нет близости или просто приятельских отношений («Да кто ты мне такая?»). Поэтому у Инны в глазах Вэрэд нет права делать ей замечания. Если бы они были приятельницами и Инна, зайдя к Вэрэд, болтая о том о сем, заметила бы, что музыку можно слушать и потише, то, скорее всего, все бы обошлось. Для Вэрэд неприемлемо то, что к ней обращаются, как к «соседке», игнорируя ее личность. Формальная вежливость просьбы не только нарушает правила солидарности, но и не оставляет для Вэрэд выхода из ситуации (в случае дружеской просьбы она могла бы отшутиться и не выполнить ее или, наоборот, выполнить, но как бы по собственному желанию).

Инне же совершенно непонятно, почему Вэрэд никогда не говорила, что ей что-то мешает, а потом, накопив недовольство, обошлась с нею так грубо. Этот случай приводит к дальнейшему ухудшению, а затем и полному разрыву отношений между Инной и Вэрэд.

Выводы, сделанные на основе анализа нескольких случаев непонимания, не подтверждены статистически; они могут быть восприняты только как гипотезы.

Непонимание часто объясняется различиями в правилах применения речевых стратегий и, соответственно, в их понимании и оценке в русской и израильской культурах. Важно, что эти правила в большинстве случаев не вербализованы: они самоочевидны для носителя культуры и не ставятся им под сомнение.

Носители русской культуры при общении с новым человеком придерживаются, основываясь на отрицательной гипотезе, стратегии уважения и косвенности и только по мере сокращения дистанции переходят к стратегии солидарности и прямоты.

Для израильтян, следующих идеалу *dugrijut*, как кажется, дистанция не имеет значения, и поэтому они с самого начала общения действуют по правилам солидарности и прямоты. Это речевое поведение соответствует имиджу *sabra*, т. е. истинного израильтянина, коренного жителя, именно таким важно быть по отношению к вновьприбывшему, к чужому. Русская норма рассматривает такое поведение как выражение снисходительного презрительного отношения к собеседнику.

Израильская норма *dugrijut* — это, в сущности, миф, она реализуется в явной форме при несимметричном общении (израильтянин — не израильтянин); при симметричном общении (израильтянин — израильтянин) существуют свои уровни косвенности, свое понятие о дистанции между людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Blum-Kulka S. & House J.* Cross-cultural and Situational Variation in Requesting Behavior/Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Oxford, 1989.
2. *Turner V.* The Ritual Process. New York, 1969.
3. *Katriel T.* Talking Straight: Dugri Speech in Israeli Sabra Culture. Cambridge, 1986.
4. *Gumpers J.* Discourse Strategies. Cambridge, 1986.
5. *Blum-Kulka S., Danet B. & Gerson R.* The Language of Requesting in Israel//Language and Social Situation. New York, 1985.
6. *Weizman E. & Blum-Kulka S.* Ordinary Misunderstanding/Current Advances in Semantic Theory. Chicago, 1992.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ РУССКОМУ ДОМУ В БЕЛГРАДЕ

Исполнилось 60 лет со дня открытия Русского дома в Белграде — крупнейшего очага российской культуры в зарубежье. С историей Русского дома связана духовная жизнь не только многочисленной русской эмиграции, но и самих югославов.

Идея создания единого культурного центра россиян в Белграде родилась в конце 20-х годов и встретила живой отклик и широкую поддержку как в эмигрантской среде, так и в различных кругах югославского общества. Ее реализации деятельно способствовали король Александр I Карагеоргиевич, сербский патриарх Варнава, председатель Комитета по делам русской культуры академик Александр Белич, многие сербские и русские благотворительные организации и частные лица.

9 апреля 1933 г. состоялась церемония торжественного открытия Русского дома имени императора Николая II. В комфортабельном просторном здании, возведенном по проекту русского архитектора В. Ф. Баумгартена, разместился ряд учреждений и организаций: Русский научный институт, Русская публичная библиотека, Музей русской кавалерии, мужская и женская русско-сербские гимназии, Русское музыкальное общество, Союз русских художников, Государственная комиссия по делам русских беженцев. Концертно-театральный зал, читальни, выставочные салоны, гимнастический зал, в воскресные дни преобразившийся в домовую церковь, — все это обеспечивало хорошие возможности для духовного и физического совершенствования русской молодежи, всех обосновавшихся в Югославии россиян.

По окончании второй мировой войны правительство новой Югославии передало здание Русского дома во владение СССР, и в нем разместился Дом советской культуры (ДСК), который, как справедливо заметил увлеченный исследователь русской эмиграции житель г. Нови-Сад А. Б. Арсеньев, в дальнейшем «разделил судьбу сложных советско-югославских государственных и партийных отношений». Однако и при чередовании периодов охлаждения и оттепелей в межгосударственных отношениях и несмотря на соответствовавшую духу времени пропагандистскую направленность его деятельности, Дом немало сделал для взаимознакомления и культурного сближения братских народов. Насчитывающая свыше 70 тыс. книг и 100 наименований периодических изданий библиотека (утратившая, к сожалению, почти все довоенные фонды), тематические литературные и музыкальные вечера, кинофестивали, художественные и научно-технические вы-

ставки, выступления советских мастеров искусств и самодеятельных артистов на сцене Дома плодотворно влияли на развитие отношений между нашими странами, обогащали культурную жизнь Белграда.

Распад СССР, сложности внутренней жизни в России не могли не сказаться в работе бывшего ДСК. На некоторое время само существование Дома оказалось под угрозой. Возникла опасность передачи здания под посольство одной из стран СНГ. Обеспокоенные судьбой Русского дома, многие люди в России и Югославии стали прилагать усилия для сохранения очага русской культуры. Дом был спасен и, несмотря на все материальные и организационные трудности, продолжил, хотя и в ограниченном объеме, свою работу в качестве Российского культурно-информационного центра, одного из заграничных учреждений Российского агентства международного сотрудничества и развития.

В 1992 г. Ассоциация друзей Югославии по инициативе ее президента В. П. Гудкова выступила с предложением отметить 60-летие существования и деятельности Русского дома в Белграде. Призыв был с одобрением воспринят руководством Общества сербско-русской дружбы, поддержан министерствами культуры и информации Югославии и Сербии, рядом учреждений науки и культуры, в частности Белградским университетом. Для материально-финансового обеспечения намеченных мероприятий были привлечены около двадцати предприятий, фирм и организаций, сотрудничающих с российскими партнерами.

Для подготовки и проведения юбилейных торжеств были сформированы Почетный и Организационный комитеты, в которые вошли видные деятели сербской науки и культуры, а также Томислав Карагеоргиевич, сын короля Александра, настоятель подворья русской православной церкви в Белграде о. Василий (Тарасьев), представители трех поколений русской эмиграции. Почетный комитет возглавил академик Павле Ивич, а организационный — известный исследователь русского культурного наследия в Сербии проф. Остоя Джурич.

Устроители торжеств, готовя юбилейную программу, имели в виду две благородные цели: достойно отметить огромный вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры, во-первых, и способствовать возрождению деятельности Русского дома в новых условиях, во-вторых.

Проведившиеся в рамках юбилея Русского дома многочисленные мероприятия, несмотря на все трудности, обусловленные экономической и культурной блокадой Югославии, отличались богатством содержания и высоким организационным уровнем. Все программы успешно обеспечивались местными ресурсами, поскольку из России не прибыл ни один человек из тридцати приглашенных. Это было тем более огорчительно, что неучастие гостей из России в празднике русской культуры в Сербии было в большинстве случаев обусловлено не политическими мотивами, но кампанией переоформления и замены заграничных паспортов, развернувшейся как раз накануне юбилея Русского дома.

Разноплановые мероприятия в ознаменование 60-летия Дома продолжались в течение почти всего апреля 1993 г. 5 апреля в Национальном музее Сербии состоялся концерт русской духовной музыки «Хвалите Господа с небес», в котором Белградский камерный хор под управлением М. Вулетича исполнил сочинения П. И. Чайковского, М. Е. Ковалевского, П. Г. Чайковского, отца и сына Кедровых. 8 апреля в Музее югославской кинотеки был проведен вечер «Русские мастера в предвоенной кинематографии Югославии», в программе которого, подготовленной С. Иовичичем, были показаны зрителям популярные в свое время художественные кинофильмы в постановках режиссеров А. Черепова и А. Верещагина, а также документальные ленты, снятые кинооператором М. Иванниковым.

Городская библиотека Белграда представила 20 апреля посетителям уникальную выставку «Русские преподаватели в высших и средних учебных заведениях Сербии в 1920—1941 гг.», на которой была впервые широкомасштабно отражена деятельность русских работников просвещения и науки в Королевстве Югославия. Подготовкой этой выставки, более чем сто экспонатов которой освещали работу около 600 представителей российской интеллигенции, мы обязаны сотрудникам

Архива Сербии Й. Пейину, В. Милосавлевичу, историку М. Йовановичу, директору городской библиотеки С. Бабичу. Открыл экспозицию заместитель председателя правительства Сербии Данило Маркович.

Любители изобразительного искусства получили возможность наслаждаться выставкой «Русские художники в Сербии», развернутой в Национальном музее. На ней экспонировалось 48 работ двадцати пяти художников из фондов государственных галерей и частных коллекций, в том числе полотна кисти И. Репина, К. Коровина, А. Бенуа, Н. Рериха, Ф. Малявина, М. Добужинского, а также мастеров живописи, обосновавшихся в Югославии после российской революции: А. Ганзена, С. Колесникова, А. Лажечникова, В. Жедринского, Г. Самойлова и др. Выставку и каталог подготовили И. Суботич, Е. Межинская и Г. Станишич-Ристович при участии директора музея Е. Евтовича.

Национальный театр предоставил свои помещения для открывшейся 22 апреля выставки «Балет Нины Кирсановой», экспозиция которой была в основном составлена сотрудницей Театрального музея Сербии К. Маркович, много лет посвятившей изучению творчества знаменитой балерины и педагога. В церемонии открытия выставки участвовали современница Н. Кирсановой балерина Т. Полонская и прима-балерина Национального театра С. Вукичевич.

Значительное место заняла в юбилейной программе выставка «Из культурного наследия русской эмиграции в Сербии», которую 23 апреля открыл в Национальной библиотеке министр культуры Сербии Дж. Стоичич. На ней были широко представлены публикации и документы, дающие возможность многогранного изучения российского зарубежья, — труды ученых, произведения литераторов, статьи публицистов. Экспозицию подготовили О. Джурич и А. Арсеньев, а также сотрудница библиотеки О. Стеванович.

В Белградском университете с 27 по 29 апреля проходил организованный кафедрой славистики филологического факультета и Обществом славистов Сербии научный симпозиум «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века». Организационный комитет возглавлял проф. М. Сибинович. Информация о симпозиуме содержится в публикуемом в этом номере обзоре М. Сибинович.

Своего рода кульминацией юбилея Русского дома в Белграде стал проведенный в его стенах 27 апреля торжественный вечер, сценарий которого был разработан хореографом Национального театра Е. Шантич и директором Югославского драматического театра Й. Чириловым. Вечер был предварен церемонией повторного освящения Дома при чинодействии о. Василия (Тарасьева), который принес в дар Дому икону св. Николая Чудотворца.

Главными темами вечера были история Русского дома и жизнь и деятельность российской эмиграции в Сербии. С признательностью и благодарностью назывались имена многих россиян. Приветственную речь произнес академик П. Ивич, было оглашено послание принца Томислава. Участники вечера осматривали подготовленную секретарем оргкомитета Е. Бондаревой выставку «Русский Белград», а также экспозицию художественной фотографии «Россия». Демонстрировался документальный кинофильм о Белграде 20-х годов, звучали церковные песнопения, исполнялись произведения русских композиторов, балетные номера, стихи русских поэтов белградского круга.

В рамках юбилейных торжеств в Доме также состоялись два театральных представления: инсценировка романа Достоевского «Подросток» в постановке директора Национального театра А. Берчека и в исполнении профессиональных актеров и спектакль «Картинки из московской жизни» по «Женитьбе Бальзамина» А. Островского, исполненный студенческой театральной студией филологического факультета под руководством преподавателя МГУ М. А. Штудинера. С успехом прошел вечер классической музыки с участием питомцев музыкальных школ Белграда.

Югославские средства массовой информации уделили юбилею Русского дома и теме русской эмиграции пристальное внимание. Появилось более тридцати публикаций в прессе, ряд передач на радио и телевидении. Идет работа над шестисерийным телефильмом о судьбах русской эмиграции.

© 1994 г. ИГУМЕН ИННОКЕНТИЙ (ПАВЛОВ С. Н.)

РУССКИЙ ХРАМ В СОФИИ¹

Дореволюционный период российской истории среди своих культурных феноменов оставил один, на который до сих пор историки культуры мало обращали внимания. Речь идет о русском храмостроительстве вне русских исторических рубежей. Когда мы говорим о той памяти, которую оставили наши предки в разных уголках земли от Хельсинки до Буэнос-Айреса и от Лондона до Токио, то не лишне вспомнить о русских храмах, десятками разбросанных в Европе, Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке, свидетельствующих о вере и чувстве красоты их создателей. Хотя первые русские православные храмы стали сооружаться на завоеванных Россией территориях еще при Петре I, а в составе российских дипломатических миссий, отправлявшихся в XVIII столетии за границу обычно имелись священнослужители, удовлетворявшие духовные нужды их членов, в основном сооружение русских храмов вне русских исторических рубежей приходится на вторую половину прошлого и начало нынешнего столетия.

В этом году можно назвать величественные соборы в Хельсинки и Таллинне, напоминающие о российском имперском периоде в истории Финляндии и балтийских стран. Могут быть также названы православные храмы Америки и Японии, где Русская Церковь развернула в прошлом веке свою миссию. Особо следует выделить здесь русские церковные сооружения в Иерусалиме, являющиеся своеобразными символами русской молитвы в Святой Земле. Далее следует упомянуть о храмах, сооруженных в память русских воинов, на местах их боевых подвигов, каковыми являются русские церкви на Шипке и в Лейпциге. В этот период храмы сооружались при российских посольствах, а также в курортных городах Европы, где проводили время представители состоятельных сословий России. Выходя замуж за членов европейских царствующих домов, российские великие княжны сохраняли свою православную веру, следствием чего также порой являлось сооружение храма, который впоследствии становился усыпальницей царственной особы из российского императорского дома. Примером этого может служить русский храм во имя св. Марии Магдалины в Веймаре, построенный в 1862 г. в качестве усыпальницы великой княжны Марии Павловны (дочери Павла I), бывшей супругой великого герцога Саксонского Карла-Фридриха.

Игумен Иннокентий (Павлов Сергей Николаевич) — канд. богословия, консультант Отдела внешних церковных сношений Московского Патриарха.

¹ Настоящий очерк подготовлен на основании материалов архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриарха (Д. 15; Д. 176), а также личных впечатлений автора от неоднократных посещений русской церкви св. Николая в Софии.

Рис. 1 — Русская церковь св. Николая в Софии.
Вид со стороны Русского бульвара

Хотя исторические потрясения, постигшие Россию в нашем веке и приведшие к двум мощным волнам русской эмиграции, способствовали тому, что русские беженцы создали в разных уголках земли еще многие десятки православных храмов, все они за малым исключением уже не отличались ни богатством убранства, ни совершенством архитектурных решений, требовавших больших материальных затрат, на которые до революции не скупилось ни российское правительство, ни отечественные меценаты.

Храм русского зарубежья, о котором ниже пойдет речь, интересен по ряду причин. Прежде всего, он довольно типично представляет тот архитектурный и художественный стиль, в котором выполнено большинство русских церковных сооружений за рубежом. Но, пожалуй, что еще знаменательней, он оказался живым символом неразрывной духовной связи православных славянских народов России и Болгарии, которая выдержала серьезные исторические испытания нашего столетия.

Речь идет о русском храме, во имя святителя Николая Чудотворца в Софии (рис. 1).

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о том, почему этот храм посвящен этому издревле почитаемому на Руси греческому святому. Дело в том, что русские посольские храмы, а церковь святителя Николая строилась именно как храм Российской дипломатической миссии в Болгарии, при своей закладке посвящались, как правило, небесному покровителю царствовавшего тогда русского государя. Не случайно поэтому посольские храмы в Копенгагене и

Рис. 2 — Русская церковь св. Николая в Софии.

Вид с восточной стороны

Париже посвящены благоверному князю Александру Невскому, покровителю императора Александра II, в царствование которого произошла их закладка. В свою очередь посольские церкви в таких столицах как Вена, Бухарест и, наконец, София, были освящены в честь небесного покровителя последнего российского императора.

Храм святителя Николая находится в самом центре болгарской столицы рядом с бывшим царским дворцом. Он был сооружен на территории Российского императорского посольства, от здания которого к нему вела красивая двухсотметровая аллея. При этом главный (южный) вход в храм выходит на улицу, получившую название Русский бульвар. Это центральная улица Софии, переходящая затем в Царьградское шоссе.

Храм был заложен 2 (15) сентября 1907 г. Это событие совпало с открытием в Софии памятника Российскому императору Александру II, которого в Болгарии почитают как «Царя-Освободителя». На торжества прибыл великий князь Владимир Александрович (сын Александра II) и большая депутация от полков, участвовавших в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии. В церемонии открытия памятника и закладки посольского храма участвовал болгарский князь Фердинанд I и высшие сановники страны. Чин освящения возглавлял митрополит Софийский Парфений.

Проект храма был выполнен академиком архитектуры профессором М. Т. Преображенским. Это был опытный храмостроитель, по проектам которого был сооружен Александро-Невский собор в Ревеле (Таллинне), русская церковь во

Флоренции и ряд храмов в России. Он был замечательным мастером «русского стиля» в церковной архитектуре, который в проекте Свято-Николаевского храма в Софии был доведен им до подлинного совершенства.

Храм невелик по размерам, как и большинство других русских посольских церквей, рассчитанных лишь на небольшой состав молящихся из числа сотрудников российских дипломатических миссий и членов их семей. В его архитектурном решении ясно просматривается мастерская стилизация в духе московской церковной архитектуры XVII в., придающая храмовому сооружению своеобразный русский колорит.

В основу храма положен бесстолпный четверик. К нему примыкают четыре выступа: алтарная апсида в восточной части (см. рис. 2), апсида с возвышением для хора — в западной, и два нефа северный и южный, к которым примыкают два входа — со стороны бывшего посольского сада и со стороны Русского бульвара. Каждый из этих входов расположен под высокой двускатной кровлей и по своему архитектурному решению они напоминают древнерусские терема. С крыльца южного входа в храм ведет лестница. Также имеется лестница и перед крыльцом. Кроме того, перед южным входом был сооружен полуovalный подъезд для экипажей. Площадка перед южным порталом ограждена изящной ковanej решеткой, широко распахивающейся, когда ее открывают. Фронтон южного и северного крыльца украшены майоликовыми образами — соответственно святителя Николая Мирликийского и благоверного князя Александра Невского, помещенными на фоне разноцветного травчатого узора. Над северным входом также была сооружена небольшая звонница с шестью колоколами. Кровля южного и северного крылец покрыта зеленой поливной черепицей.

Храм пятиглавый. Над его основным корпусом возвышается центральная глава, состоящая из светового барабана, граненого шатра и шейки, имеющей вызолоченное полусферическое завершение с русским восьмиконечным крестом. Высота от основания храма до креста на центральной башне — 35 м. Стоящий на возвышении храм оказывается хорошо виден со всех сторон. Вокруг центральной главы крест накрест расположены четыре декоративные главки, также имеющие вызолоченные луковичные завершения с восьмиконечными крестами. Они как бы венчают собой соответствующие верхние углы четверика, при этом все пятиглавие возникает из венца полуциркульных кокошников с многоцветными глазурными вставками. Опясавающий верхнюю часть четверика широкий фриз составлен из муравленых изразцов с рельефным орнаментом.

Храм сооружался четыре года под руководством архитектора А. Н. Смирнова, одновременно наблюдавшего за строительными работами, связанными с сооружением храма-памятника св. Александра Невского.

Затем в течение более двух лет (1911—1914) были произведены внутренняя отделка и роспись храма, которая осуществлялась под руководством профессора В. Т. Перминова, группой русских художников, одновременно участвовавших в росписи колокольни храма св. Александра Невского.

О художественном убранстве храма св. Николая следует сказать особо, поскольку оно представляет собой великолепный образец русской иконописи эпохи модерна. Эта роспись весьма выразительна. В ней ясно проглядывается стремление художников представить перед человеческим взором мистические видения горнего мира. Это особенно ярко видно в находящемся в алтаре за престольным образом Богоматери с Младенцем в окружении Небесных Сил. Эту композицию венчает изображение на полусферическом своде Бога Отца в виде Старца «ветхого денми» с исходящим от Него «в виде голубине» Святым Духом.

На южной стене храма находится многофигурная композиция Голгофы с изображением распятого Христа и предстоящими у Креста. Мистическую значимость искупительного подвига Спасителя подчеркивает подпись под композицией, выполненная славянской вязью и взятое из литургического песнопения Великой Субботы: «Да молчит всяка плоть человека». В свою очередь на северной стене находится композиция Деисуса, на которой изображен Христос — Великий Ар-

хиерей, которому предстоит в молении Божия Матерь в царском одеянии и св. Иоанн Предтеча с расположенным внизу сонмом святых, олицетворяющим Торжествующую Небесную Церковь. Также представляет интерес роспись на своде западного выступа, на которой изображен Господь Иисус Христос «во славе» над сонмом русских святых.

Иконостас храма одноярусный, на нем находятся мастерски выполненные копии с икон Спасителя, Божией Матери и св. Александра Невского работы В. М. Васнецова и копия с иконы св. Николая работы М. В. Нестерова. Оригиналы данных икон были выполнены для Владимирского собора в Киеве.

Чин освящения храма состоялся 11 (24) сентября 1914 г. Его совершил митрополит Доростоло-Червенский Василий, замещавший тяжело болевшего Экзарха Болгарского Иосифа I. Ему сослужили протосингел (главный секретарь) Экзарха архимандрит Стефан (впоследствии митрополит Софийский, в 1945—1948 гг. Экзарх Болгарский), настоятель храма архимандрит Николай, а также русский иеромонах Ювеналий и болгарский иеромонах Харитон. Народу на освящении собралось много, что было знаменательно, поскольку уже шла первая мировая война, в которую, как уже было очевидно, Болгария будет втянута на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции. Таким образом, болгарская церковная общественность продемонстрировала свою верность духовным узам с единой Россией. В октябре 1915 г. Болгария оказалась в состоянии войны со странами Антанты, включая Россию. Российская дипломатическая миссия вместе с русским духовенством были эвакуированы из Софии и богослужение в храме временно прекратилось.

Новая страница в истории русской Свято-Николаевской церкви в Софии открылась в конце 1920 г., когда Болгария стала одной из стран, куда устремились беженцы из взятого большевиками Крыма, а также остатки Добровольческой армии. Таким образом, русская колония в Болгарии оказалась довольно значительной. Многие русские стали тогда жить в Софии. Это прежде всего касалось различных специалистов — профессоров, ученых, профессиональных военных, инженеров, получавших приглашения на работу в учебные заведения и болгарские правительственные учреждения.

Духовное окормление русских беженцев возглавил епископ бывший Лубенский Серафим (Соболев), носивший затем титул Богучарского (с 1934 г. архиепископ), получивший назначение на управление русскими церковными общинами в Болгарии от управлявшего русскими православными церквями в Западной Европе митрополита Евлогия, но затем признавший над собой власть учинившего разделение в Русской Церкви Зарубежного Архиерейского Синода, находившегося в Сремских Карловцах в Югославии.

В предвоенный период епископ Серафим использовал храм св. Николая в качестве своего кафедрального вплоть до 1934 г., когда Болгарией были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. При этом Советскому полпредству в Софии болгарским правительством было передано имущество бывшего российского императорского посольства, включая и посольскую церковь. Понятно, что советский полпред Ф. Ф. Раскольников не мог допустить существования там «бело-эмигрантской» общины, поэтому было принято достаточно дипломатичное решение о передаче храма в ведение Болгарской Православной Церкви. Таким образом, русская церковная община, образовавшаяся вокруг Свято-Николаевского храма, вынуждена была его покинуть, найдя приют в храме также посвященного святителю Николаю на улице царя Калояна рядом с Софийской митрополией в центре города.

Во время второй мировой войны Болгария оказалась союзницей фашистской Германии. И хотя ей практически отводилась лишь роль сырьевого придатка третьего рейха, она была подвергнута бомбардировкам со стороны англо-американских союзников в 1943—1944 гг. Так в результате одного из воздушных налетов на Софию весной 1944 г. сгорел храм на улице царя Калояна, использовавшийся русской общиной, что же касается церкви св. Николая на Русском

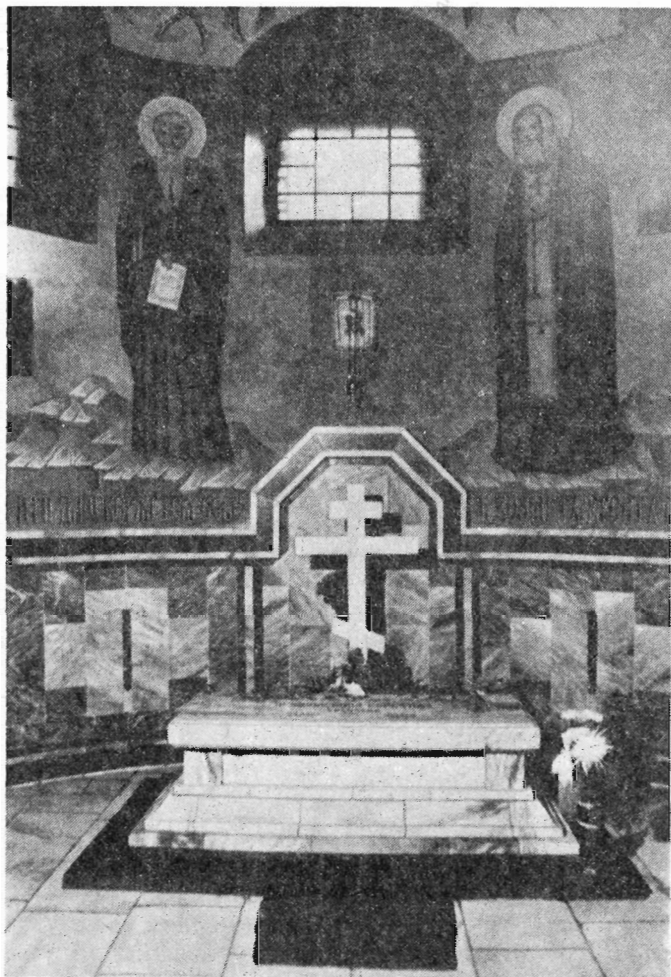

Рис. 3 — Крипта русской церкви св. Николая в Софии
и могила архиепископа Серафима

бульваре, то у него тогда рухнула кровля южного крыла. При этом оказалась уничтоженной и находившаяся там роспись.

Новый период в истории храма связан с вводом советских войск в Болгарию в сентябре 1944 г. и последующим господством коммунистов в этой стране, архиепископ Серафим прервал тогда свои отношения с зарубежным Синодом, находившимся в это время в Карлсбаде (Карловых Варах) и воссоединился с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (с января 1945 г.— Патриархом Московским и всея Руси). Московская Патриархия подтвердила его полномочия по управлению русскими церковными общинами в Болгарии, с чем выразило согласие и руководство Болгарской Православной Церкви.

В 1946 г. Болгарию впервые посетил патриарх Алексий I, что вызвало большой энтузиазм у церковной части русских эмигрантов. Впоследствии он еще дважды бывал в Софии в 1951 и 1962 гг., каждый раз неизменно посещая русский храм и встречаясь с его прихожанами.

Архиепископ Серафим скончался 26 февраля 1950 г. и был погребен в крипте Свято-Николаевского храма. В Болгарии у него оставалась группа почитателей

как среди русских, так и среди болгар, видевших в нем духоносного старца и молитвенника. Следует сказать, что Преподобный Серафим также снискал себе известность литературной деятельностью, связанной с обличением новоявленных «ересей», которые он усматривал в учении о Софии — Премудрости Божией протоиерея Сергия Булгакова (ум. в 1944 г. в Париже) и в учении об искуплении возглавителя Карловацкого Синода митрополита Антония (Храповицкого), ум. в 1936 г. в Белграде). В 1948 г. он приехал в Москву для участия в так называемом совещании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей, где выступил с докладом, направленным против экуменического движения и новообразованного Всемирного Совета Церквей. Крипта, где погребен архиепископ Серафим, до сих пор остается местом поклонения со стороны его почитателей. В 50-е годы она была украшена двумя замечательными росписями с изображениями преп. Иоанна Рыльского и преп. Серафима Саровского работы известного художника русского зарубежья Н. Е. Ростовцева (рис. 3).

В 1944—1946 гг. в храме св. Николая были проведены ремонтно-восстановительные работы. При этом поврежденная живопись южного нефа была восстановлена художником М. М. Малецким.

В свою очередь в 50-е годы Н. Е. Ростовцевым была заново написана композиция Воскресения Христова, находящаяся в северном нефе. Тогда же им были выполнены две большие станковые иконы — святителя Николая и преподобного Иоанна Рыльского, находящиеся в южном нефе храма.

После кончины архиепископа Серафима управление русскими церковными общинами в Болгарии было возложено на архимандрита Пантелеимона (Старицкого), возглавлявшего их в качестве благочинного. В мае 1952 г. после его ухода по болезни на покой благочиние Русской Православной Церкви в Болгарии возглавил прибывший из СССР протоиерей Сергей Казанский. Однако своим определением от 8 ноября 1952 г. Священный Синод Русской Православной Церкви передал семь русских церковных общин в Болгарии (включая храм-памятник на Шипке) и два монастыря под каноническую юрисдикцию Болгарской Православной Церкви. Таким образом, русское благочиние было упразднено. В свою очередь русская церковь св. Николая в Софии стала с 1953 г. храмом подворья Московского Патриархата. После отъезда протоиерея С. Казанского в 1953 г. должность настоятеля храма-подворья исполнял болгарский архимандрит Сергей (Язаджиев), состоявший также доцентом Софийской духовной академии им. св. Климента Охридского. Затем, с 1957 г. настоятелем был назначен опять же болгарин — архимандрит Мефодий (Жерев), бывший до этого несколько лет настоятелем Болгарского церковного подворья в Москве. Оба этих болгарских священнослужителя, будучи большими знатоками традиций русской духовности, прекрасно владея русским языком, пользовались любовью как русских, так и болгарских прихожан храма св. Николая. С 1973 г. настоятели русского храма в Софии вновь стали командироваться из СССР Священным Синодом Русской Православной Церкви. В 1973—1975 гг. эту должность занимал клирик Владимирской епархии протоиерей Аркадий Тыщук. В 1975—1985 гг. настоятелем храма-подворья был клирик Виленско-Литовской епархии архимандрит Никита (Якеревич). А с 1985 г. по сей день свое послушание там несет клирик Симферопольско-Крымской епархии протоиерей Николай Дзичковский.

В 1970 г. на средства, выделенные Московской Патриархией, было осуществлено новое золочение куполов и карнизов храма. В 1975—1977 гг. благодаря заботам Священного Синода Болгарской Церкви была произведена расчистка и реставрация стенописей. И наконец, в 1988 г. была полностью отреставрирована крипта храма, где теперь, кроме усыпальницы архиепископа Серафима, расположены помещения для проведения приходских собраний, спевков хора и приема посетителей настоятелем.

Русская церковь св. Николая является одним из самых посещаемых православных храмов в болгарской столице, служа символом вековой духовной связи православных России и Болгарии.

ПЕРЕПИСКА Р. О. ЯКОБСОНА И П. Г. БОГАТЫРЕВА

Р. О. Якобсон (1896—1982) и П. Г. Богатырев (1893—1971) — две выдающиеся фигуры в русской и мировой славистической науке. И труды, и творческая судьба Якобсона [1; 2] и Богатырева [3; 4] неоднократно были предметом анализа. Столетней годовщине Богатырева посвящен первый номер нового журнала «Живая старина», в котором помещена специальная статья, характеризующая взаимоотношения двух ученых [5].

Предваряя нашу публикацию, нам хотелось бы остановиться лишь на отдельных событиях, связующих судьбы двух коллег-единомышленников и друзей. Ни тот, ни другой, как мы полагаем, не могли и предполагать, что их судьбы пытались соединить и еще одними узами. Советские органы госбезопасности, планомерно осуществлявшие кампанию репрессий научной интеллигенции, в 1933—1934 годах сфабриковали так называемое «дело славистов». В контрреволюционном заговоре были обвинены десятки ученых-филологов. ОГПУ объединило материалы следствия по делу под громким названием — «Контрреволюционная национал-фашистская организация „Российская национальная партия“» [6. Т. 1—38]. Важнейшим пунктом обвинения была «связь» с русской эмиграцией, поэтому на первом листе обширнейшего обвинительного заключения мы читаем: «Контрреволюционная организация „РНП“ была создана по прямым указаниям заграничного центра, возглавляемого князем Н. С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими. Оформление организации относится к первой половине 1930 г., после возвращения из-за границы и перевода в Москву профессора Дурново Николая Николаевича» [6. Т. 10. Л. 1]. Все обвинения, естественно, как было окончательно признано только через 30 лет, оказались плодом воображения следователей. Единственной организацией, объединявшей всех четырех названных ученых, был Пражский лингвистический кружок.

Якобсон и Трубецкий оставались недосягаемы для советской политической полиции, но судьба Богатырева висела на волоске. В начале 30-х годов он очень хотел вернуться на Родину, предполагая устроиться на работу в Институт славяноведения в Ленинграде. В письме Д. К. Зеленину от 15 ноября 1934 г. он сообщал: «В начале декабря я уже буду в Москве, а 15-го обязательно приеду на съезд фольклористов в Ленинграде» [7]. Но и съезд не состоялся, и Богатырев, к счастью для него, не вернулся. В настоящее время остается только догадываться, какие обстоятельства помешали, а точнее, спасли ученого от страшной участи, постигшей одного из его учителей, Н. Н. Дурново. Не исключено, что какая-то информация об арестах и приговорах все-таки успела дойти до Чехословакии и остановить последний

Робинсон Михаил Андреевич — канд. ист. наук, заведующий группой Института славяноведения и балканистики РАН.

Досталь Марина Юрьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

шаг Богатырева, ибо на основании приведенной цитаты достаточно очевидно, что вопрос с отъездом был уже решен, ведь речь шла о двух-трех неделях.

Надвигающаяся Вторая мировая война надолго разлучила ученых, и дальнейший творческий и жизненный путь друзей был очень различен. Р. О. Якобсон, обосновавшись в США, во всем блеске развернул свое дарование, став крупнейшим ученым-филологом Америки, приобрел мировую известность. П. Г. Богатырев, вернувшийся на Родину, пережил не одну полосу гонений, увольнений с работы, и страшный удар, связанный с арестом единственного сына, приговоренного к смертной казни, замененной затем 25-летним заключением. В результате кровоизлияния Богатырев ослеп на один глаз. Можно только порадоваться тому, что никто тогда не поднял материалы «дела славистов», грозившие ученому смертельной опасностью. Только политические изменения в Советском Союзе, начавшаяся хрущевская оттепель позволила старым друзьям увидеться. Этому поспособствовало и восстановление прерванной войной традиции проведения Международных съездов славистов. В мае 1956 г. Якобсон приехал на Родину на организационное заседание Международного комитета славистов, из лагеря вернулся реабилитированный сын Богатырева, с этого же года возобновляется переписка между учеными, уже не прерывавшаяся до кончины Богатырева.

Контакты между советскими и западными учеными восстанавливались непросто, железный занавес только еще немного приподнялся. Многие представители официальной науки и академической бюрократии старались свести эти контакты к минимуму. С IV Международным съездом славистов, проходившем в Москве в сентябре 1958 года, связан еще один малоизвестный эпизод из истории общения Богатырева и Якобсона, который излагается со слов А. Н. Робинсона, бывшего в те годы секретарем Международного и Советского комитетов славистов¹. Друзья Богатырева, приехавшие из разных стран, ждали с ним встречи на открытии съезда, но он не появился. «Что же произошло? После всего случившегося Петр Григорьевич мне рассказывал, — вспоминал А. Н. Робинсон, — как все это было. Директором Института мировой литературы, куда незадолго до этого приняли на работу Богатырева, в то время был И. И. Анисимов, человек грубый, нарочито державший себя по хамски, хотя по происхождению он был из дворян. Он вызвал Богатырева и спросил, известно ли тому, что предстоит съезд славистов. Петр Григорьевич ответил, что известно и что его доклад печатается. „Известно ли Вам, что очень возможен приезд Ваших прежних друзей, например, Романа Осиповича Якобсона“, — спросил Анисимов. Петр Григорьевич сказал: „Как хорошо, что он приедет“. Это был заранее подготовленный капкан. „Ах вот как, — произнес Анисимов, — Вы значит сочувствуете его шпионской деятельности?“. Якобсона советская пресса объявила тогда шпионом, который писал донесения чехословацкому правительству в Лондон в связи с вступлением германских войск в Чехословакию». А. Н. Робинсон вспоминал, что он сам читал в газете описание того, как Якобсон будто бы использовал для своих донесений невидимые симпатические чернила. «Никто, разумеется, не собирался доказывать того, писал он или не писал, это и не имело значения, но имело значение другое. И. И. Анисимов сказал: „Петр Григорьевич, Вы понимаете, что в сложившейся обстановке было бы совершенно неудобно и даже предосудительно, если бы Ваш друг Р. О. Якобсон и другие Ваши друзья вдруг встретились с Вами на этом съезде, поэтому я Вас отправляю в командировку в Ленинград. Делайте там, что хотите, а вот когда кончится съезд, Вы тогда и приедете“. Перед этим Анисимов еще спросил Богатырева: „Давно ли Вы знакомы с Якобсоном?“ Петр Григорьевич ответил, что давно, вспомнил начало 20-х годов, ОПОЯЗ, Прагу, Пражский лингвистический кружок, что там был еще князь Трубецкой. „Ах, там был еще и князь, — заметил Анисимов, — о чем же Вы думали Петр Григорьевич?“ Петр Гри-

¹ Магнитофонная запись воспоминаний А. Н. Робинсона, сделанная 1 мая 1993 г. хранится в личном архиве М. А. Робинсона. Текст воспроизводится в форме максимально приближенной к устному рассказу.

горьевич был расстроен крайне, чуть не со слезами он ушел домой, потому что, он мне потом говорил, что он уже около 20 лет не видел своих друзей и надеялся, что они встретятся». Богатырев уехал в Ленинград. «Когда все собрались в первый день съезда,— вспоминал А. Н. Робинсон,— все знакомились, встречались, стали спрашивать, где Богатырев. Спрашивали многие старые его приятели, ученики. Никто не знал, наконец сложилось мнение, что, по-видимому, он болен, ему кто-то стал звонить. Дома сказали, что он не болен. „А где же он?“ Там ответили: „Мы сейчас не можем сказать, где он“. Боялись сказать, что он уехал в Ленинград в командировку. Создалось уже совершенно ненормальное положение, чеки решили не вмешиваться. Якобсон сказал: „Я вообще фигура одиозная, „шпион“. Тогда В. Эджертон сказал: „А я пойду и сделаю заявление от имени американской делегации“. Я в то время как раз сидел у Виноградова в кабинете, потому что выполнял разные его поручения. Вошел Эджертон очень вежливый, строгий, как всегда точный и сказал: „Виктор Владимирович, сложилась крайне неприятная обстановка, когда делегаты, приехавшие из разных стран, хотели встретить выдающегося слависта, уважаемого нами человека, Петра Григорьевича Богатырева, но не могут обнаружить, где он находится. Есть основания думать, что он не находится у себя дома. И поэтому я от имени американской делегации должен Вам сказать, что может сложиться такое впечатление, что он уже арестован перед самым съездом, хотя его имя названо в программе и до этого он арестован не был“. Виноградов был крайне изумлен, он не думал о каком-то возможном конфликте, съезд хотели провести благожелательно, дружественно, а тут поднимался вопрос по очень щекотливому персональному делу, вмешались американцы, и вообще, бог знает, что может произойти. Он сказал: „Я прошу Вас не беспокоиться, завтра же утром все будет выяснено“. Виноградов мгновенно поехал в Отдел науки ЦК, заехав вначале к вице-президенту Академии Наук А. В. Топчиеву. Тот сказал ему: „Я все понял, но я не могу ничего сделать, потому что с меня спросят: „А кто отменил поездку [Богатырева]? Может быть это так уже запланировано кем-то, не только Анисимовым, но какими-то другими лицами“. Тогда Виноградов поехал в Отдел науки ЦК и сообщил, что назревает скандал, который грозит изменить атмосферу съезда. Там сказали: „Немедленно привезти! Не полагаясь на почту, послать человека в Ленинград немедленно, сегодня же, и чтобы завтра утром Богатырев был здесь“. Виноградов написал записку: „Дорогой Петр Григорьевич, произошло недоразумение, и я прошу Вас сейчас же выехать“. Петр Григорьевич вернулся. И я видел: когда он встретился с Якобсоном, слезы выступили у него на глазах, и они обнялись».

Для того, чтобы воссоздать реальную картину развития науки в нашей стране, необходимо помнить и об этой, теневой ее стороне, жестоко оскорблявшей человеческое достоинство ученых. Надо отметить, что неприличные газетные выпады против Якобсона, травля Богатырева, наверняка не были полной самостоятельностью отдельных лиц. Мы располагаем документальными свидетельствами той оценки, которая была у КГБ относительно Якобсона и Богатырева. В 1964 г., когда пересматривалось «дело славистов» и все его жертвы были реабилитированы, все оставшиеся в живых его «участники» специально опрашивались, а на покойных и заграничных участников «заговора» была составлена специальная справка. В документе от 22 января 1964 г., под грозной графой: «По нашим учетам проходят», значилось, что Богатырев — «невозвращенец с 1928 г.», а Якобсон — «проводил активную троцкистскую пропаганду в Чехословакии, был экспертом американской контрразведки по Советскому Союзу» [6. Т. 11. С. 365 об.]. Традиции НКВД еще не были забыты.

Публикация и последующее изучение переписки ученых является важнейшей задачей для историков науки. В нашей стране в 20—30-х годах переписка была единственным прибежищем, где ученые могли, кроме чисто научного общения, еще и свободно выражать свои мысли вообще. Переписка ученых русского зарубежья, зачастую разбросанных по разным странам, содержит интереснейшие сведения об их научных успехах, планах и проблемах, о взаимоотношениях внутри эмиграции, о тех сведениях, которые доходили до них с Родины. Иногда подобные публикации становятся крупным научным и культурным явлением. Как отмечает, например, Н. И. Толстой:

«Опубликованная переписка Якобсона и Трубецкого вводит нас в неповторимый по стилю и духу мир эмигрантской научно-интеллектуальной среды» [5. С. 13]. Ученый справедливо ставит задачу отыскания и публикации переписки Якобсона и Богатырева. К сожалению, переписка чехословацкого периода, по-видимому, действительно утеряна. Сохранившийся корпус писем относится к 50—60-м годам, когда письма должны были преодолевать границу, и неподцензурной переписку назвать уже нельзя. И тем не менее, она содержит массу интереснейших сведений о научных интересах двух замечательных ученых, полна искренней дружбы, свидетельств глубоких чувств.

Предлагаемый читателю материал составляют письма, открытки и телеграммы Р. О. Якобсона [8. Л. 1—22], как уже отмечалось, в основном 50—60-х годов, одна открытка 20-х годов в публикацию не включена, ее очень небольшой текст написан карандашом и практически не читается. Письма Богатырева [9. Л. 1—10] представлены не полностью. Как правило, но не всегда, он писал письма на пишущей машинке, оставляя себе копии, которые и публикуются. Публикуется также копия письма Н. Ф. Яковлеву, пересланного Якобсоном через Богатырева. При публикации сохраняются особенности орфографии и стиля писем (например, Якобсон, как правило, обращение-местоимение «Ты» писал с большой буквы и т. д.). В телеграммах не оговаривается расстановка знаков препинания и восстановленные в тексте предлоги. Документы имеют нумерацию и расположены в порядке ведения переписки.

Ссылки на статьи Якобсона и Богатырева, упоминаемые в публикации, указаны в квадратных скобках; у Якобсона дается отсылка к соответствующему номеру (в случае же отсутствия номера — к страницам) одной из библиографий его трудов [10], у Богатырева — к страницам списка его работ, помещенных в сборнике его статей [11].

1 [8. Л. 22]

Как живешь, униат? ² Как кормили? Приезжай с женой в воскресенье. Тут лафа и много жратвы. Приспосабливаясь к твоему вкусу, детализую: мороженое, safe glass, ягоды, торты. Неужели никаких писем? Пересылайте. Особенно корректуру. Здесь в ландшафте сходство с подмосковными, и у меня сосет под ложечкой: страдаю приливами тоски по родине. Приезжай, иначе будем Монтеки и Капулетти, как сказано в одной из комедий Кальдерона. А ты говорил, что я не знаю театра. Что с Гросом? Жду Вас обоих.

Ромео 8 августа ³

2 [8. Л. 2—2 об.]

11 июля 1956

Дорогой Петр,

пишу Вам троим, чтобы горячо поблагодарить за дружбу и радушие. Поездка меня глубоко взбудоражила. Потрясла преемственность, сила чувства, поэтичность в людях. Никогда не ощущал себя до такой степени русским и московским уроженцем. Никогда не воспринимал так остро то глубокое духовное одиночество, в котором я сейчас живу. То одиночество, от которого я заслонялся игрой мысли, радостью научного творчества, способностью самозабвенно увлекаться. Сосет под ложечкой от тоски по дружбе и родине. Тороплюсь покончить с очередной академической вермишелью, чтоб приняться, наконец, за большую работу и завершить ту книгу о звуке и значении ⁴, которая годы меня одолевает. Я начну лекции

² Очевидно, Р. О. Якобсон обыгрывает в шуточной форме научные путешествия П. Г. Богатырева по Прикарпатской Руси, значительную часть населения которой составляли приверженцы греко-католической церкви.

³ Открытку можно условно отнести к 20-м годам, более точная датировка не представляется возможной.

⁴ «Всю жизнь Якобсон мечтал написать книгу „Звук и значение“, — так назывался курс лекций, прочитанных им „посередине странствия земного“ в Нью-Йорке», — отмечает Вяч. Вс. Иванов в предисловии к изданию избранных работ ученого [1. С. 13]. Якобсон до конца так и не осуществил свой замысел, он издал в 1976 г. в Париже уже упоминавшийся курс лекций 1942 года лишь с некоторой редакционной правкой [12].

только в феврале, очень надеюсь до зимы закончить книгу и потом в январе, если попаду в Прагу на вторую сессию Международного съезда славистов⁵, мечтаю и к Вам заглянуть, коли позвонит прочесть лекции или что-либо в этом роде. Я был под таким напором впечатлений, что невольно берег душевные силы, чтоб не рухнуть. Столько было вопросов, научных мыслей, наблюдений и замет, о которых не успели побеседовать, и до боли досадно, что не удалось потолковать о былевом эпосе, о народной поэзии, к которой меня последнее время влечет еще больше, чем прежде, и вообще о наших ученых планах и мечтаниях. И обидно, что многих друзей так и не успел повидать — Петерсона⁶, Валентину Александровну⁷, ленинградцев. В начале июля послал Тебе заказной бандеролью пачку моих книг и оттисков. Подтверди получение. Все отправленные Тобой книги получены. Как только получу от издательства заказанные мною экземпляры Rus[sian] Epic Studies, пошлю Тебе, Гудзию⁸ и Лихачеву. Я послал тебе также надписанные книжки для Крученых⁹. Пожалуйста, передай их ему, но непременно в обмен на «Заумную книгу»¹⁰ с моими институтскими стихами и перешли ее мне. Очень прошу. И передай ему, что очень, очень, очень рад был с ним свидеться и страшно жалею, что нагрузка последнего моего московского дня просто не дала мне физической возможности с ним созвониться, снова встретиться и еще поговорить, хотя многое хотелось обтолковать. Непременно напиши о Фоме и Ереме. Просмотри статью Н. Аристова «Повесть о Фоме и Ереме» в журнале «Древняя и новая Россия» 1876 г., № 4, стр. 359—368. При случае наведи справку в Центральном архиве, сохранилась ли наша верейская фольклорная коллекция¹¹. Напиши, какие западные новинки в области фольклорной и вообще научной литературы Тебе послать. Я был очень занят и только на прошлой неделе послал московским коллегам свыше тридцати пачек своих печатных работ, а на этой неделе пишу им письма. Чудесно было погостить, но чудно чуточку почувствовать себя соляным столпом¹². Что Вам всем прислать? Святия¹³ передает привет и как только выйдут из печати ее работы о чешском фольклоре в Америке и об американских мотивах в чешской zlidovele поэзии, пошлет их. Читаю и снова читаю, — «чтоб ни единой малой долькой не отступиться от лица»¹⁴. Всех твоих обнимаю.

Роман

⁵ Имеется в виду второе заседание Международного комитета славистов, посвященное подготовке IV Международного съезда славистов.

⁶ М. Н. Петерсон (1885—1962) — лингвист, специалист в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, синтаксиса и морфологии словообразования.

⁷ В. А. Дынин-Соколова — литературовед и переводчица, жена известного фольклориста Ю. М. Соколова.

⁸ Н. К. Гудзий (1887—1965) — литературовед, текстолог, специалист по истории древнерусской литературы (Аввакум, «Слово о полку Игореве») и литературы XIX в. (Л. Н. Толстой).

⁹ А. Е. Крученых (1886—1968) — поэт, один из теоретиков кубофутуризма.

¹⁰ Р. О. Якобсон (под псевдонимом Алягров) вместе с Крученых издали «Заумную книгу» в Москве в 1916 г.

¹¹ Смотор подробнее об этой экспедиции письмо П. Г. Богатырева от октября 1966 г. (документ 25).

¹² В соляной столп обратилась жена праведника Лота, нарушившая запрет Бога. Она обернулась, когда Лот с семьей покидал обреченный Богом на гибель город Содом (Быт. 19, 26). Якобсон использовал этот библейский образ, намекая на то, что он тоже, подобно жене Лота, «обернулся» на свое прошлое, посетил родину после почти сорокалетнего отсутствия, встретил близких людей, которых не видел десятки лет.

¹³ С. Пиркова-Якобсон — специалист по славянскому фольклору, вторая жена Р. О. Якобсона.

¹⁴ Р. О. Якобсон цитирует строки из последнего четверостишия известного стихотворения Б. Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...»

И должен ни единой долькой
Не отступиться от лица
Но быть живым, живым и только,
Живым и только — до конца.

Неточность цитирования объясняется тем, что Якобсон скорее всего не знал в начале июля окончательной редакции строфы. В сохранившемся автографе стихотворения, датированном 5 мая 1956 г., эта строфа еще отсутствует. Впервые же стихотворение было опубликовано в девятом, сентябрьском номере журнала «Знамя» за 1956 г. Именно к публикации этих стихов Пастернака относятся строки из письма Якобсона сыну П. Г. Богатырева от 6 октября. Якобсон благодарит К. П. Богатырева «за стихи в „Знамени“, которые меня всячески порадовали. Очень вспоминаю автора и сердечно кланяюсь» [13].

10 сентября 1956

Дорогой Петр!

Большое спасибо за оба увлекательные письма¹⁵. Держу их в руках и отвечаю пункт за пунктом: Дувакину¹⁶ я написал о своем сотрудничестве с Маяковским. Надеюсь, он получил мое письмо. Я тоже очень жалею, что не повидал в Москве Елизаветы Николаевны, Валентины Дынник, Ниночки и М. Н. Петерсона. Шлю им всем сердечный привет. В следующий приезд очень надеюсь повидать Эйхенбаума¹⁷ и Жирмунского¹⁸.

Я очень рад, что все мои книжки дошли до тебя. Большинство из них — библиографическая редкость. Недавно я послал тебе пакет новых своих оттисков, а также только что вышедший сборник статей по фольклору [10. № 225] (Это полученный из редакции рецензионный экземпляр. Если можешь, напечатай что-нибудь об этом сборнике — подстрочное примечание автора.— М. Д., М. Р.); для Кости¹⁹, — томик Рильке²⁰. У меня сейчас в печати несколько статей, в том числе — о Маяковском в Русском литературном архиве [10. № 223], публикуемом Гарвардским университетом и состоящим из русских рукописных исторических материалов 19—20 вв., находящихся в Гарвардской библиотеке. Печатается также моя статья о языке и письменности пражских евреев 11—13 вв. [10. № 227] и два тома фототипического издания двух певческих рукописей, найденных нами в Хиландаре [10. № 229].

Моей научной работе и мне психологически очень помог подъем после недавней поездки, но в общем лето сложилось скорее неудачно. Я был завален мелкой работой и все еще не закончил своей большой книги о «Звуче и значении». Хочу надеяться на осень.

На днях отослал Лихачеву обещанную статью по «Слову о полку Игореве» [10. № 240] для «Трудов отдела древнерусской литературы». Стараюсь выполнить и другие обещания, данные в Москве, — библиографию американских работ по древнерусской литературе²¹, материалы и воспоминания для посвященного Маяковскому тома литературного наследия²², статью о проблемах истории старославянской литературы для сборника работ, публикуемых АН СССР в связи со съездом славистов, и, наконец, статью для дискуссии о структурализме, заказанную «Вопросами языкознания»²³. Как видишь, сверхнагрузка. А тут предстоит написать боевой председательский доклад для годовичного заседания Американского лингвистического общества и сообщение о типологии языков для Трудов предстоящего Международного лингвистического съезда в Осло [10. № 239].

Получаю довольно много писем и интересные книги из Москвы, но все еще не пришло никаких новостей в связи с подготавливаемым Московским международным съездом славистов. Между тем, мне надо предпринять здесь немало предварительных шагов, в частности, очень жду известий, будет ли в январе и когда именно второе, пражское собрание нашего МКС (Международный комитет славистов — М. Д., М. Р.). Я стараюсь оставить весь январь свободным и очень хотел бы сочетать пражскую поездку с визитом в Польскую академию, которая меня в свое время звала, а также, если возможно, с побывкой в Москве и Ленинграде. Как писал мне Б. В. Томашевский²⁴, он надеется, что можно будет для меня устроить что-то вроде лекций в Пушкинском доме. Хотелось бы — нечто аналогичное в Москве. Мне очень тепло писал Н. К. Гудзий. Я думаю спросить его, как легче всего осуществить эту встречу, — ему виднее.

¹⁵ Копий писем П. Г. Богатырева за 1956 г. в его архиве не сохранилось.

¹⁶ В. Д. Дувакин — литературовед, специалист по творчеству В. В. Маяковского.

¹⁷ Б. М. Эйхенбаум (1886—1959) — историк и теоретик литературы, текстолог, один из ведущих представителей «формального метода», входил в ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка), исследователя творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого.

¹⁸ В. М. Жирмунский (1891—1971) — историк и теоретик литературы, языковед, входил в ОПОЯЗ, специалист в области русской, немецкой и восточных литератур от древности до XX в. («Манас», В. Гете, Д. Байрон, А. С. Пушкин, А. А. Блок).

¹⁹ К. П. Богатырев (1925—1976) — поэт-переводчик, широко известны его переводы Э. Кестнера, Ф. Дюренматта, М. Фриша и особенно переводы поэзии Р. М. Рильке; сын П. Г. Богатырева.

²⁰ Р. М. Рильке (1875—1926) — австрийский поэт, один из крупнейших лириков начала XX в. Знакомство с Россией и русской культурой оказали большое влияние на Рильке, он переводил «Слово о полку Игореве», переписывался с Б. Пастернаком и М. Цветаевой.

²¹ Нам неизвестно, выполнил ли Якобсон это обещание, в печатном виде появилась лишь уже упоминавшаяся статья «Изучение „Слова о полку Игореве“ в Соединенных Штатах Америки» [10. № 240].

²² В серии «Литературное наследие» предполагалось издать два тома, посвященные В. В. Маяковскому, но вышел только первый том. Печатание второго тома было запрещено решением высоких инстанций, и материалы, присланные Якобсоном, не увидели света.

²³ В четвертом номере журнала «Вопросы языкознания» за 1956 г. в редакционной статье было предложено «начать обсуждение вопросов структурализма» [14. С. 7]. В журнале за 1956—1958 годы в разделе «Дискуссии» появилось более десяти статей на эту тему, но работы Якобсона среди них нет. В настоящее время не представляется возможным определить, была ли заказанная ученому еще до открытия дискуссии статья отклонена по каким-либо причинам редакцией журнала, или она вообще не была написана.

²⁴ Б. В. Томашевский (1890—1957) — историк и теоретик литературы, языковед, текстолог, входил в ОПОЯЗ, специалист по русской литературе XIX—XX веков (А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов).

Я был очень тронут Костиным письмом и скоро пошлю ему кое-какие грамофонные пластинки²⁵, а когда приеду, привезу галстуки. Его, в свою очередь, прошу прислать мне переводы Рильке, а также нажать на Крученыха и получить от него мои древние стихи для пересылки мне. Я еще в этом году не выезжал из города. Собираюсь, хоть не на долго, куда-нибудь в тишь, и оттуда, когда голова будет свежее, непременно напишу Косте.

Работа по сравнительному изучению эпоса славянских народов меня живо интересует, в частности, упомянутая тобою диссертация о функциях прилагательных в лирических песнях. Посмотри в этой связи мою статью «The Kernel of Comparative Slavic Literature» [10. № 203], набросок программы исследований по этим вопросам. Я очень думал развернуть свои статьи на эту тему в целый томик, посвященный задачам изучения славянских языков, устного и письменного творчества, мифологии и т. п. Может, выполнить это не по-английски, а по-русски?

Святя очень Вам кланяется. Она только что вернулась с международного съезда антропологов в Филадельфии, где особенно активно участвовала в группе работников по музейной этнографии.

Мои родители были до слез тронуты приветями, посланными тобой как раз ко дню 61-ой годовщины их свадьбы. У них сохранился атлас, подаренный им тобой 20 лет назад ко дню свадьбы, и когда они изучают по этому атласу маршруты моих путешествий, они всегда нежно тебя вспоминают.

Святя готовит монографию о знаменитой словацкой старухе-сказительнице, приехавшей подростком в Америку. До самой ее смерти работала с нею Святя. Это — совершенно исключительный по одаренности и памяти феномен. Другие Сватины работы в процессе подготовки — анализ славянских календарных обрядов. Две ее статьи, одна о сказительницах, другая о фольклоре чешских тремпов, печатаются.

Ее и моя ученица пишет диссертацию о юморе Швейка. Я поделюсь с ней твоими интересными замечаниями, а Тебе напишу об этом в следующий раз. Непременно разыщи верейскую коллекцию и доработай Фому и Ерему. Это — замечательный пример обнаженного пародического использования синонимической разновидности параллелизма, который играет такую кардинальную роль в сочетании русских песенных стихов. Вообще пародии в фольклоре одна из самых благодарных тем. Одна наша студентка занималась в этом аспекте русскими небыличками.

За сборник «Старинная русская повесть» [15] буду очень признателен Александру Владимировичу и жду с подлинным интересом его диссертацию.

Я не сомневаюсь, что твой учебник по славянскому фольклору²⁶ будет ценнейшим вкладом. Полное отсутствие таких работ — просто анахронизм. Обратил ли Ты внимание в этой связи на сжатую библиографию в Сватиной книге о славянском фольклоре на ее простую и плодотворную структурную классификацию жанров? Ты прав, что общие черты в фольклоре различных славянских народов настолько разительны, что просто непонятно, как можно было пройти мимо этого.

Пожалуйста, передай Соне самые горячие именинные пожелания. Всегда так радостно слышать о ней и о ее дочурке. Очень надеюсь скоро всех увидеть.

В статье о былинах Ухов²⁷ ссылается на свою работу, доказывающую, по его словам, народное происхождение термина «былина». Можно ли ее получить?

Крепко всех троих обнимаю. И Катю, которая права в своих отzyвах обо мне.

Ваш Роман

4 [8. Л. 4—4 об.]

19.10.56

Глубоко тронут сердечными телеграммами и разумной книгой, надеюсь на скорое свидание. Обнимаю твоих

Роман Яковсон.

Ничего себе «Разумная книга»!!!²⁸

²⁵ В письме от 6 октября 1956 г. Яковсон сообщал К. П. Богатыреву: «Пластинки приобрел: „Порги и Бесс“ Гершвина, новый джаз Армстронга и две пластинки Стравинского — „Весна священная“ для тебя, а другая „История солдата“ для Тамары» (Т. Ю. Богатырева, жена П. Г. Богатырева — М. Д., М. Р.) [13].

²⁶ Очевидно, П. Г. Богатырев сообщал Р. О. Яковсону о подготовке им второго, существенно дополненного, издания учебника «Русское народное поэтическое творчество» в 1957 году (первое опубликовано в 1954 году). Богатырев был редактором книги, автором «Введения» и раздела «Заговоры».

²⁷ П. Д. Ухов (1914—1962) — исследователь русского фольклора, автор раздела о былинах в двух изданиях упомянутого выше учебника под редакцией Богатырева.

²⁸ Запись, сделанная Богатыревым на обороте телеграммы. Яковсон явно в шутку назвал «Заумную книгу» — «разумной».

31 декабря 1956

Дорогой Петр Григорьевич!

Надеюсь, что Ты получил все посланные Вам книги, в частности, голландский журнал с посмертной статьей Скрайена о Твоей работе по народному костюму, диссертацию о влиянии русского народного эпоса на чешскую поэзию 19-го века и, наконец, сборник наших статей по славянскому фольклору.

Я рад, что Косте понравились музыкальные пластинки и что Музей Маяковского доволен присланными мною пластинками со стихами Маяковского в его и моей читке. К сожалению, я не мог получить экземпляра для Кости. Я послал ему Немецкую грамматику, книгу о Т. Манне²⁹ и сборник этюдов Г. Бэна³⁰. На следующие тома Рильке я подписался, и как только они выйдут, пришлю их. Новое издание Дудена³¹ в печати, когда выйдет — пришлю.

Посылаю Тебе две свои новые статьи: о русском глаголе и новом источнике для ранней истории чешского языка.

В течение этого года я был председателем Американского лингвистического Общества и только что вернулся с его годовичного съезда, где прочел подробный доклад о роли, которую играют в нашем речевом обиходе высказывания о языке и его элементах. Этот доклад будет напечатан в конце 1957 года, Ты его получишь.

Сейчас тороплюсь закончить несколько мелких статей по фонологии, старославянскому стиху и т. д. Хотя всего около полугода отделяет меня от заседания в Академии наук СССР, я очень по всех Вас соскучился и надеюсь в недалеком будущем опять побывать в Академии и Университете.

С сердечными новогодними пожеланиями всей семье.

Преданный Роман

Р. С. Петр, дорогой, не могу тебе сказать, до чего меня тронула и порадовала Ваша новогодняя телеграмма. После своего майского путешествия я небывало затосковал, и говоря языком Маяковского, тоскую все небывалее. Прочел ли Ты мою статью о нем? Мне обидно, что Лиля³² на нее разобиделась. Очень о Вас думаю.

6 [8. Л. 6]

30 июля 1957

Дорогой Петр!

На днях получил твоё письмо, и твой живой рассказ об успешной конференции по древнерусской литературе³³, о которой я уже слышал от Вольмана³⁴, меня очень заинтересовал. Я сейчас опять в полосе средневековых занятий: печатаю длинную работу о средневековых пародийных мистериях, особенно о Мاستичарже [10. № 242]. Немало там цитирую твою старинную статью о карпатских похоронных представлениях³⁵. В сборник в честь Ришанка³⁶ [10. № 234] я послал свою реконструкцию старочешской поэмы о первородном грехе, а для сборника в честь Нахтигала³⁷ [10. № 233] написал о стихотворных цитатах в старославянских памятниках. Надеюсь, что в недалеком будущем будет закончена и моя реконструкция первоначального текста «Задонщины»³⁸ [10. № 313].

²⁹ Т. Манн (1875—1955) — немецкий писатель, автор знаменитых романов «Буденброки», «Иосиф и его братья», «Доктор Фаустус» и др.

³⁰ Г. Бэнн (1866—1956) — немецкий поэт и эссеист.

³¹ К. Дуден (1823—1911) — немецкий филолог, составитель словаря, заложившего фундамент нормативной орфографии современного немецкого языка. Словарь Дудена впервые издан в 1880 г., с тех пор словарь усвершенствуется и регулярно издается.

³² Можно предположить, что Л. Ю. Брик, гражданская жена В. В. Маяковского, обиделась на Яковсона за предание публичной огласке истории с парижским увлечением поэта, его связи с Н. Яковлевой.

³³ III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе было организовано Сектором древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) 13—15 мая 1957 г. в Ленинграде. На совещании присутствовало более 400 делегатов, в том числе были представители всех славянских стран, от Чехословакии — С. Вольман.

³⁴ С. Вольман — чешский литературовед-славист, автор работ по методологии литературоведения, проблемам жанров, исследований о «Слове о полку Игореве» и русской драматургии.

³⁵ Имеется в виду книга П. Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Закарпатья», изданная им в Париже в 1929 г. на французском языке [11. С. 500].

³⁶ Ф. Ришанек (1877—1969) — чешский лингвист, специалист по истории старославянского и древнечешского языков.

³⁷ Р. Нахтигаль (1877—1958) — словенский филолог-славист, специалист в области славянского языкознания и древнерусской литературы; исследователь и переводчик «Слова о полку Игореве» на словенский язык.

³⁸ Яковсон опубликовал эту работу, выполненную совместно со своим учеником Д. Вортом, только через шесть лет в 1963 году.

Только что полученная телеграмма от Виктора Владимировича³⁹ о нерешенности вопроса моих октябрьских лекций в МГУ меня огорчила. Очень мечтал подробнее поговорить с друзьями и коллегами о наших общих научных вопросах и поближе познакомиться с заманчивыми новинками московской лингвистической, литературоведческой и фольклорной продукции.

3-го августа лечу в Осло, где у меня на Международном лингвистическом съезде доклад о типологии языков. По приглашению Чехословацкой, Польской и Сербской Академий, буду в славянских странах в сентябре и большей части октября. Хочется думать, что удастся, с лекциями, которые для меня не так уже важны, или без лекций, побывать у Вас. Это тем более важно, что я не смогу вторично попасть в Европу в предстоящем учебном году и принять участие в совещаниях нашего славистического комитета по вопросам подготовки московского съезда.

Пиши мне по гарвардскому адресу, мне перешлют, а во второй половине сентября можешь писать в Чехословацкую Академию на имя Гавранека⁴⁰.

Шлю Вам всем трем сердечные приветы и пожелания. Передал маме по телефону твой привет, и она сердечно кланяется. Отец совсем плох. Свята с начала июня занимается полевой этнографией, записью и анализом обрядов в Шумадии и Македонии.

Разлакомил меня прошлый год, и оттого мне сегодня грустно.

Крепко Ваш

Роман

PS. Любопытно, что догадка о великоморавском происхождении Остромирова календаря⁴¹ пришла Тебе и мне одновременно. Я недавно предложил Дворнику⁴² приготовить для моск[овского] съезда славистов⁴³ [доклад] о забытом великоморавском памятнике, святах, следы которых сохранились в Остром[ировом] Ев[ангелии], в Ассем[ановом] Ев[ангелии]⁴⁴ и в среднеболг[арской] письменности. Обнимаю.

7 [8. Л. 7]

1 января 1958

Дорогой Петр!

Ваша новогодняя телеграмма меня растрогала. Еду на очередную сессию Международного Комитета Славистов — последнюю перед московским Съездом⁴⁵, на котором я очень надеюсь встретиться с тобой.

Это были месяцы очень интенсивной работы. Создаем исследовательский центр по различным наукам о языке, оживленно дискутируем вопросы отношения между лингвистикой и другими науками. Только что выпустил: «Библиографию палеосибирских языков и народов» [10. № 236]. Пошлю ее тебе. Печатаю несколько работ в Праге и Софии. Только что отослал корректуру статьи для сборника в честь Адриановой-Перетц⁴⁶ [10. № 240]. Много новых мыслей, многое хотелось бы с тобой продебатировать; очень на это надеюсь. Отец скончался. Мама шлет тебе сердечный привет. Здоровая, но, конечно, годы берут свое. Святия собрала преинтереснейшие материалы по обрядовому фольклору в Югославии и, надеюсь, прочтет об этом доклад в Москве⁴⁷.

³⁹ В. В. Виноградов (1895—1969) — филолог, специалист по многим проблемам языкознания, истории русского языкознания, стилистики, текстологии, литературовед; один из организаторов возобновления в 50-е годы Международных съездов славистов, многие годы председатель Советского комитета славистов.

⁴⁰ Б. Гавранек (1893—1978) — чешский лингвист-славист широкого профиля, специалист по сравнительной грамматике, разрабатывал функционально-структурную теорию. Входил вместе с Якобсоном в Пражский лингвистический кружок.

⁴¹ Якобсон имеет в виду Остромирово Евангелие, написанное в Новгороде в 1057 г. для посадника Остромира.

⁴² Ф. Дворник (1893—1975) — чешско-американский византолог, специалист по истории церкви, после оккупации Чехословакии в эмиграции, был коллегой Якобсона по Гарвардскому университету.

⁴³ Ф. Дворник на съезд не приехал.

⁴⁴ Ассеманово Евангелие — один из древнейших (вторая половина X — начало XI веков) сохранившихся памятников славянской письменности, записано глаголицей.

⁴⁵ Заседание Международного комитета славистов состоялось в Варшаве 8—9 января 1958 г.

⁴⁶ В. П. Адрианова-Перетц (1888—1972) — филолог, текстолог, историк древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», «Задонщина»), демократической литературы XVII—XVIII веков.

⁴⁷ Доклад С. Пирковой-Якобсон «Проблемы славянского обрядового фольклора» был прочитан на IV Международном съезде славистов 5 сентября 1958 г. [16. С. 149].

Шлю сердечные новогодние пожелания тебе, Тамаре, Косте с женой⁴⁸. Большое спасибо за интересные книги. Буду в Польше числа до 20-го. Пиши мне в адрес польской Академии наук в Варшаву. Сообщи, какие книги тебе послать. Все эти дни очеь о тебе думаю.

Преданный

Роман

8 [9. Л. 9—10]

[начало лета 1958 г.]

Дорогой Роман!

Прости, что так долго не писал. Был очень занят в Воронежском университете и надо было спешно закончить ряд статей. Посылаю тебе два экземпляра моего доклада, который буду читать на Съезде славистов — «Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов» [11. С. 538]. Передай пожалуйста один экземпляр профессору А. Б. Лорду, которого я неоднократно цитирую в своем докладе. Надеюсь, что ты получаешь все доклады, издаваемые московским Славянским комитетом⁴⁹. Мой доклад по теме совпадает с докладом В. М. Жирмунского⁵⁰, но, как увидишь, мы не повторяемся, хотя писали не согласуясь друг с другом и не деля свою тему. Я исходил из работ славистов и ограничил себя только славистическим исследованием. Пафос работы — необходимость координации в работе всех славистов по славянскому фольклору. Жирмунский прислал мне письмо, в котором с похвалой отзываясь о моем докладе. В этом письме он пишет, по-видимому с большим удовлетворением и радостью, что ты похвалил его доклад. Устно он мне говорил, что твои работы о Всеславском эпосе [10. № 181] считает гениальными, хотя не в русском значении этого слова, а так, как употребляют это слово немцы, т. е. продуктивными, побуждающими к дальнейшим исследованиям. В ближайшее время выйдет доклад покойного Бориса Викторовича Томашевского. Ирина Николаевна Томашевская (жена покойного) просила узнать у тебя, будешь ли ты писать некролог о Борисе Викторовиче [10. № 253]. Если да, то она тебе пошлет список его трудов. Я свою статью «А. С. Пушкин у южных и западных славян», которая должна появиться в Славянском сборнике Воронежского университета [11. С. 538] посвящаю памяти Бориса Викторовича.

Может быть ты напишешь письмо Ирине Николаевне Томашевской?

В Москве помимо докладов для Международного съезда, опубликованных в «Revue des e'tudes Slaves», получены три доклада голландских ученых: 1) Битва при Хотине и ее отражение в славянской литературе, («Осман» Гундулича и Потоцкий) 2) «Рифма», т. е. повторение тождественных мест в одном и том же романе, у Достоевского, 3) Художественные средства в стихах А. Блока. Последний доклад выходит из работы О. Брика⁵¹ о повторах. В Москве приготовления к съезду идут полным ходом. Вышли программы съезда, где помещены твой доклад и доклад Свати. Я читаю доклад в фольклорной подсекции в один день с Ю. Гораком⁵². В ближайшее время должен выйти Литературный сборник с ответами на вопросы [17], лингвистический выйдет позднее [18]. Я поместил в «ответах на вопросы» два ответа: о картографировании фольклорных фактов и о различных жанрах в фольклоре.

В сборник в честь Ф. Вольмана⁵³ я послал маленькую статью о сравнительном изучении одной и той же идеи, выраженной в словесном народном творчестве, в народном изобразительном искусстве и народном искусстве хореографическом [11. С. 538]. Здесь я сравниваю идею благопожелания в народных болгарских колядках с выражением той же идеи в изображении обрядового хлеба в сочельник, а также с идеей благопожелания роста льна в хореографическом чешском и словацком искусстве. Подобное сравнение помогает выявить специфику различных видов народного искусства.

Сравнение одного и того же мотива в словесном искусстве и в изобразительном искусстве намереваюсь провести, сравнивая словесное изображение застежек в бытине о Дюке Степановиче с изображениями на подлинных застежках (молодец с молодой обнимаются; сходятся звери и рычат).

⁴⁸ С. И. Богатырева — литературовед, первая жена К. П. Богатырева.

⁴⁹ Имеется в виду Советский комитет славистов.

⁵⁰ Доклад В. М. Жирмунского на IV Международном съезде славистов назывался «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса».

⁵¹ О. М. Брик (1888—1945) — писатель, теоретик литературы, драматург; один из организаторов ОПОЯЗа. Упоминаемая в тексте работа «Звуковые повторы» была опубликована в 1917 г.

⁵² И. Горак (1884—1975) — чешский славист, специалист по сравнительной истории славянских литератур и этнографии.

⁵³ Ф. Вольман (1888—1969) — чешский филолог-славист, автор работ, посвященных сравнительному изучению литературы, фольклора и театра славянских народов.

Дальше думаю сравнить изображение Яношика⁵⁴ в легенде и в картинках на стекле. В работе придется вспомнить рассуждение Лессинга⁵⁵ о Лаокооне и твою статью «Пушкин о скульптуре»⁵⁶. Но это пока⁵⁷ только намерение. В ближайшее время собираюсь написать статью на основании Андрейчина⁵⁷ и одной из словацких [...] ⁵⁸

9 [8. Л. 8]

27 июля 1958

Мой адрес в первой половине августа:
c/o prof. Alf. Sommerfelt.
Universitet Oslo, Норвегия

Дорогой Петр,

спасибо за письмо. Меня радует, как много Ты научно работаешь и публикуешь. Твой доклад [11. С. 538] превосходит и открывает широкие перспективы. Мой доклад для съезда славистов — Морфологические наблюдения над славянским склонением [10. № 241] — будет разослан отсюда на днях, и Ты его, конечно, получишь. Недавно послал Тебе свою работу о гильяцком языке [10. № 237]. Читал ли ты мою работу о «Слове о полку Игореве», вышедшую в т. XIV «Трудов Отд[ела] древнерус[ской] лит[ературы] АН СССР» вместе с Твоей интересной работой по филигранологии? [11. С. 538]. Я все еще не получил оттисков. С интересом жду Твоей статьи о болг[арских] колядках [11. С. 538]. Меня тоже просили о статье, и я послал в свое время работу о влиянии [нрзб.] песни на молитвы Милича⁵⁹. Выйдет ли, сомневаюсь, и эта глубоко необоснованная задержка меня со всем прочим глубочайше огорчает. Согласно стиху Володи Маяковского, я хочу быть понят. Твоя тема одного и того же мотива в разных искусствах сейчас меня тоже живо интересует. Как только выйдет моя печатающаяся работа о средневековой пародийной мистереи, особенно чешской, пришлю. Заканчиваю реконструкцию «Задонщины» и работаю над книгой по общему языковедению. Прошу переслать прилагаемое письмо Ирине Николаевне (Томашевской — М. Д., М. Р.). Адреса ее не знаю. Всех Твоих крепко обнимаю.

Твой Роман

Р. С. Сватин доклад для Моск[ковского] съезда о символике славянского календарного фольклора дорепечатывается и будет Тебе на днях послан.

10 [8. Л. 9]

[Открытие Богатыреву]

25 X 57

Всем Вам сердечный привет. Все время гостил в Нем[ецкой] дем[ократической] респ[ублике], Болгарии, Румынии и Польше. Прочел множество лекций, и все чудесно принимали — коллеги, студенты, представители Академии и правительственных органов. Много теплых поклонов от этнологов. Думаю, что эта поездка для меня и для других была полна новых научных стимулов.

Крепко жму руку

Роман

⁵⁴ Яношик — благородный разбойник, один из любимых героев словацкого фольклора.

⁵⁵ Г. Э. Лессинг (1729—1781) — немецкий писатель, один из основоположников немецкой классической литературы. Критическое сочинение «Лаокоон...» посвящено учению о поэзии, выяснению и сопоставлению предмета изображения в скульптуре, живописи и поэзии.

⁵⁶ Статья Якобсона «Статуя в символике Пушкина» была опубликована на чешском языке в 1937 г. [10. № 105]. При переводе на английский, а затем на русский языки она приобрела название «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» [2. С. 145—180].

⁵⁷ Л. Андрейчин — болгарский филолог-славист, исследовал проблемы влияния церковнославянского языка на современный литературный, языка и стиля народных песен.

⁵⁸ Текст письма Богатырева обрывается.

⁵⁹ Я. Милич из Кромержижа (?—1374) — чешский священник-аскет, проповедник, предшественник Я. Гуса.

[Открытие Богатыреву]

11 X 62

Сердечный привет всему семейству! Я забыл тебя попросить разыскать для меня статью о Джойсе⁶⁰ в одном из недавних номеров «Новинок Запада». Пожалуйста, либо пришли ее мне, либо спиши для меня с указанием номера и даты, а также с помощью Комы⁶¹ очень прошу раздобыть Рус[ско] франц[узский] словарь Зализняка⁶² и «Стихосложение» Холшевникова⁶³. Я все еще под обаянием Москвы и московских встреч.

Твой Роман

12 [8. Л. 21]

[конец весны, начало лета 1964 г.]
Проф[ессору] П. Г. Богатыреву

Дорогой Петр,

спасибо за интересные книжки. Сердечный привет всему семейству от Кристины и мамы, и Свати, и от меня. Очень надеюсь свидеться и на Междунар[одном] антропологическом съезде в Москве, и на конференции по теории знаков в Варшаве. Весною много работал над самыми разнообразными темами: реконструкция «Задонщины», лингвистический анализ афазии [10. № 366], праславянская система ударений, укр[аинский] императив, средневековая чеш[ская] и польская кухня, параллелизм в рус[ском] фольклоре. Все это вскоре надеюсь прислать в печатном виде. Постарайся разыскать наши верейские фольклорные материалы. Черкните мне. Обнимаю.

Твой Роман

13 [8. Л. 11]

26 VI 64
Boylston 301, Cambridge, 38.
Massachusetts. Черкни срочно
по этому адресу. Буду здесь
до 31 VIII.

Дорогой Петр.

Буду с женой на Моск[овском] съезде антропологов, где прочту доклад о роли лингвистических показаний в сравн[ительной] мифологии [10, № 451]. Очень надеюсь с Вами всеми встретиться. Сообщи Эренбургам⁶⁴, [нрзб.], Гудзию и пр. Прилечу 1-ого авг[уста] — Аэрофлот № 024 из Копенгагена. С сердечным приветом семье и от семьи.

Твой Роман

⁶⁰ Д. Джойс (1882—1941) — ирландский писатель, один из виднейших представителей модернизма, автор знаменитых романов «Улисс» и «Поминки по Финнегану».

⁶¹ Кома — Вяч. Вс. Иванов.

⁶² Р. О. Якобсона по-видимому заинтересовал очерк русского языка и сведения по русской фонетике, напечатанные А. А. Зализняком в виде приложения к составленному им словарю [19].

⁶³ В. У. Холшевников — литературовед, специалист по проблемам стихосложения, автор книг: «Основы русского стихосложения» [20] и «Основы стиховедения. Русское стихосложение» [21]. Якобсон, по-видимому, имеет в виду вторую книгу.

⁶⁴ И. Г. Эренбург (1891—1967) — писатель, поэт, общественный деятель, автор известных воспоминаний «Люди, годы, жизнь». Якобсон дружил с Эренбургом еще в 20-е годы.

Дорогой Роман!

Получил оттиски с трогательными надписями.

Жду с нетерпением выхода томища твоих трудов.

В Академии наук отпраздновали юбилей В. В. Виноградова. Было много телеграмм и местных, и зарубежных, была упомянута и твоя телеграмма. В. В., вспоминая молодые годы, говорил, что на него влияли Эйхенбаум, Энгельгардт⁶⁵, Якубинский⁶⁶ и ты. На чествовании в Университете В. В. В. вспоминал лекции Шахматова⁶⁷, которые посещали все[го] несколько студентов: он, Сергей Бернштейн⁶⁸ и Роман Якобсон, приезжавший из Москвы.

Печальная новость: скончался Алексей Буслаев⁶⁹. Я к сожалению не мог быть на похоронах, сам тяжело болел, у меня была ангина с очень высокой температурой. От лингвистов на похоронах выступал Горнунг⁷⁰. Скончался Сергей Ожегов⁷¹, скончался Куסיбян, сын твоего учителя в Лазаревском институте.

Я после болезни постепенно набираю силы и включаюсь в работу. В ближайшие дни собираемся с Тамарой на время студенческих каникул в дом творчества в Переделкино.

Я послал тебе ряд филологических книг (Устное поэтическое творчество мордовского народа, филологический сборник трудов Воронежского университета). Надеюсь, ты их получил.

Когда выйдет 2-ой том Псковского (1607 г.) русско-нем[ецкого] разговорника?⁷²

Сердечный привет Кристине от нас обоих.

Целуем Вас

[Петр]

15 [8. Л. 13]

[Телеграмма Богатыреву]

3.03.65

Горячий привет Тебе, Горнунгу и Яковлеву⁷³ в день пятидесятилетней годовщины лингвистического кружка⁷⁴.

Роман

⁶⁵ Б. М. Энгельгардт (1887—1942) — литературовед, специалист по теории, методологии и истории литературы, в 1927 г. опубликовал книгу «Формальный метод в истории литературы».

⁶⁶ Л. П. Якубинский (1892—1945) — один из основателей отечественной социолингвистики, специалист по языку поэтических произведений, культуре речи, истории языка, сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков.

⁶⁷ А. А. Шахматов (1864—1920) — филолог-славист, исследователь русского языка, древнерусской литературы, русского летописания, проблем русского и славянского этногенеза, вопросов прародинности и праязыка.

⁶⁸ С. И. Бернштейн (1892—1970) — филолог, специалист по фонетике и фонологии русского языка, вопросам поэтики и звучащей художественной речи.

⁶⁹ А. А. Буслаев был членом Московского лингвистического кружка и его председателем в 1921 г., участвовал в диалектологических и этнографических экспедициях, которые организовывал кружок.

⁷⁰ Б. В. Горнунг (1899—1976) — лингвист, специалист по индоевропейскому и сравнительному языкознанию.

⁷¹ С. И. Ожегов (1900—1964) — лингвист, лексикограф, специалист по социолингвистике, истории русского литературного языка, автор широкоизвестного однотомного «Словаря русского языка».

⁷² Эта работа была опубликована только в 1970 г. [10. № 435].

⁷³ Н. Ф. Яковлев (1892—1974) — лингвист, один из основоположников Московской фонологической школы, основные труды в области общей фонетики, кавказских языков и теории орфографии.

⁷⁴ Московский лингвистический кружок (1915—1924).

Дорогой Петр,

поздравляю с выздоровлением! Не смей хворать! Спасибо за письмо и обе интересные книги. Прилагаю оба моих старых экскурса о [святой] Дороте [10. № 74]. Я по горло в работе над корректурами, новыми статьями и курсами. Мой эпический том с посвящением выйдет к лету⁷⁵. Раскрылось необычайно заключительное слово, где немало нового по поводу «Слова о полку Игореве». Выходит также труд гарвардского тюрколога О. Прицака⁷⁶ с замечательными открытиями этнической номенклатуры «Слова» [22], и этого одного достаточно, чтобы навсегда покончить со всеми скептиками! Выйдут в этом году Труды конференции о миссии Кирилла и Мефодия с моей заключительной рацеей [10. № 357], которую я только что сдал в печать. А на очереди сдача 1) моего прошлогоднего доклада о русском ударении и его роли в стихе для тома Трудов прошлогодней стиховедческой конференции в Польской Акад[емии] наук, 2) моей работы о старославянских певческих стихах для сессии Monumenta musicae Byzantinae⁷⁷, издаваемой Датской Академией, 3) новой, пока конспективной статьи, которая затем может быть, вырастет в книгу — «В поисках сущности языка» (статья выйдет в парижском журнале «Диоген» [10. № 352]), А сверх того уйма статей медлительно печатается в разных сборниках в честь 60, 70 и 80-илетних коллег. По мере появления буду Тебе посылать. Хотелось бы заглянуть, но в этом году едва ли доведется. Собираюсь в конце летних каникул в Копенгаген, в Варшаву и Вену на собрание Международного комитета славистов. Мечтаю в конце лета 1966 г. прибыть на моск[овский] съезд психологов. Тоска берет. Спасибо за сердечную депешу. А я в числе участников полувекового юбилея, увы, забыл назвать Л. И. Базилевича⁷⁸. Поздравь дополнительно. Жаль, не довелось Буслаеву дожить. Только что прочел с большой отрадой воспоминания его прадеда⁷⁹. Там, между прочим, интересное и, кажется, забытое фольклористическое сообщение о Дон-Хуане и Педрии в пензенском народном театре. Статья моя в связи с пятидесятилетием лингв[истического] кружка послана в сборник в честь румынского языковеда Rosetti [10. № 351], а на днях здесь выйдет ее предварительный литограф[ированный] текст. Прими сердечный привет от обоих всему дому. Спасибо Косте за письмо.

Обнимаю,

Роман

Р. С. Второй том псковского разговорника готов, в корректуре, но проверку надеюсь закончить, когда буду в сентябре в Копенгагене. Надеюсь, книга выйдет в течение зимы. Только что отослал корректуру для печатаемого сборника к 70-летию Куриловича⁸⁰ [10. № 335]. Это дальнейшее развитие моего софийского доклада о праславянском ударении.

17 [9. Л. 2, 3]

2 августа 1965

Дорогой Роман!

Получил первые страницы верстки четвертого тома с посвящением. Большое, большое спасибо, милый Роман. Для меня твое посвящение превышает всех степеней и иных научных наград. Это не гипербола. После спокойных и долгих размышлений — это так. Оно прибавило мне силы для подлинно научной работы.

⁷⁵ IV том собрания сочинений Якобсона вышел в 1966 г. Авторское введение открывается следующими словами: «Эта книга посвящена отважному пионеру в структурном анализе фольклора, профессору Петру Богатыреву, который в 1915 г. посвятил меня в восторг и трудности задач полевой этнографической работы» [10, № 359. Р. VI]. В начале тома помещены две совместные работы Якобсона и Богатырева.

⁷⁶ О. Прицак — американо-украинский востоковед, лингвист, историк.

⁷⁷ Результаты этой работы к 1971 г. еще не были опубликованы [10. Р. 49].

⁷⁸ Л. И. Базилевич (1892—1975) — лингвист, специалист в области русского языка и диалектологии.

⁷⁹ Ф. И. Буслаев (1818—1897) — филолог, фольклорист и искусствовед, один из самых крупных русских ученых-гуманитариев XIX в., оставил воспоминания [23].

⁸⁰ Е. Курилович (1895—1978) — польский лингвист, специалист в области индоевропейского, семитского и общего языкознания, оказал большое влияние на развитие структурной лингвистики.

А работать мне сейчас нелегко. Последнее время прихварывает Тамара. Она приготовилась лечь на операцию, но в назначенный для операции день заболела двухсторонним воспалением легких. Пришлось отвезти в больницу — не для операции, а для излечения воспаления легких. Сейчас эта болезнь позади, но она снова в больнице — перед операцией. Тамара шлет тебе и Кристине сердечный привет и всякие благожелания, а, главное, успехов в научной работе.

Ну, а теперь о научных новостях.

Я сообщил Дмитрию Сергеевичу (Лихачеву — М. Д., М. Р.) о твоих работах о «Слове», а также о труде Прицака. Дмитрий Сергеевич пишет, что давно не получал от тебя известий и дальше: «У нас в издательстве лежит огромный том о „Слове о полку Игореве“ и повестях о Куликовской битве [24]. Там много интересного. Концепция Мазона — Зимина⁸¹ может считаться окончательно похороненной».

Из приятных новостей — защита диссертации Зализняком. На защите в Институте славяноведения ему присудили за кандидатскую диссертацию — доктора.

В прошлом году руководил девятью дипломниками в Московском Университете. Среди дипломных работ была работа о сказовом стихе сказочника Новопольцева. Помнишь, о языке Новопольцева писал Л. Копецкий⁸². Подробное описание сказок дало интересные результаты. Сказочник действительно примечательный. Но наш Нефед Канарейкин — лучше!

Собираюсь в ближайшее время заняться нашим архивом в Литературном музее. Но теперь фольклорный сектор переехал в другое здание и пока там работать нельзя. Обещают в скором времени привести в порядок архив.

Готовлю статью для юбилейного сборника Беркова⁸³. Статья должна быть небольшой — 10 страниц на машинке. Я колебался написать ли о народной драме «Царь Максимилиан» или о повести о Фоме и Ереме. Остановился на Фоме и Ереме. Пришел к таким выводам. Как исполнители песен, так и переписчики рукописей допускают творческую импровизацию. Но, меняя текст, они сохраняли художественные приемы и в песне, и в повести. Так по разному выявляется оксюморонное построение рядом стоящих фраз типа «сладко пьют и едят: Ерема за редьку, Фома — за чеснок» или — в другом варианте — «Они пили-ели сладко, да носили хорошо: Ерема носил рогожу, а Фома торпье». И так далее. Точно также — о чем ты пишешь в поэтике [10. № 277] — в различных вариантах используются различные слова, но принцип сочетания одинаков: «Ерема пошел в березник, а Фома в сосняк» или «Ерему — дубиной, Фому — батоном». Ерема обязательно сочетается с амфибрахией (или хореем), а Фома — с ямбом. И т. п.

Боюсь, что к сроку статью не успею написать. Закончил трудоемкую статью «Воспоминания Шкарвана о Л. Толстом», которая войдет в двухтомное издание «Мировое значение Л. Толстого» [11. С. 540].

К славянскому съезду хочу подготовить доклад «Диалог в романе „Похождения Швейка“»⁸⁴. Недавно моя ученица в Воронеже защитила диссертацию на тему «Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта».

Очень, очень хочется с тобой увидеться.

Целую, обнимаю. Твой Петр.

Еще раз благодарю за посвящение. Очень тронуло в нем воспоминание о нашей совместной работе в 1915 году — 50-летний юбилей.

Сердечный привет Кристине и Анне Яковлевне. Костя пишет отдельно. Привет Свате.

⁸¹ А. Мазон и А. А. Зимин наиболее известные исследователи «Слова о полку Игореве», «скептики»; оба считали автором «Слова» архимандрита Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иоиля Быковского (1706—1798).

А. Мазон (1881—1967) — французский филолог-славист, историк русской литературы, один из основателей и бессменный редактор журнала «Revue des études slave».

А. А. Зимин (1920—1980) — историк, специалист по политической и социальной истории русского средневековья.

⁸² Л. В. Копецкий (1894—1976) — лингвист-славист, русский ученый-эмигрант, живший в Чехословакии.

⁸³ П. Н. Берков (1896—1969) — литературовед, специалист по русской литературе XVIII—XIX вв. (М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин), истории русского театра, журналистики и библиографии.

⁸⁴ Замысел остался неосуществленным.

Дорогой Петр,

горячо желаю Тамаре полнейшего и скорейшего выздоровления. Очень надеюсь, что увидимся, сперва в августе 1966 г. в Москве, где собираюсь прочесть доклад о восприятии звуков речи на междунар[одном] съезде психологов [10. № 361], а затем в сентябре в Варшаве на первом междунар[одном] съезде по семиотике, куда скоро получишь приглашение и где семиотику фольклора будете представлять Ты да Штейниц⁸⁵. Этнограф[ический] институт Чехослов[ацкой] АН чествует в октябре т[ого] ⁸⁶ г[ода] столетнюю годовщину рождения Нидерле⁸⁷, меня пригласили и поставили на программу 11 окт[ября] мой доклад о заветах Нидерле и очередных задачах слав[янской] мифологии. Может быть поеду. О том, что печатаю и что готовлю, порасскажет Кома. Посвященный Тебе том весь набран и, кроме индексов, сверстан; осенью выйдет непременно. Ты меня очень порадовал известием о находке наших верейских материалов. Пожалуйста, напиши подробней. Надо хоть часть издать, и мне это нетрудно сделать, если возможно получить фотокопии. Черкни поскорее. Всех Вас обнимаем и непрестанно вспоминаем.

Роман

19 [8. Л. 15]

29.1.66

Дорогой Петр,

с конца декабря ездим с Кристиной⁸⁸ по Италии, глазеим на старь и новь, читаем доклады в университетах, сейчас засели на три дня в горах, первый подлинный досуг за много месяцев, вот и пишу письма. Желаю и Тебе, и Тамаре, и всему семейству здоровья, здоровья и здоровья и безоблачного года. Уже с 8-ого февраля буду дома, напиши мне, как живете-можете. Что Ты написал для сборника Беркову? Я послал грамматич[еский] анализ тобольских стихов Радищева [10. № 372]. А мой том, Тебе посвященный, выйдет, наконец, в последних числах февраля и будет Тебе тотчас же послан. Мне пришлось в последний момент, уже после всех семи указателей, написать длинный Postscriptum и прочесть его корректуру в Риме, теперь же все готово. Одновременно работаю над 3-им томом своих сочинений, озаглавленном «Поэзия грамматики и грамматика поэзии»; недавно написал для него длинный экскурс о параллелизме, особенно в рус[ском] фольклоре, думаю, Тебе понравится; он сперва выйдет летом в журнале «Language» [10. № 365], а потом к концу года в расширенном виде в названном томе. Пиши же мне! Горячо, горячо Вас всех обнимаю.

Роман

20 [9. Л. 4—4 об.]

Москва, 11-го февраля 1966 г.

Дорогой Роман!

Несколько дней тому назад вернулся из Переделкина, где мы с Тамарой в Доме творчества прожили весь январь мес[яц].

Очень рад твоему письму. Впрочем, как говорится у Островского, «равномерно» и все семейство.

Одновременно с этим письмом посылаю тебе 2 книги: хрестоматию «Русская фольклористика» [25] и «Судьбы русской сказки» [26] — докторская диссертация Э. В. Померанцевой⁸⁹.

Рад за тебя, что ты послал своевременно статью, посвященную Беркову. У меня со статьями в сборнике Беркова и Гавацци из-за болезни Тамары произошла задержка. Я не успел вовремя послать в Белград в сборник Гавацци статью «Своеобразное бессмертие эпического героя». Ортутай обещал мне напечатать ее в этнографических Трудах Венгерской Академии наук с посвящением Гавацци

⁸⁵ В. Штейниц (1905—1967) — немецкий языковед, этнограф, фольклорист, автор работ по языку, истории, быту, фольклору угро-финских народов.

⁸⁶ Очевидно, описка, следует читать — сего.

⁸⁷ Л. Нидерле (1865—1944) — чешский историк и археолог, специалист по славянским древностям.

⁸⁸ К. Поморска — филолог, третья жена Р. О. Якобсона.

⁸⁹ Э. В. Померанцева (Гофман) — историк, фольклорист, исследователь русской сказки, взаимоотношений литературы и фольклора.

[11. С. 541]. Запоздал я и со статьей в сборник Беркова⁹⁰. Придется поместить в каком-нибудь журнале с посвящением ему, так, как мы это с тобой сделали в «Вопросах языкознания», посвятив статьи Жирмунскому [27; 11. С. 539; 10. № 285]. Я еще до сих пор не решил на какую тему буду писать статью, посвященную Беркову.

Очень рад за тебя и Кристину, что у Вас так успешно прошла поездка по Италии: совместили приятное с полезным. Я в ноябре с 15-го по 23-е был по приглашению Венгерской Академии наук, на кафедре этнографии в университете, вел беседу с аспирантами на кафедре русского языка и литературы, выступил также в Институте театроведения. Кроме того прочел лекцию в Дебреценском университете. К сожалению за 8 дней многого не повидал. Ортутай был необычайно мил и прекрасно организовал мою работу. Проф[ессора] Бала Гунди не видел, он командирован на целый год в США читать лекции по венгерской этнографии. Я написал небольшую статью о своей поездке в Венгрию для Вестника Московского университета [11. С. 541]. Пришло ее тебе. Вышла моя довольная (так — М. Д., М. Р.) большая публикация «Глазами словацкого друга» о Шкарване. Публикация напечатана во второй книге 75-го тома Литературного наследия, озаглавленного «Толстой и зарубежный мир». Как только получу оттиски пришлю. Помнишь, как мы в газете «Лидове новинь» целую страницу посвятили Шкарвану⁹¹. В этом же томе, где помещена моя публикация, несколько страниц посвящено Н. К. Гудзю. Смерть Николая Калининича большая утрата и для нашей науки и для его друзей. Я был у него незадолго перед его смертью и рассказывал ему о твоих статьях о «Слове», которые ты включил в том своих сочинений.

Жду с нетерпением тома твоих сочинений. Когда выйдет 2-ой том Псковского словника?

У нас семейная радость: Костя принят в члены Союза советских писателей.

Крепко обнимаю. Твой [Петр]

Самый сердечный привет Кристине! Ждем к съезду психологов.

Сердечный привет Кристине и тебе. Очень рада скорой встрече! Тамара.

21 [8. Л. 16]

[Телеграмма Богатыреву]

11.06.66

Буду в Москве на съезде психологов с третьего до одиннадцатого августа, затем на Ленинградском семинаре до шестнадцатого августа, откуда с остановкой в Москве полечу в Софию. Сообщи друзьям эти даты.

Роман.

22 [9. Л. 5—5 об.]

13.V.66

Дорогой Роман!

Вчера получил твою телеграмму и тут же ответил телеграммой. Книгу (4-ый том твоих сочинений) я своевременно получил. Прости, что не подтвердил тут же.

Я уже успел показать книгу знакомым, которые тебя уважают и любят.

В. Д. Кузьмина⁹² написала статью о «Слове»: ответ Мазону на его последнюю статью в «Ревю» об Ионии⁹³ и рецензию на опубликованную Мазоном статью Успенского о «Слове» [29]. В своей статье она хочет упомянуть и твои статьи (IV т.)⁹⁴. Ее статья должна выйти в «Известиях ОЛЯ».

⁹⁰ Исследование «Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII в., надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме» Богатырев поместил в сборнике в честь 70-летия Р. О. Якобсона [28].

⁹¹ Статью о Шкарване Богатырев и Якобсон опубликовали не в «L'idove poviny», а в газете, выходившей на немецком языке «Prager Presse» в ноябре 1935 г. [11. С. 500; 10. № 39].

⁹² В. Д. Кузьмина (1908—1968) — литературовед, специалист по истории древнерусской литературы, ее взаимовлияниям с византийской и другими славянскими литературами, истории русского театра и журналистики XVIII в.

⁹³ Имеется в виду Иоиль Быковский.

⁹⁴ В. Д. Кузьмина сделала к своей статье специальный постскрипtum, в котором указывала, что ознакомилась с IV томом собрания сочинений Якобсона «во время чтения верстки настоящей статьи». Она отметила двадцатипятилетнюю полемику Якобсона с А. Мазоном и его критический разбор статьи М. И. Успенского и написанных к ней А. Мазоном введения и комментариев [29. С. 207].

Недавно в Москве были Гавранек, Мареш⁹⁵ и Курц. Они приезжали на совещание в Институт русского языка АН по составлению словаря церковно-славянского языка. Были у нас дома.

Получил от Мукаржовского⁹⁶ траурное сообщение о кончине Зденки Мукаржовской.

Одновременно с этим письмом посылаю тебе 75-й том Литературного наследства в дух выпуска «Толстой и зарубежный мир». Во 2 вып[уске] помещена моя публикация «Глазами словацкого друга». К сожалению, мне не удалось поместить упоминание о нашей первой редакции отрывков из дневника Шарвана.

В порядке лирического отступления, как я уже тебе писал, твоё посвящение для меня высшая награда, после этого можно произнести «ныне отпускающе». Впрочем пока научного оружия складывать не думаю.

Мы планируем свой летний отпуск — июль—август. Ждем приглашение от племянника из Чехословакии (Братиславы). Поэтому нам необходимо знать будешь ли ты и когда в Москве на съезде психологов. Обязательно сообщи по возможности быстрее.

Работы всю зиму было очень много и разной. Выходит 5-й том собраний сочинений Гашека под мой общей редакцией.

Обнимаем и целуем тебя и Крестину.

[Петр]

23 [8. Л. 17]

14 сент[ября] 1967

Дорогие Петр и Тамара,

радостно вспоминаю недавние, слишком быстро пролетевшие московские дни. Спасибо за чудесное гостеприимство, спасибо, как говорят норвежские крестьяне, за то, что Вы существуете. Бухарестский съезд⁹⁷, собравший до двух тысяч лингвистов прошел очень дружно и с явным напором на всяческие междисциплинарные вопросы, а новых идей и методов как будто не обнаружилось. Встретил моих друзей, в загребском аэропорте меня ждал милейший Гаваци, сердечно Вам кланяется. Здесь в Дубровнике вот уже неделю отдыхаем и, что ни день, ненароком встречаем приятелей то сербских, то польских, то русских⁹⁸, то чешских и т. д.купаемся, бродим по волшебному городу, съездили в Черногорию, накатал русскую статью о *v* и *f* для сборника в честь Яблоньской⁹⁹ [10. № 404], а послезавтра летим в Париж, где меня ждут телевизионные дискуссии о новой лингвистике и о ее сродстве с молекулярной генетикой. В двадцатых числах сентября вернемся сперва Крестина, потом и я восвою, где ждет меня уйма срочной работы. В Бухаресте de Ridder устроил, как Вы уже наверно слышали от участников, дружеский обед, где вручил мне первый том сборника со статьями авторов от А до латинского Н. Остальные два тома должны выйти в течение ближайших недель¹⁰⁰. Преподнес он мне и огромный том, артистически составленный из facsimile всех авторских приветственных писем от А от Z. Он издан в одном единственном — для юбиляра — экземпляре. Обе книги я держал в руках всего несколько минут, п[отому] ч[то] после обеда надобно было спешить на очередное заседание, а он их забрал, чтобы передать мне в Дубровнике, куда он клятвенно обещал прибыть, но не прибыл. Либо получу их в Париже, либо пошлет их вслед за мной. Выглядит все на ять, а с содержанием так и не успел познакомиться. Обещал сделать для тебя дополнительные оттиски статьи. Посылаю Вам письмо для Ник[олая] Феоф[ановича], буду счастлив, если оно его, хоть на миг порадует. Очень прошу Тебя, Петр, попросить Суперфина¹⁰¹ о розыске наших фольклор[ных] тетрадей. Готов воздать ему сторицей. Крепко накрепко обоих обнимаю, равно и Костю с Соней. Пишите! До свидания!

Ваш Роман. Главное будьте здоровы!!!

⁹⁵ Ф. В. Мареш — чешский филолог-славист, специалист по сравнительному славянскому языкознанию, старославянскому и церковнославянскому языкам, палеографии. После 1968 г. работает в Венском университете.

⁹⁶ Я. Мукаржовский (1891—1975) — чешский лингвист, литературовед, искусствовед, в работах по эстетике занимался проблемами театра, живописи, кино, архитектуры. Вместе с Якобсоном и Богатыревым входил в Пражский лингвистический кружок.

⁹⁷ X Международный съезд лингвистов проходил в Бухаресте с 28 августа по 2 сентября 1967 г.

⁹⁸ В сентябре 1967 г. в Белграде проходил V конгресс Международной ассоциации по сравнительному литературоведению. Упоминающиеся Якобсоном русские коллеги — участники конгресса, посетившие в эти дни Дубровник в группе «научного туризма».

⁹⁹ А. Обрембска-Яблоньска — польский лингвист, специалист в области истории славянских языков и сравнительной грамматики, автор работ о «Слове о полку Игореве».

¹⁰⁰ Трехтомное издание было подготовлено к 70-летию Р. О. Якобсона [30].

¹⁰¹ Г. Г. Суперфин помогал П. Г. Богатыреву в разыскании различных архивных материалов, в частности, бумаг Н. С. Трубецкого в архивах СССР.

14 сент[ября] 1967

Дорогой Николай Феофанович¹⁰²,

очень вспоминал Вас на недавнем десятом Международном съезде лингвистов, как мы с Вами дружески беседовали на первом, гаагском, лингвистическом съезде без малого сорок лет тому назад¹⁰³. Те основные принципы общего языкознания, которое и Вам, и мне, в то время рисовались и за которые мы оба вместе с Николаем Сергеевичем Трубецким¹⁰⁴ посильно ратовали, ныне частью осуществлены и прочно вошли в современную лингвистику, частью близки к реализации. Мне так хочется сказать Вам по этому поводу, что и я, и все близкие мне научные работники неизменно восхищаемся Вашими отважными лингвистическими исканиями и Вашим воистину великолепным вкладом в нашу науку: о Ваших замечательных трудах и их основоположном значении для мировой лингвистики я пишу специальную статью в связи с Вашим семидесятипятилетним юбилеем, с которым Вас от всей души поздравляю. Крепко жму Вашу руку, шлю Вам сердечнейшие пожелания, а при следующем приезде в Москву непременно у Вас побывать. Вспомним вместе наши верейские деньки.

Любящий Вас

(Роман Якобсон).

25 [9. Л. 6—7]

Дорогой Роман!

Дружим мы с Тобой больше полувека.

Мне посчастливилось за эти долгие годы следить за твоими научными успехами и достижениями, начиная со студенческой скамьи. Трудно в небольшом письме охватить всю твою научную деятельность за 50 лет с лишним. Нужен большой коллективный труд ученых разнообразных дисциплин, чтобы достойно оценить все, что Ты сделал для науки. Здесь в этом коротком письме я хотел бы несколькими словами отметить только отдельные стороны и эпизоды Твоей научной деятельности, свидетелем которой я был.

Вместе мы с Тобой работали на семинарах наших дорогих учителей Н. Н. Дурново¹⁰⁵, Д. Н. Ушакова¹⁰⁶. Вместе посещали заседания Московской диалектологической комиссии, комиссии по народной словесности и других научных обществ. Неоднократно я слышал, как высоко ценили Тебя — студента — наши учителя Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. А. Шахматов, М. Н. Сперанский¹⁰⁷, В. А. Гордлевский¹⁰⁸, Е. Н. Елеонская¹⁰⁹ и наши старшие товарищи Н. С. Трубецкой, Б. И. Ярхо¹¹⁰, Б. и Ю. Соколовы¹¹¹. Помню, с какой радостью мы, твои университетские товарищи, встретили Твой первый научный успех, когда Тебе, студенту II-го курса была присуждена премия им[ени] Ф. И. Буслаева за работу «Язык архангельских былин».

¹⁰²Копия письма Якобсона Н. Ф. Яковлеву находится в архиве Богатырева.

¹⁰³I Международный конгресс лингвистов состоялся в Голландии 10—14 апреля 1928 г.

¹⁰⁴Н. С. Трубецкой (1890—1938) — филолог, славист и компаративист, разработал принципы фонологии и морфологии как особых лингвистических дисциплин. Один из основателей Пражского лингвистического кружка, теоретик евразийства.

¹⁰⁵Н. Н. Дурново (1876—1937) — лингвист, специалист по истории и диалектологии русского языка, по проблемам происхождения старославянского языка, кириллицы и глаголицы.

Дурново был в 1934 г. осужден на 10 лет за «связь» с евразийской эмиграцией, в частности, с Якобсоном, но тем не менее, уже находясь в Соловецком лагере, ученый писал в записке, обращенной к властям, — «он самый талантливый из моих учеников» [31].

¹⁰⁶Д. Н. Ушаков (1873—1942) — лингвист, специалист по общему языкознанию, диалектологии, истории русского языка, орфографии, орфоэпии, лексикографии; составитель «Толкового словаря русского языка».

¹⁰⁷М. Н. Сперанский (1863—1938) — историк литературы и театра, этнограф, фольклорист, специалист по средневековой литературе славянских народов.

¹⁰⁸В. А. Гордлевский (1876—1956) — историк и филолог, востоковед-тюрколог, этнограф.

¹⁰⁹Е. Н. Елеонская (1873—1951) — этнограф, специалист по русской и сибирской этнографии и фольклору.

¹¹⁰Б. И. Ярхо (1889—1942) — литературовед и переводчик, специалист по европейским средневековым литературам, фольклору и эпосу, занимался вопросами поэтики и стиховедением, переводил средневековую латинскую поэзию.

¹¹¹Б. М. Соколов (1889—1930) — этнограф, фольклорист и литературовед, исследователь былин и исторических песен.

Ю. М. Соколов (1889—1941) — фольклорист и литературовед, автор теоретических работ о взаимоотношениях литературы и фольклора.

Мы не раз вспоминали с Тобой наши походы (при соучастии Н. Ф. Яковлева) из села в село по Верейскому у[езду] Московской губ[ернии] в поисках фольклорного и диалектологического материала. Твой живой интерес и любовь к собираемому материалу и к его носителям, крестьянам, создавали ту необходимую для этнографа и фольклориста обстановку, ту дружескую атмосферу, когда незаметно рушится стена между горожанином-фольклористом и крестьянином-хранителем фольклора. Я всегда восхищался Твоим «талантом» расположить к себе крестьян-хранителей народной поэзии, что так необходимо при собирании фольклора и этнографии. Крестьяне делились с Тобой и с нами — участниками экспедиций — хранимым и создаваемым им фольклором так охотно, как делились этим богатством со своими односельчанами. Еще до сих пор Ты с большим интересом и любовью вспоминаешь о наших встречах со сказочниками Нефедин (так — М. Д., М. Р.) и Конарейкиным, Булкиным, Светлановым и Фонским, и рассказчиками по прозвищу «деревянный бог» и по прозвищу «роскошный человек». Вспоминаю Твою дружбу с парнями (ведь и мы сами были тогда молоды-парнями!), которые так охотно делились с нами своими песнями, частушками и т. п., считавшие тебя «своим», искренне любившие тебя и позднее посещавшие тебя в Москве.

Ты был одним из инициаторов и первым председателем скромного студенческого кружка, который вырос потом в Московский Лингвистический кружок и впоследствии сыграл видную роль среди московских филологов. Благодаря тебе работа в Лингвистическом кружке с самых его первых шагов носила дружеский, коллективный характер. С увлечением работая над собственными исследованиями, Ты всегда живо интересовался работами своих товарищей, щедро делясь с ними своими знаниями и своими научными находками.

Я имел также возможность в течение многих лет следить за твоей научной деятельностью в Чехословакии и за твоей большой благотворной работой в Пражском лингвистическом кружке. Здесь хотелось бы отметить твою тесную совместную работу не только с филологами, но и с твоими друзьями-писателями Незвалом, Сейфертом, Ванчурой, Ольбрахтом, Горою¹¹² и др., а также деятелями искусства К. Тейге, Е. Бурианом, Восковцем, Верихом¹¹³ и др. Помню, с каким уважением и восторгом они все отзывались о твоих работах. Ты сумел привлечь многих из чешских и словацких писателей и деятелей искусства к совместной работе с филологами в публикациях Пражского лингвистического кружка. Недавно Твою роль в чешской и словацкой культурной жизни высоко оценил в словацкой печати Лацо Новомесский¹¹⁴.

Особо хотел бы отметить, как много Ты сделал для ознакомления широких кругов чехословацкого общества с русской культурой. Помню, как много труда Ты положил, редактируя юбилейное издание собрания сочинений А. С. Пушкина в новых чешских переводах¹¹⁵.

Хочется еще много сказать о Тебе не только как об ученом, но и как о человеке и верном друге. Но в письме всего не скажешь.

Желаю Тебе, дорогой Роман, долгой спокойной жизни и бурной деятельности, здоровья, творческих достижений, быть таким же молодым, каким я Тебя знал студентом 1-го курса, помогать и после 70-летнего юбилея всем друзьям и коллегам, как Ты это делал с первых шагов своей студенческой жизни до настоящего юбилея.

Еще желаю быстрее выхода следующего тома собрания Твоих сочинений. Жду выхода каждого тома с большим нетерпением, как и выхода Твоих новых и новых работ.

Надеюсь, что мы с Тобой будем еще много раз встречаться, и я доскажу то, чего не дописал. Поздравляю, обнимаю и целую

Октябрь, 1966 г. Твой Петр.

26 [8. Л. 19—19 об.]

14 III 69

Дорогой Петр и Тамара,

Вы меня чрезвычайно порадовали письмом, а то со времени нашей последней встречи (до чего хотелось бы снова повидаться) не было ни от Вас, ни о Вас никаких вестей. Очень рады, что Вы оба здоровы, и что работа идет на славу. У меня за эту осень и зиму было много странствий — сентябрь скитались мы оба по Бразилии с множеством лекций, трижды был в Париже, где стало невесело, прочел доклад по семиотике в Милане (надеюсь, скоро выйдет), заглянул в Рим, и, кроме лекций здесь, немало прочел их в разных других американских университетах. В декабре нас обоих свалил

¹¹²В. Незвал (1890—1958), Я. Сейферт (1901—1986), В. Ванчур (1891—1945), И. Ольбрахт (1882—1952), Й. Гора (1891—1945) — чешские писатели, примыкавшие в основном к авангарду, общественные деятели левой ориентации.

¹¹³К. Тейге (1900—1951), Е. Буриан (1904—1959), Й. Восковец (1905—1981), Я. Верих (1905—1980) — чешские актеры, драматурги.

¹¹⁴Л. Новомесский (1904—1976) — словацкий поэт, общественный и политический деятель.

¹¹⁵Якобсон вместе с А. Л. Бемом подготовили собрание сочинений А. С. Пушкина, опубликованное в Чехословакии в 1936—1938 годах.

было эпидемический грипп, основательно помявший мое сердце и легкие, но оба оправились и работаем почем зря. Мой второй том почти весь напечатан и выйдет к осени ¹¹⁶ [10. № 459], третий — о грамматике поэзии — уже частью набран, оба вместе составят без мала две тысячи страниц. Второй посвящен, так сказать, памяти обоих лингвистических кружков ¹¹⁷. Большая моя работа о месте языкознания среди наук печатается в сборнике UNESCO [10. № 438, 439], много у меня статей во всяческих еще не вышедших юбилейных сборниках, в частности, в честь Ахаледиани ¹¹⁸ [10. № 422], Адриановой-Перетц [10. № 423] и покойного Кузнецова ¹¹⁹ (когда выйдет? — не ведаю) ¹²⁰. Посылаю Вам пачку оттисков, а Кристина свою книгу и тоже оттиски. В мае еду на семь лекций в Пизу и, кажется, на полувековой юбилей моего с Богушем университета ¹²¹, июнь — июль будем снова работать в Salk Institute for Biological Studies (San Diego) ¹²², август под вопросом, а на сентябрь принял приглашение на римск[ий] съезд по социолингвистике и приглашение Курца ¹²³ на симпозиум о Кир[илле] и Мефодии. Псковский разговорник выйдет летом, и Ты тотчас же его получишь. Из книг, о которых Ты спрашиваешь, есть ли они у меня, том АН «Славянские литературы» ¹²⁴ с Твоей интересной статьей [11. С. 542] у меня есть. Получил ли Ты Твою и мою фотогр[афию] со славистич[еского] съезда? ¹²⁵ Меня она очень порадовала. «Игоря» Адриановой-Перетц [32] она [сама] мне прислала. А статей И. И. Толстого ¹²⁶ о фольклоре [33] не видал. Пожалуйста, пришли. Мое исследование о Велесе печатается в сб[орнике] в честь Пизани (в Милане) [10. № 416] и вот-вот должно выйти. Разумеется, пришлю. Темы Твоих очередных работ очень увлекательны и желаю Тебе их успешного завершения. Я составил для себя список моих тем и ужаснулся, до чего разбрасываюсь. У меня в науке страшно полигамный пошиб. Не смейся, дорогая Тамара! Вот Вам мои очередные темы: «От младенчества к речи», «Очередные вопросы фонологических основ», «Происхождение славянского ирмология» [10. Р. 49], «Словесное мастерство поэтов-художников» [10. № 416], «Сонет Шекспира» [10. № 427], «Альбомная проза Гоголя» ¹²⁷, «Анализ древнеяпонского стихосложения», «Сборник писем Н. С. Трубецкого», «Место языка в становлении человечества» и вступительные статьи к тому Хлебникова ¹²⁸ в перев[оде] Эльзы Триолэ ¹²⁹, к франц[узскому] переводу «Морфол[огии] волш[ебных] сказок» Проппа ¹³⁰ [10. Р. 48] к американскому сборнику работ по метрике различных языков, к большущему тому моих статей о славян[ских] средневековых литературах и культурах в итал[ьянском] переводе [10. Р. 48], к японскому тому моих лингвистич[еских] статей. И Тамара права, в момент работы над каждой из этих тем мне кажется, что это моя подлинная и единственная тема. Не знаю только, кажется ли то же и тебе.

Крепко обнимаю Вас обоих и с Костей.

Кристина шлет благодарность за трогательную фотокарточку.

Роман.

¹¹⁶ Второй том собрания сочинений Якобсона вышел в следующем, 1971 г. [10, № 459].

¹¹⁷ Московский (1915—1924) и Пражский (1926—1953) лингвистические кружки.

¹¹⁸ Г. С. Ахаледиани (1887—1973) — лингвист, специалист по индоиранистике, кавказоведению и общему языкознанию.

¹¹⁹ П. С. Кузнецов (1899—1968) — лингвист, специалист по фонологии, диалектологии и истории русского языка, славяноведению, общему языкознанию, структурной и прикладной лингвистике.

¹²⁰ Сборник вышел в следующем, 1970 г.

¹²¹ Якобсон имеет в виду юбилей Университета в Брно, основанного в 1919 г., в котором он преподавал.

¹²² Институт в Калифорнии.

¹²³ Й. Курц (1901—1972) — чешский лингвист, специалист по сравнительному языкознанию.

¹²⁴ Том докладов советской делегации, подготовленных к VIII Международному съезду славистов в Праге в августе 1968 г. [11, с. 542].

¹²⁵ Имеется в виду съезд славистов в Праге.

¹²⁶ И. И. Толстой (1880—1954) — филолог-классик, специалист по языку, быту, культам, искусству, фольклору античности, сравнительному изучению фольклора, много исследований посвятил эпиграфике и изданию текстов:

¹²⁷ Эта работа вышла в 1972 [10. Р. 48].

¹²⁸ В. Хлебников (1885—1922) — поэт, один из ведущих русских футуристов («будетлян»).

¹²⁹ Э. Триоле (1896—1970) — французская писательница и переводчица русской литературы, сестра Л. Брик.

¹³⁰ В. Я. Пропп (1895—1970) — филолог, исследователь теории и истории фольклора. Особенно известны две его работы: «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946).

Роман поздравляет Костю с браком¹³¹, Тамару с днем рождения, Петра с неустанной научной работой. Очень просит прислать ему поскорее оба тома Съезда этнологов с докладами Петра и Романа. Роман читает лекции, много пишет, закончил монографию о старослав[янской] поэзии для датск[ой] академии, 2-й том разговорника с пословицами только что вышел; незамедленно (так — *М. Д., М. Р.*) получите. 2-й [том] собр[ания] сочинений дореиздается [10. № 459], 3-й о грамматике поэзии частью в корректуре, частью в рукописи, том писем Труб[ецкому] выйдет зимой¹³². О здоровье расскажут. Спасибо за книги. Оба крепко обнимают, очень соскучились¹³³.
Получено в сентябре 1970 г. из Парижа¹³⁴.

28 [9. Л. 8—8 об.]

Москва, 10 XI 70

Дорогой Роман!

Очень, очень рады были получить от тебя весточку. Мы так мало и редко переписываемся! Твою весточку показывали всем общим друзьям, и все в восторге от твоей научной продуктивности и работоспособности, и ждут твоих новых работ.

Недавно послал тебе заказной бандеролью 5-ый том (с твоей статьей) [10. № 451], 6-ой (с моей статьей) [11. С. 542]. Трудов 7-го съезда антропологических и этнографических наук и оттиск моей статьи «Заметки о народном театре» из сборника, посвященного Ортугаю. Подтверди! Как член VII конгресса ты должен получить VI, том V и VII (посвященный народному изобразительному искусству и народной музыке) от Института этнографии АН. По техническим причинам рассылка томов членам конгресса задержалась и поэтому я решил послать тебе V, VI от себя. Но ты обязательно получишь причитающиеся тебе V, VI и VII тт. от Института. Я постараюсь ускорить высылку.

С нетерпением жду твоих новых работ, в первую очередь 2-ой том разговорника.

Я получил первую корректуру моего сборника на русском яз[ыке] в гос[ударственном] изд[ательстве] «Искусство» [11]. Обещают выпустить в свет в 1971 г.

Книги: Лотмана¹³⁵ («Структура художественного текста» [35]) и Успенского (Б. А. Успенский — *М. Д., М. Р.*) («Поэтика композиции» [36]), а также тезисы докладов 4-ой летней школы (Тарту, август 1970 г. [37]) надеюсь ты получишь.

В голове несколько заготовок новых статей. Как-нибудь сообщу об их планах.

Жду книгу Кристины. В Москве в сентябре гостила Соня из Брна.

Очень скучаем и все мы Вас обоих обнимаем и целуем. Обязательно сообщи о здоровье своем и Кристины.

Твой Петр

Пока собирался послать письмо, накопились новости, которые спешу сообщить. Получил II т. Разговорника 1607 г. Большое, прелюбное спасибо. Вышел VIII т. Международного конгресса антропологов и этнологов в Москве. Я его тебе пошлю. Там две статьи на тему славянской мифологии: Рыбакова (Б. А. Рыбаков — *М. Д., М. Р.*) [38. С. 139—144] и Живанчича (В. Живанчич — *М. Д., М. Р.*) [38. С. 46—49] (Волос-Велес).

Ты получишь 5, 6, 7 и 8 тт. от Института этнографии, вероятно, только в январе. Получение книг от меня подтверди.

25 ноября в Московском университете было заседание, посвященное 75-летию М. М. Бахтина¹³⁶. Доклады: Кома — о творчестве Бахтина, я — значение книги «Рабле и народная культура средневековья и ренессанса» для фольклористики.

Целую

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Вяч. Вс. Лингвистический путь Романа Якобсона // *Якобсон Р. Избранные работы*. М., 1985.
2. Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Якобсона // *Якобсон Р. Работы по поэтике*. М., 1987.
3. Гусев В. Е. Этнографическая проблематика в трудах П. Г. Богатырева (К 100-летию со дня рождения) // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 5.
4. Гусев В. Е. Выдающийся фольклорист XX века // *Живая старина*. 1994. № 1.

¹³¹ Имеется в виду вторая женитьба К. П. Богатырева.

¹³² Сборник писем появился только в 1975 г. [34].

¹³³ По почерку установлено, что автором записки является сам Якобсон.

¹³⁴ Приписка сделана неустановленным почерком.

¹³⁵ Ю. М. Лотман (1922—1993) — литературовед, специалист по теории и истории русской литературы, глава Тартуской школы семиотики.

¹³⁶ М. М. Бахтин (1895—1975) — философ, теоретик литературы.

5. Толстой Н. И. Петр Григорьевич Богатырев и Роман Осипович Якобсон//Живая старина. 1994. № 1.
6. Архив Министерства безопасности Российской Федерации по Архангельской области. Д. 28879.
7. Письма П. Г. Богатырева к Д. К. Зеленину//Подг. к публикации, предисловие и комментарий А. М. Решетова//Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 131.
8. Архив РАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 438.
9. Архив РАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 249.
10. Jakobson R. A bibliography of his writings/with a foreword by Van Schooneveld. The Hague-Paris. 1971.
11. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
12. Jakobson R. Six leçons le son et le sens. Paris, 1976.
13. Архив РАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 441. Л. 1.
14. Вопросы языкознания. 1956. № 4.
15. Старинная русская повесть. Статьи и исследования/Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1941.
16. IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960.
17. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958.
18. Сборник ответов по языкознанию. IV Международный съезд славистов. М., 1958.
19. Зализняк А. А. Краткий русско-французский учебный словарь. М., 1961.
20. Холишевников В. Е. Основы русского стиховедения. Л., 1958.
21. Холишевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л., 1962.
22. Pritsak O. The Igor' Tale and the Eurasian Steppe. The Hague, 1966.
23. Буславев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897.
24. «Слово о полку Игореве» и памятники куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.
25. Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов. М., 1965.
26. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965.
27. Вопросы языкознания. 1962. № 3.
28. To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventeenth birthday 11 Oct. 1966. The Hague-Paris, 1967. Vol. 1. P. 318—334.
29. Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»?//Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1966. Т. 25, вып. 3.
30. To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventeenth birthday 11 Oct. 1966. The Hague-Paris, 1967. Vol. 1—3.
31. Робинсон М. А., Петровский Л. П. Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «Дела славистов» (по материалам ОГПУ—НКВД)//Славяноведение. 1992. № 4. С. 79.
32. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.
33. Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966.
34. N. S. Trubetzkoy' Letters and Notes/Prepared for publication by Roman Jakobson with assistance of H. Varan, O. Ronen and Martha Taylor. The Hague-Paris, 1975.
35. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
36. Успенский Б. А. Поэтика и композиция. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
37. Летняя школа по вторичным моделирующим системам, 4-я Кяэрику. 1970. Тезисы докладов 17—22 авг. 1970. Тарту, 1970.
38. VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3—10 августа 1964). М., 1970. Т. VIII.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Г. В. ВЕРНАДСКОГО И А. В. ФЛОРОВСКОГО

Переписка двух известных русских историков-эмигрантов представляет большой интерес для исследователей. К сожалению, мы не располагаем всем ее объемом. В личном фонде А. В. Флоровского в Архиве Российской Академии наук сохранилось 55 писем Г. В. Вернадского за 1920—1950-е годы [1] и шесть писем самого Флоровского, относящихся к 1948—1951 гг. [2]. Все письма Вернадского являются автографами; письма Флоровского представляют собой рукописные и машинописные тексты.

В судьбах обоих ученых было немало сходного. Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973), сын известного ученого, академика В. И. Вернадского, окончил Московский университет, преподавал в Пермском, Таврическом университетах. В эмиграции сначала жил в Праге и преподавал на Юридическом факультете Карлова университета (1922—1927), затем в 1927 г. переехал в Америку, где и оставался до конца жизни, будучи профессором Йельского университета [3. С. 122].

Антоний Васильевич Флоровский (1884—1968) по окончании Новороссийского университета читал в нем и других учебных заведениях Одессы курсы лекций по истории России. В 1922 г. он был вынужден покинуть родину и после некоторых мытарств поселился в Праге, которая стала его пристанищем до конца дней. Здесь он продолжал преподавательскую деятельность как в русских эмигрантских учебных заведениях, так и в Карловом университете [3. С. 234—244].

Научные интересы обоих историков были весьма разнообразны; оба отличались достаточно широким историческим кругозором (о чем свидетельствуют списки их трудов [3. С. 122—124, 179—182]). Однако Вернадского больше привлекал период древней истории Руси, а Флоровский отдавал предпочтение XVIII—XIX вв., а также истории межславянских отношений. Оба ученых были членами Русского исторического общества в Праге и Семинара (Института) им. Н. П. Кондакова и принимали участие в их изданиях. Эта деятельность сближала ученых и часто составляла стержень их переписки.

Знакомство А. В. Флоровского и Г. В. Вернадского, вероятно, произошло через брата Антония Васильевича — Георгия Васильевича Флоровского (1893—1979), философа, теолога, в 1920 г. уехавшего из России, жившего в Праге, Париже, а затем обосновавшегося в Америке, где он был профессором Гарвардского

Аксенова Елена Петровна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

университета [3. С. 182]. Г. В. Флоровский был вначале приверженцем евразийской теории, от которой вскоре отошел. Это увлечение разделял и Г. В. Вернадский, с евразийских позиций рассматривавший историю России [4. С. 6, 9, 16, 100—109]. Старший Флоровский не связывал свои научные исследования с этой модной в то время в эмигрантских кругах теорией, что, впрочем, нисколько не отразилось на его контактах с Вернадским, трудами которого он постоянно интересовался.

Первое письмо Г. В. Вернадского из хранящихся в архиве А. В. Флоровского датировано 6 октября 1922 г. Это был тяжелый период в жизни Флоровского, когда он после высылки из России, пробыв некоторое время в Константинополе, переехал в Софию, где жили его родители и сестра, а также семья дяди, известного слависта М. Г. Попруженко. Но в Софии Флоровский был без работы и стремился попасть в Прагу, где находился один из основных заграничных русских научных центров, о котором проявляло заботу и правительство Чехословакии. Возможно, через брата Флоровского, который жил тогда тоже в Праге и принимал участие в судьбе Антония Васильевича [5. Л. 1—1 об.], Вернадский узнал о его положении, но не исключено, что А. В. Флоровский сам обратился к нему с просьбой о приискании работы в Праге (так как в конце письма Вернадского есть приписка о том, что он давно не видел Г. В. Флоровского [1. Л. 1 об.]). Так или иначе, Вернадский с готовностью взялся за хлопоты по этому делу: «Разумеется,— писал он,— сделаю все, что возможно, чтобы устроилась Вам стипендия в Праге. [...] С Н. П. Кондаковым говорил о Вас, как будто есть надежда пока на стипендию в уменьшенном размере — я думаю, Вы согласились бы на это» [1. Л. 1].

Понимая, что в работе историка, лишенного возможности обращаться к материалам отечественных архивов, важную роль играют библиотеки, Вернадский сообщал в том же письме, что русская история в книжных собраниях пражских библиотек представлена не очень хорошо — в них не найти даже «Полного собрания законов Российской империи». Зато из Праги можно иногда ездить в Берлин или Вену, «где библиотеки сравнительно хороши» [1. Л. 1 об.]. Вернадский искренно желал приезда Флоровского в Прагу. Зная его прошлые работы, он интересовался новыми трудами историка. О себе Вернадский писал следующее: «Я здесь читаю историю русского права на русск[ом] юрид[ическом] факультете. Вести какую-нибудь свою работу по русской истории мне не удастся. Занимаюсь понемногу историей Византии, к которой имел большой вкус и раньше и усилил его еще во время моего годичного почти пребывания в Афинах, где, впрочем, заработки не оставляли мне почти времени для занятий» [1. Л. 1 об.].

Хлопоты Г. В. Вернадского завершились успешно, и в начале 1923 г. А. В. Флоровский перебрался в Прагу, но проблемы бытового устройства были решены не сразу, и Вернадский не оставлял своих забот о коллеге. 12 января 1925 г. он сообщал Флоровскому, что просил правление Общества профессорского дома в Праге рассмотреть вопрос о квартире для Флоровского [1. Л. 10—10 об.].

Однако подобные вопросы отступали на второй план, уступая первое место более важным для ученых проблемам. Нехватка необходимой для научных занятий литературы постоянно ощущалась учеными русского зарубежья, которые в переписке друг с другом обменивались сведениями о новых изданиях, посылали коллегам книги и оттиски статей, просили навести библиографические и иного рода справки. Письма Вернадского в этом смысле не являются исключением. 14 августа 1923 г. он писал из Парижа Флоровскому, уже находившемуся в Праге, о том, что в парижских библиотеках отсутствует нужная ему книга — «Материали Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный» (Ч. 1. 1870) — и просил Флоровского, если он поедет в Берлин, узнать, нет ли ее там, а также поинтересоваться, нельзя ли выписать эту книгу из Гельсингфорса (Хельсинки) [1. Л. 4]. Позже он благодарил коллегу за присылку ему оттисков работ болгарского ученого В. Н. Златарского [1. Л. 10].

По приезде в Прагу А. В. Флоровский вошел в состав Русской учебной коллегии, ведавшей образованием русских студентов в Чехословакии, и вскоре стал председателем (деканом) историко-филологического отделения этой коллегии.

От него зависело решение вопроса о выделении средств на покупку множительного аппарата для издания лекций Н. П. Кондакова. Г. В. Вернадский, со своей стороны, поддержал эту инициативу, подчеркнув в письме от 6 января 1924 г., что «это очень нужное и полезное дело», и если его не довести до конца, то «ценные лекции Ник [одима] Павловича так и останутся незафиксированными» [1. Л. 7—7 об.]. В другом письме (3 февраля 1924 г.) Вернадский сообщал Флоровскому, что хотел бы в «летнем семестре... читать при историко-филологическом отделении 1 час в неделю специальный курс: „История правительственной деятельности во вторую половину царствования Александра I“» [1. Л. 8—8 об.].

12 июля 1926 г., уезжая на лето в Афины, Вернадский сообщал Флоровскому о предложении профессора Н. П. Оттокара (находившегося в то время во Флоренции) «сотрудничать в Итальянской Энциклопедии по отделу русской истории (кажется, нужны главн[ым] образ[ом] биографии важнейших деятелей)». Оттокар намеревался привлечь к этому начинанию ученых из России — С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и других, а также русских историков за рубежом. В связи с этим Вернадский просит Флоровского принять участие в подготовке статей для энциклопедии [1. Л. 13—13 об.]. Не получив ответа на свое предложение, он вновь повторяет его в письме от 1 сентября того же года [1. Л. 14—14 об.].

А. В. Флоровский включился в работу над энциклопедией. В частности, он подготовил статью о Екатерине II, корректуру которой послали на адрес Вернадского. О пересылке ее автору и уведомляет Вернадский в письме от 29 августа 1930 г. [1. Л. 21].

Для Вернадского были важны все сведения, касавшиеся истории Древней Руси и ее связей с Византией. Поэтому 2 февраля 1927 г. он обратился к Флоровскому с просьбой сообщить «имя составителя и точное заглавие» «полного перечня сношений Руси с Византией» [1. Л. 16].

Обмен научной литературой, в первую очередь своими работами, — одна из основных тем переписки двух ученых после переезда Вернадского в 1927 г. в Америку. 25 мая 1928 г. [1. Л. 17] он благодарит Флоровского за оттиски его статьи «La Russie et les Tchèques dans l'histoire de leur rapports culturels et politiques» [6], а 18 июля 1929 г. — за присылку оттисков докладов на IV съезде Русских академических организаций за границей — «Две политические доктрины (Наказ и Дидро)» и «Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время», опубликованных в [7. С. 113—119, 141—142]. В то же время Вернадский пишет: «Месяца полтора тому назад вышла из печати моя английская книга „A History of Russia“». Экземпляр этой книги автор собирался послать Флоровскому [1. Л. 18—18 об.].

Будучи представителем пражского Русского исторического общества в образованной в 1927 г. Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран, Флоровский, по его собственному признанию, «взял на себя труд составления систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов России, так и в Советском Союзе» [3. С. 239]. Понимая, что в подобных обзорах лакуны неизбежны, Флоровский все же хотел, чтобы они были как можно полнее. С этой целью он собирал сведения об опубликованных исследованиях русских историков, живших в разных странах. Ценную информацию о русских ученых в Америке он получил, конечно же, от Вернадского (эти данные, думается, и сейчас не потеряли своего значения для выявления круга российской научной эмиграции первой волны, рассеянной по всему миру). Ссылаясь на то, что Флоровский имел достаточную информацию о М. И. Ростовцеве и А. А. Васильеве, живших в Соединенных Штатах, Вернадский сообщал известные ему сведения о М. М. Карповиче, Л. Страховском, Н. Н. Мартиновиче, П. С. Пороховщикове, А. И. Назарове, А. Л. Фовицком, А. Д. Калмыкове. Кроме американских адресов этих ученых и места их работы, в письме от 28 апреля

1930 г. Вернадский давал по возможности и справки о некоторых их исследованиях [1. Л. 20—20 об.].

Так, о Михаиле Михайловиче Карповиче, племяннике А. Е. Преснякова, в письме сообщалось, что он профессор Гарвардского университета, где читает русскую историю. «Его библиографич[еская] статья о революции 1917 г.,— писал Вернадский, — должна появиться в Journal of Modern History (в июньской книжке). Другие работы его также скоро будут печататься».

Доктор Л. Страховский, как следовало из письма, преподавал в School of Foreign Service Джорджтаунского университета и являлся автором книги на французском языке о Николае I.

Петр Сергеевич Пороховщиков, по сведениям Вернадского, был в России судебным деятелем, автором книги «Искусство речи на суде», которой в свое время пользовался Ф. Кони. В Америке правовед читал лекции по истории русской литературы.

Данные о других названных в письме представителях российского зарубежья были более скудными. О Николае Николаевиче Мартиновиче сообщалось, что он «ориенталист»; А. И. Назаров представал как автор книги о Л. Н. Толстом, а «литератор» Алексей Леонидович Фовицкий упоминался в письме как ученик В. О. Ключевского. Большинство из перечисленных ученых не были собственно историками, но, видимо, учитывая характер их работ, могли быть, по мнению Вернадского, «причислены и к историкам».

Об Андрее Дмитриевиче Калмыкове, которым интересовался Флоровский, Вернадский сообщает, что «он советский подданный и после Жембелевской истории м[ожет] б[ыть] не захочет, чтобы его имя связывалось с эмигрантскими изданиями», но, на всякий случай, дает его нью-йоркский адрес.

Желая, чтобы как можно более широкие круги научной общественности на Западе имели представление о состоянии и направлениях развития исторических исследований русских ученых как в самой России, так и за ее пределами, Флоровский намеревался осуществить большую публикацию на эту тему в Америке, о чем и написал Вернадскому 22 марта 1933 г. Ответ не заставил себя ждать. Всегда откликавшийся на просьбы своего коллеги, Вернадский писал 10 апреля 1933 г.: «Разумеется, лично я могу только всячески приветствовать Ваше намерение дать для американского читателя очерк русской исторической науки после 1917 года.

Боюсь, однако, что издателя для такой книги сейчас в Америке найти невозможно. Здесь ведь вообще еще не выкарабкались из депрессии, а тем более в издательском деле.

Думаю, что Ваш очерк с удовольствием бы напечатали в Journal of Modern History (только вряд ли бы предоставили больше 4 листов), но беда, что они ничего не платят сотрудникам».

Г. В. Вернадский сообщил адрес редакции журнала и заодно — о своем намерении посоветоваться с М. М. Карповичем о возможности публикации предложенного Флоровским материала, хотя и не обнадеживал положительным результатом переговоров [1. Л. 24—24 об.].

Видимо, опасения Вернадского относительно сложности подобного издания в Америке оправдались, но все же Флоровскому удалось опубликовать на английском языке в 1934 и 1935 гг. два очерка о русской исторической науке [8; 9].

В 1935 г. в Праге увидел свет первый том крупного монографического исследования Флоровского «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.)». 16 сентября, будучи в Париже, Вернадский пишет Флоровскому, что с большим интересом прочел его книгу [1. Л. 25].

Несколько писем 1939 г. связаны с проблемой издания журнала, освещающего вопросы русской истории. В 1938—1940 гг. Флоровский был председателем Русского исторического общества в Праге. В это время он вынашивал проект организации исторического журнала, на страницах которого могли бы печатать свои исследования русские историки-эмигранты. Это издание должно было служить также

целям концентрации информации о работах по исторической проблематике русских ученых, живущих в различных странах [10]. С предложением сотрудничать в будущем журнале Флоровский обратился ко многим коллегам. Предполагалось, что авторский костяк журнала составят члены РИО, живущие в Праге и ближайших европейских странах (что облегчало контакты с ними). Но Флоровский не собирался замыкаться в этих рамках. 27 декабря 1938 г. он пригласил к участию в журнале Г. В. Вернадского, предлагая прислать что-нибудь для первого номера журнала [1. Л. 26].

В ответном письме от 3 февраля 1939 г. Вернадский благодарил «за лестное предложение сотрудничать» в новом историческом журнале, но предупреждал, что в первый номер ничего не успеет дать; в то же время готов в апреле прислать для второго номера статью на тему «Анты, ясы и Приазовская Русь» (в развитие своей статьи о готах и антах [11], оттиск которой был послан Флоровскому) [1. Л. 26].

Приглашение принять участие в «Русском историческом журнале» (таково было предполагаемое название будущего издания) Флоровский послал также А. А. Васильеву и М. И. Ростовцеву, но, не получив от них ответа, просил Вернадского в открытке, помеченной 28 января 1939 г., выяснить, в чем дело. Получив открытку 10 февраля, Вернадский не замедлил с ответом. В тот же день он написал Флоровскому: «А. А. Васильеву с месяц тому назад делали операцию в одном глазу (снимали катаракту), потому, верно, он Вам не отвечает. М. И. Рост[овце]ва спрощу при свидании» [1. Л. 27].

К сожалению, усилия Флоровского, направленные на создание «Русского исторического журнала», не увенчались успехом.

Одновременно Флоровский мечтал реализовать идею координации сведений о наличии материалов по русской истории, а также истории других славянских народов, хранящихся в архивах разных стран, и подготовке соответствующего справочника. Он даже обратился в начале 1938 г. в Славянский институт в Праге с детально разработанной программой подобных работ по чехословацким архивам и рукописным собраниям [12]. Для себя же лично он искал в иностранных архивах прежде всего материалы, связанные с историей России эпохи Петра Великого, а также русско-славянскими отношениями в разные периоды. Видимо, именно этим определялся его интерес к американским документальным собраниям. О наличии в них сведений о России он спрашивал Вернадского в открытке от 28 января 1939 г. Обязательность и отзывчивость были, судя по всему, характерными качествами Вернадского. Сразу же по получении открытки, 10 февраля, он отвечал Флоровскому: «О русских документах в Хуверовской коллекции я мог бы написать недостаточно полно, а это не стоит, поэтому советую Вам обратиться к служащей там Елене Александровне Варнек (Mrs. Helen Varneck, c/o Hoover War Library, Stanford University, California), она хорошо знает тамошнее собрание... Об архивах русской церкви, перевезенных из Аляски в Library of Congress в Вашингтоне была статья В. И. Базанова в Pacific Hist[orical] Rev[iew] года четыре тому назад» [1. Л. 27].

В дополнение к этим сведениям на следующий день, 11 февраля, Вернадский вновь пишет Флоровскому, давая уточненную ссылку на статью В. И. Базанова и сообщая его парижский адрес, чтобы Флоровский мог обратиться к нему непосредственно. Кроме того, Вернадский отмечал, что сведения «о русских рукописных материалах, поступающих в Library of Congress попадают почти в каждом годовом отчете» о деятельности Библиотеки Конгресса и советовал написать туда от имени редакции «Русского исторического журнала» или руководства Русского заграничного исторического архива с просьбой прислать отчеты Библиотеки Конгресса за последние годы [1. Л. 28—28 об.].

Следующее письмо Вернадского к Флоровскому относится к 1947 г. Возможно, часть писем не сохранилась в архиве Флоровского, но, вероятнее всего, длительный перерыв в переписке объяснялся условиями оккупации Чехословакии и военного времени. Судя по содержанию писем, переписка, видимо, возобновилась летом

1947 г. Ученые информируют друг друга о том, что ими сделано в науке за последнее время. 7 июля 1947 г. Вернадский писал Флоровскому: «Очень рад был получить Вашу открытку от 26 июня и узнать, что Вы благополучны и плодотворно работаете. Очень хотелось бы видеть II том Ваших «Чехов и восточных славян» [13]. На Ваш I том я ссылаюсь неоднократно в своей книге о Киевской Руси (II том моей Истории) [14], рукопись которой на днях закончил и недели через две надеюсь сдать в издательство, после чего, по нынешним условиям, пройдет еще от 6 до 8 месяцев до появления книги. Экземпляр I тома (Ancient Russia) [15] посылаю Вам... Medieval Russian Laws [16] на днях пошлю». Вместе с тем он сообщал, что в Нью-Йорке печатается VIII том «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves» (Bruxelles, 1945/47), посвященный «Слову о полку Игореве» (в этом томе была помещена и статья Вернадского «La Geste d'Igor' au point de vue historique»). От своего коллеги Вернадский с интересом ждал работу о чешском сукне («České sukno na východoevropském trhu v XVI až XVIII věku»), опубликованную в Праге в 1947 г. 23 октября он сообщал, что получил брошюру о сукне и теперь ждет второй том «Чехов и восточных славян», с выходом которого поздравил автора [1. Л. 32] (эту монографию он получил в феврале 1948 г. [1. Л. 34]).

Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» интересовали обоих ученых. 6 июля 1948 г. Флоровский писал Вернадскому: «Сейчас просматриваю книгу о Слове о полку Игореве, изданную Р. Якобсоном [17]. Нужно всемерно приветствовать это издание. Недавно, в апреле месяце, я видался тут с Мазоном, он сознается, что выпустил в свет свою книгу против подлинности Слова [18] не вовремя, когда так повышена чувствительность к русской славе. Но все же он уверен в своей правоте» [2. Л. 4].

Большинство писем обоих ученых 1947—1948 гг. можно объединить темой возобновления деятельности Института им. Н. П. Кондакова и издания его печатного органа — «Анналов». А. В. Флоровский, возглавивший институт, обратился ко многим прежним его членам с просьбой помочь активизировать жизнь института и возродить на довоенном уровне его издания. Большую помощь в налаживании контактов с бывшими участниками кондаковских сборников оказал ему Вернадский, сам с готовностью откликнувшийся на предложение прислать статью для «Анналов» и передавший Флоровскому свои полномочия по делам управления институтом (подробнее см. [19]). В письмах Вернадский постоянно интересовался делами института.

Объясняя Флоровскому причины задержки присылки своей статьи для «Анналов» Кондаковского института, Вернадский также делился с ним текущими делами и заботами. В письме от 3 января 1948 г. из Нью-Йорка, где Вернадский находился в конце 1947 — начале 1948 гг., он рассказывал, что «время в Нью-Йорке как-то разошлось по кусочкам... ноябрь ушел на правку первой корректуры моей *Kievan Russia*, декабрь на писание статьи о византийско-русской войне 1043 (которую я давно уже обещал для первого выпуска *Yale Medieval Studies*) [20], (была опубликована в [20].—Е. А.), а вот теперь на днях прислали из *Yale Press* вторую корректуру (page proofs) *Kievan Russia* и надо еще составлять индекс (указатель.—Е. А.) (книга должна выйти в мае), 1 февраля мы возвращаемся в *New Haven*, недели две уйдет на то, чтобы втянуться в лекции (к которым я тут не готовился)...» [1. Л. 33].

Действительно, как и было обещано, труд Вернадского «*Kievan Russia*» вышел в свет в мае 1948 г., о чем автор информировал Флоровского, сообщая одновременно, что распорядился о посылке ему экземпляра книги со своим автографом («with the compliments of the author») [1. Л. 35].

Из американских новостей, которые могли заинтересовать Флоровского, Вернадский сообщал, что редакционный комитет журнала «*The American Slavic Review*» («*The American Slavic and East European Review*») наметил новый план работы и есть надежда, что «журнал улучшится» (письмо от 23 октября 1947 г.) [1. Л. 32].

В нескольких письмах Вернадского затрагивается судьба научного наследия Я. А. Бромберга, который, узнав через Вернадского адрес Флоровского, послал ему статью на английском языке «О месте задержания Андроника Комнина валахами» для «Анналов» Кондаковского института (см. [19. С. 67—68]). Флоровский предлагал автору изменить название статьи, но тот настаивал на сохранении первоначального заглавия, которое, по его мнению, должно было сразу притягивать «внимание специалистов по вопросу о пресловутой румынской *continuité*» [21]. Флоровский пошел навстречу желанию тяжело больного автора. В письме к Бромбергу 6 июня 1948 г. он также просил его прислать оттиски своих работ за военные и послевоенные годы, поскольку американские издания плохо доходили до Праги [22].

Однако некоторое время спустя Флоровский получил письмо от Вернадского, датированное 15 июля, в котором сообщалось о смерти Я. А. Бромберга (около месяца назад). Не зная в точности, о каких изменениях в статье покойного автора говорил Флоровский и какое решение он принял как редактор, Вернадский советовал своему коллеге «в уважение памяти Якова Абрамовича ... не делать в его статье никаких изменений, а напечатать так, как он написал» [1. Л. 37]. В сентябре он сообщал Флоровскому: «Вдова Я. А. Бромберга передала мне его рукописи на просмотр. Я еще не имел времени подробно их разобрать, но вижу, что среди них есть по-видимому почти готовая большая статья (по-французски) о гуннах (протоболгарах) в южной России» [1. Л. 38].

В декабре того же года, отвечая на просьбу Флоровского [2. Л. 5], Вернадский обещал написать резюме статьи Бромберга на русском языке (что необходимо было для напечатания статьи в «Анналах»), а также составить список его работ, имея ввиду публикацию в сборнике небольшой некрологической заметки. С этой целью, должно быть, он просил вдову Бромберга прислать оттиски работ мужа и его биографию [1. Л. 40]. Все эти сведения он отправил Флоровскому в конце декабря 1948 — начале января 1949 г. [1. Л. 41, 42, 43].

Такое трогательное внимание и сердечное отношение к чужим проблемам сильно потеснило в письмах сообщения о собственных делах. И все же 12 декабря 1948 г. Вернадский делится с коллегой тем, что работа над III томом «Истории России» (монгольский период) [23] «подвигается очень медленно, т. к. много преподавательской работы в этом году». Тем не менее, он смог подготовить статью «о житиях Стефана Сурожского и Георгия Амаситрийского» для ближайшего номера «The American Slavic and East European Review» [24]. Эта статья, по собственному признанию Вернадского, была написана как ответ А. Грегуару [1. Л. 40], со взглядами которого были несогласны многие византилисты. Может быть, отчасти поэтому Вернадский не собирался ехать на византийский конгресс 1948 г., заседания которого должны были проходить в Париже и Брюсселе [1. Л. 35]. Флоровский писал ему в ответ, что из Югославии, по его сведениям, на конгресс в Париж собирается делегация из четырех человек, в число которых входит Г. А. Острогорский (директор византиноведческого института), хотя решение о поездке еще не принято на правительственном уровне. Из Праги намерен ехать Б. Гавранек. «Однако в Брюссель, — писал Флоровский, — видимо, никто из чехов не поедет в связи с позицией Грегуара, вызывающей большое недовольство». Относительно возможности поездки представителей русского зарубежного византиноведения Флоровский писал с неуверенностью и сомнением: «Не знаю еще, придется ли институту Кондакова принять участие в конгрессе. Это зависит от целого ряда обстоятельств, хотя вообще было бы очень желательно участие и русских ученых в этом деле» [2. Л. 4].

Работа Вернадского над третьим томом «Истории России» продвигалась медленно. В письме 1 марта 1950 г. он сетовал, что «отвлекает преподавание», вместе с тем сообщал, что параллельно с изучением монгольского периода в истории Руси ведет «исследование об аланах» (в развитие первого тома своей «Истории») [1. Л. 45].

Напряженная работа сказалась на здоровье Вернадского. В этом же месяце у него случился «сердечный припадок (согопагу thrombosis) на почве переутомления». Об этом он написал Флоровскому после десятимесячного перерыва, 1 января 1951 г., сообщая, что уже снова ведет научную работу и читает лекции в университете. В научных планах на первом месте по-прежнему третий том «Истории России». «По окончании его надеюсь вернуться к аланам, для книги о которых у меня главная часть материалов собрана. За лето и осень я написал статью о сарматском элементе в эпоху переселения народов. Она должна появиться в журнале Saeculum» [25; 1. л. 46]. Наконец, 6 июня 1952 г. он сообщает коллеге, что «закончил рукопись своего III тома „The Mongols and Russia“», издательство обещает выпустить книгу весной 1953 г. [1. Л. 47].

Письма Вернадского этих лет неизменно полны благодарностей за присылку Флоровским отписок его работ, которые Вернадский читал «с большим интересом» [1. Л. 44, 45, 47, 49, 50]. И это была не просто дань вежливости. Вернадский высказывал свое мнение о работах коллеги. Так, познакомившись со статьей Флоровского «Пražский университет и славянский Восток (к шестисотлетию основания Карлова университета)» [26], он писал: «Вам удалось в сжатом виде дать широкую картину культурного развития» [1. Л. 44]. Позже он просил прислать книгу Флоровского «Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století)» (Praha, 1954) [1. Л. 51] и с признательностью писал, когда получил ее (15 апреля 1955 г.): «Книга уже по первому впечатлению интересная и очень мне полезна для моей работы над XVI—XVII веками» [1. Л. 52].

Судя по письмам Флоровскому, Вернадский не раз возвращался к уже написанным и изданным трудам, стремясь к совершенствованию их и не стесняясь признаваться в упущениях или ошибках. Так, в письме от 25 сентября 1953 г. он писал:

«Что касается тверского происхождения русских замков в Чехии (упомянутых в моей книге Mongols and Russia), я вижу теперь, что моя ссылка на [Б. А.] Рыбакова ошибочна. Рыбаков упоминает Киев как „один из центров“ изготовления замков (Матер[иалы] и Иссл[едования]) по Археол[огии] СССР, 12, 130). Мне нужно будет еще пересмотреть этот вопрос.

Что касается моей дальнейшей работы, прежде чем приняться за Московскую эпоху [27], я хочу еще написать дополнение к моему I тому (Ancient Russia), т. к. со времени выхода его в свет появилось столько новых материалов и сам я продолжал работать в этом направлении (моя статья Sarmatisch[e] Hintergrund)».

Параллельно Вернадский занимался изучением алан. Он сообщал, что написал статью об «эпической поэзии алан» и обдумывает «статью о проблеме религиозных верований алан» [1. л. 48].

В одном из писем 1954 г. (11 января) Вернадский в ответ на просьбу Флоровского давал подробные библиографические справки о литературе по ранним русско-византийским отношениям и по другим вопросам [1. Л. 49].

27 февраля 1955 г. Вернадский сообщал, что вместе с отписком своей статьи о смерти царевича Дмитрия [28] он послал Флоровскому библиографию своих трудов, составленную его учеником А. Д. Фергасоном [29] и включающую работы Вернадского вплоть до 1954 г. [1. Л. 51]. Флоровский, однако, заметил пропуск в этой библиографии, за что Вернадский благодарил его в письме от 15 апреля 1955 г. Вернадский также с радостью отмечал, что его «точка зрения на вопрос о смерти Дмитрия царевича» нашла одобрение и поддержку у Флоровского [1. Л. 52].

В этом же письме Вернадский благодарил Флоровского за поздравления по случаю сорокалетия учено-литературной деятельности и со своей стороны приветствовал коллегу с сорокапятилетием его научного творчества [1. Л. 52].

27 июня 1955 г. Вернадский сообщал Флоровскому: «Начал понемногу писать IV т[ом] своей Истории; среди вопросов, которые надо будет мне более подробно себя разработать,—судебники XV—XVI вв.». В связи с этим он просил

Флоровского написать о новых работах — рецензиях или статьях, связанных с судебниками [1. Л. 53]. Получив нужные справки, Вернадский в ответном письме поблагодарил коллегу, в частности, и за указание на такой источник информации, как издание «Советская книга», которое Вернадский еще не видел [1. Л. 54]. Одновременно он сообщал об интересовавших Флоровского исследованиях профессора Анкарского университета А. Курата о Карле XII и Прутской кампании 1711 г. [1. Л. 54], которые были нужны Флоровскому при изучении эпохи Петра I и событий Северной войны.

На сентябрь 1955 г. было намечено проведение конгресса византистов в Риме. Однако 10 августа Вернадский писал Флоровскому: «Мы также собирались в Рим на конгресс. Мой доклад *Serfdom in Russia* поставлен в программу на 6 сент [ября]. Но, очевидно, не придется ехать — здоровье мое слишком ненадежно» [1. Л. 54]. На конгресс Вернадского действительно не поехал. 7 сентября 1955 г. помечено последнее письмо Вернадского из Нью Хевена, сохранившееся в фонде Флоровского [1. Л. 55]. Прервалась ли переписка или она продолжалась в последующие годы — сказать трудно, не имея данных о составе писем, хранящихся в архиве Вернадского в США [30].

Несмотря на неполноту хранящейся в фонде Флоровского его переписки с Вернадским, представленной преимущественно письмами последнего, этот эпистолярный материал вносит вклад в изучение жизни и деятельности ученых русского зарубежья. Отрывочность сведений, содержащихся в письмах отчасти может быть компенсирована обращением к другим источникам. Характерной чертой писем двух ученых является преобладание в них научных вопросов. Политические проблемы не обсуждаются корреспондентами. Подробности быта немногочисленны и занимают подчиненное место в переписке. Комплекс писем Вернадского дает возможность не только проследить процесс научного творчества ученого на протяжении нескольких десятков лет, но и лучше узнать некоторые черты его характера. Переписка известных историков расширяет представления о научных кругах русского зарубежья, дает дополнительный материал о деятельности русских заграничных научных организаций, а также биографические и библиографические сведения. Рассмотренные документы, являясь важной частью эпистолярного наследия обоих ученых, расширяют границы знаний современных исследователей русского зарубежья, приоткрывая новые страницы из книги их судеб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171.
2. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 14.
3. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
4. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
5. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463.
6. Conférence d'Historiens des Etats de l'Europe Orientale et du Monde Slave. Varsovie, 1928. Т. 2.
7. Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград. 1929. Ч. 1.
8. Florovsky A. Recent Surveys of Russian History//Slavonic and East European Review. 1934. Vol. XII. N 36.
9. Florovsky A. Historical Studies in Soviet Russia//Slavonic and East European Review. 1935. Vol. XIII. N 38.
10. Аксенова Е. П. А. В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге (в печати).
11. Vernadsky G. Goten und Anten in Südrussland//Südostdeutsche Forschungen. München, 1938. Bd. III.
12. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 237. Л. 1—4.
13. Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1947. Т. II.
14. Vernadsky G. A History of Russia. New Haven, 1948. Vol. II: Kievan Russia.
15. Vernadsky G. A History of Russia. New Haven, 1943. Vol. I: Ancient Russia.
16. Vernadsky G. Medieval Russian Laws: Translation, Introduction and Notes. New York, 1947.
17. Jacobson R. L'autentiquité du Slovo//La Geste du Prince Igor. Epopée Russe de XII-me Siècle. New York, 1948.
18. Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.
19. Аксенова Е. П. Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского)//Славяноведение. 1993. № 4.
20. Vernadsky G. The Byzantine-Russian War of 1043//Südostforschung. München, 1953. Bd. XII.

21. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 150. Л. 7 об., 8 об.
22. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.
23. *Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven, 1953. Vol. III: The Mongols and Russia.
24. *Vernadsky G.* The Problem of the Early Russian Campaignes in the Black Sea Areas//The American Slavic and East European Review. 1949. Vol. VIII.
25. *Vernadsky G.* Der sarmatische Hintergrund der germanischen Volkerwanderung//Saeculum. 1951. Vol. II.
26. Свет православия. Пряшев, 1948. Ч. 8.
27. *Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven, 1959. Vol. IV: Russia at the Dawn of the Modern Age; New Haven, 1969. Vol. V: The Tsardom of Moscow, 1547—1682.
28. *Vernadsky G.* The Death of Tsarevitch Dimitri: A Reconsideration on the Case//Oxford Slavonic Papers. 1954. Vol. V.
29. *Ferguson A. D., Levin A.* (ed.). Essays in Russian History. A Collection Dedicated to G. Vernadsky. Hamden, 1964.
30. Butler Library, Columbia University, New York.

© 1994 г. ДОСТАЛЬ М. Ю.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. А. ФРАНЦЕВА
(ПИСЬМО В. А. ФРАНЦЕВА В. С. ИКОННИКОВУ,
ПИСЬМА А. В. ФЛОРОВСКОГО В. А. ФРАНЦЕВУ)

Предлагаем вниманию читателей небольшой фрагмент обширной переписки видного российского слависта Владимира Андреевича Францева (1867—1942) [1]. Обстоятельства вынудили его значительную часть жизни провести в эмиграции. Полурусский-полуполяк по рождению, молодые годы он провел на родине матери, став профессором Варшавского университета. Накануне взятия немцами Варшавы во время первой мировой войны он вместе с другими преподавателями университета был эвакуирован и после годичного пребывания в Москве и Харькове стал профессором университета в Ростове-на-Дону (с 1915 г.), городе, ставшем одним из эпицентров гражданской войны.

Трагедия ученого состояла в том, что его мировоззрение искреннего борника славянской взаимности с развитым русским самосознанием, укрепившееся в ходе его научных исследований и продолжительных довоенных командировок в Прагу, вступило в непримиримое противоречие с политическими реалиями мира, в котором он волей судеб оказался. Старый мир, с которым он был в относительном согласии, рухнул. По верному выражению Т. Силлабы, «Февральская революция 1917 г. вызвала рост украинского национализма, который был для него неприемлем из-за его антирусских, а затем германофильских тенденций» [2. С. 10]. Потому на Украине Францев оставаться не мог. В России, где победила Октябрьская революция, также. Большевицкое превознесение интернационализма (не говоря уже о репрессиях) противоречило его традиционным представлениям о России, как о славянской державе. Возникновение новой независимой Польши, гражданином которой он временно должен был стать, Францев также не мог приветствовать из-за негативного отношения там ко всему русскому [2. С. 10—11].

В этих условиях он с благодарностью принял предложение Совета профессоров Пражского университета возглавить русское отделение тамошнего Славянского семинара, посланное ученому в конце 1919 г. С разрешения сначала советских, потом польских властей, он через Киев и Варшаву прибыл в Прагу 10 ноября 1921 г. [2. С. 11], оставшись в ЧСР до конца жизни. Именно здесь он нашел,

---

Досталь Марина Юрьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

наконец, привычную для себя среду, соответствующую его духовным и научным запросам.

В. А. Францев сыграл видную роль в развитии русско-чешских научных связей в межвоенный период. Как руководитель русского отделения Славянского семинара Карлова университета он воспитал целое поколение чешских русистов, поддерживал тесные связи со своими чешскими и словацкими коллегами, был деятельным сотрудником Славянского института в Праге. Соблюдая политический нейтралитет, он сохранил научные связи с родиной, переписываясь, главным образом, с учеными «старой школы» Е. Ф. Карским, В. И. Срезневским, В. Н. Ляпуновым, М. Н. Сперанским, Г. А. Ильинским, В. М. Истриным, А. И. Соболевским, а также с В. Д. Бонч-Бруевичем и др. Деятельное участие принимал он и в делах российской эмиграции в ЧСР, много лет возглавляя Русский (педагогический) институт в Праге, был заместителем председателя Союза русских академических организаций за границей и пр. Среди его корреспондентов-эмигрантов были академики П. Б. Струве, А. Л. Погодин, писатель И. А. Бунин, профессора В. А. Погорелов, М. Г. Попруженко, Е. Ф. Шмурло, С. Г. Вилинский, И. И. Лаппо и др.

В числе «отечественных» корреспондентов В. А. Францева был и Владимир Степанович Иконников (1841—1923) — русский историк, академик (с 1914 г.), автор капитального труда по русской историографии, с которым ученый, видимо, сблизился в Киеве. В письме В. С. Иконникову от 18 июля 1923 г. содержатся впечатления В. А. Францева о состоянии русской эмигрантской среды, интересные сведения о вышедших работах ученого, в том числе неизвестное в библиографии его трудов свидетельство о некрологии Ф. Ф. Зигеля, подробности об избрании его академиком Российской Академии наук и т. д. [3].

Письма видного русского историка-эмигранта Антония Васильевича Флоровского (1884—1968), профессора Русского народного (потом свободного) университета в Праге, автора многих трудов по истории Чехии В. А. Францеву содержат важные предложения о решении болезненного для русской эмиграции вопроса о ее представительстве на международных научных форумах и взаимоотношениях с советской наукой. Во втором из публикуемых писем освещается момент личной биографии А. В. Флоровского, во многом объясняющий, почему он до 1945 г. не стал профессором Карлова университета, показывающий, что ради скромных материальных выгод он не мог поступиться своим научным престижем. Письма А. В. Флоровского к В. А. Францеву от 30 декабря 1934 г. и от 20 апреля 1937 г. хранятся в Литературном архиве «Памятник национальной письменности» (LAPNP) в Праге [4. № 209]. Архивной нумерации нет. Оригинал писем на русском языке.

Письмо В. А. Францева В. С. Иконникову

от 18 июля 1923 г. из Праги в Киев

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Степанович!

Прежде всего прошу принять мой сердечный далекий привет и искренние пожелания в день Вашего Ангела.

Письмо Ваше получил сего дня (5/18 июля) и очень огорчился тем, что моя книжка «Путешествие Иосифа Добровского и графа Иохима Штернберга в Россию в 1792—1793 году» [5] до Вас не дошла. Это не первый уже «горький опыт»: пропадают письма и бандероли, простые и заказные, и, конечно, не здесь, не у нас в Чехии, а там, где-то далеко на Востоке! Пошлю Вам вторично экземпляр, ибо очень хочу услышать Ваше компетентное суждение о моей статье, начатой давно, задуманной шире, чем ее удалось выполнить. Счастье, что все мои материалы и мелочи в письменном столе сохранились

в Варшаве и что я могу постепенно ныне извлекать на свет божий забытое, брошенное и пришедшее ныне в хаотический беспорядок богатство мое. Все, что осталось от всей трудовой жизни и что радует еще сердце, питает душу. С осени думаю приступить к печатанию (в Чешской Академии) переписки Шафарика с русскими учеными [6]. Единственное желание мое — завершить благополучно эту работу, на которую затрачено было много сил и средств. Я послал Вам кроме статьи о Добровском и Штернберге еще другой пакет с тремя брошюрами: о Шафарике [7], о Эморском [8] и о Штуре [9]; вторично послал Вам и некролог покойного Ф. Ф. Зигеля.¹ Одну почтовую расписку (от 21 VI) прилагаю. Так как письмо Ваше помечено 3 июля, а почтовая печать гласит: Киев 10 VII, то я не теряю окончательно надежды, что мои книги, пройдя горнило очищения, дойдут до Вас.

У меня лично ничего нового. Занятия в Университете давно уже кончились (чтения с 15 июня, а все экзамены к 1 июля), но я никак не могу выбраться из душной, пыльной и шумной Праги. Собирался в Загреб, Люблян, но *pervus regim*² пока мешает отъезду: поездки все сопряжены с множеством затруднений и большими расходами, всюду нужны визы, всюду всякие стеснения и ограничения. Выходит, что лучше всего сидеть дома.

Из академиков, находящихся в командировке, я могу назвать только Вернадского³ и Котляревского⁴. Выехал тоже Ольденбург⁵ (недавно женившийся). Котляревского ждали сюда, но он засел в Софии. Здесь пребывают 4 члена Академии: Н. П. Кондаков⁶, Н. И. Андрусов⁷, А. А. Кизеветтер⁸, П. Б. Струве⁹ (и 5-й — В. Францев). В командировке находится с прошлого года Алексей Леон. Петров¹⁰, путешествующий сейчас по Подкарпатской (как мы говорили прежде: Угорской) Руси. Живет он здесь на средства чешского правительства, что нельзя не признать странным — и больше того. В октябре он должен возвращаться. Пока никто из нас от Академии «цидулок» не получал. От содержания я давно отказался, хотя за 1921/2 год Е. Ф. Карский¹¹ перевел мне 11 (англ. фунтов), т. е. ровно 110 рублей старых, или немного больше 1 тыс. чешских крон. Их я обязался немедленно возвратить Академии. — Какой я, впрочем, академик, если обретаюсь в «нетях» все время со дня избрания и не принимаю никакого участия в трудах Академии?¹² — Не сомневаясь, что в Чехах я больше могу быть полезным для науки и для самой Академии, но в то же время сознаю, что такое состояние академиком *in partibus infidelium*¹³ ненормально. А как выйти из этого ненормального положения? Благоразумно ли и целесообразно ли нарушить его и оказаться в горшеч и еще более ненормальном! Все эти вопросы меня бесконечно волнуют. — Грустно, что Вере Ивановне живется тяжело. Ее мысли искать лучшей доли у нас, я глубоко в этом убежден, — не имеют прочных оснований; наши здешние дела и отношения я знаю хорошо и сужу поэтому правильно.

¹ Русский историк и правовед Ф. Ф. Зигель скончался в 1921 г. в Ростове-на-Дону. В наиболее полной библиографии трудов В. А. Францева Т. Силлабы [2. S. 95] некролог не упомянут.

² Лат. «нерв вещей», т. е. самое главное, суть чего-либо.

³ Вернадский В. И. (1863—1945) — русский советский естествоиспытатель, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии, учения о биосфере и ноосфере. Академик с 1909 г. Первый президент Украинской АН (1919—1921).

⁴ Котляревский Н. А. (1863—1925) — русский литературовед, представитель культурно-исторической школы. Академик с 1909 г.

⁵ Ольденбург С. Ф. (1863—1934) — русский востоковед, академик с 1900 г., непреременный секретарь АН в 1904—1929 гг., бывший лидер партии кадетов и член Временного правительства.

⁶ Кондаков Н. П. (1844—1925) — русский историк византийского и древнерусского искусства. Академик с 1898 г., действительный член Академии художеств с 1893 г. Профессор Карлова университета с 1922 г., основатель семинара по византиноведению, преобразованного в Институт им. Н. П. Кондакова.

⁷ Андрусов Н. И. (1861—1924) — русский геолог и палеонтолог, академик с 1914 г. Профессор Юрьевского, Киевского и Братиславского университетов.

⁸ Кизеветтер А. А. (1866—1933) — русский историк, профессор Московского и Пражского (в 1927—1933 гг.) университетов. Профессор Русского юридического факультета в Праге (с 1923 г.), председатель ученого совета Русского заграничного исторического архива, Русского исторического общества (1930—1933) и др. [10].

⁹ Струве П. Б. (1870—1944) — русский экономист, философ, историк, публицист, теоретик «злегального марксизма», позднее лидер левого крыла партии кадетов. Академик. С 1919 г. в Париже, в 1928—1940 г. возглавлял Русский научный институт в Белграде.

¹⁰ Петров А. Л. (1859—1932) — русский историк-славист, профессор Петербургского университета. С 1922 г. жил в Праге и Будапеште. Автор работ по истории Закарпатья.

¹¹ Карский Е. Ф. (1860—1931) — русский и белорусский филолог, этнограф и фольклорист. Основоположник белорусской филологии. Академик с 1916 г., профессор Варшавского (с 1894 г.) и Петербургского (с 1917 г.) университетов.

¹² В. А. Францев был избран действительным членом Российской Академии наук 9 ноября 1921 г. О чем ему сообщил Е. Ф. Карский в письме от 14 ноября 1921 г.: «9 ноября в заседании Общего собрания РАН подавляющим большинством Вы избраны в действительные члены Академии наук, и на этот раз уже окончательно, так как выборов на съезде представителей университетов теперь не будет: они отменены. Сердечно все поздравляем Вас и ждем приезда в Петроград» [4. № 371]. Формально В. А. Францев оставался членом Академии наук до 1927 г., когда сообщил в отделение, что решил принять чехословацкое гражданство [2. S. 11].

¹³ Лат. «в странах неверных», т. е. в чужих краях, за границей.

В Берлине вышла недавно большая книга С. Мельгунова¹⁴ «Дела и люди Александровского времени» (1923). Все это перепечатки статей его из разных изданий за истекшие 10—15 лет. Книжка издается в Берлине вообще немало, но мало хороших. — В Праге возникло на чешские («легионеров») деньги издательство «Гламья»; во главе его — Е. А. Ляцкий¹⁵ профессор русской литературы в чешском университете, бывший сотрудник «Вестника Европы», зять А. Н. Пыпина. — Будут издавать и ученые труды (русская и словацкая история, литература и пр.).

Лапко Иван Иванович¹⁶ печатает здесь свои чтения по западнорусской истории. Е. Ю. Перфецкий¹⁷ напечатал «Русские летописные своды и их взаимоотношения» (в Братиславе-Пресбурге, 1922, в трудах Братиславского университета, где он состоит доцентом, ярко украинствующим!). В Праге у нас одесский А. Флоровский¹⁸ (с недавнего времени). Вот все мелочи нашей жизни.

Еще раз поздравляю Вас с Ангелом и еще раз прошу принять наши пожелания здравствовать. По возвращении в Прагу напишу немедленно. Искренне Вам преданный В. Францев

Письма А. В. Флоровского В. А. Францеву

Глубокоуважаемый Владимир Андреевич!

Обращаясь с этим полуофициальным письмом к Вам, как к заслуженнейшему русскому слависту вне России и как к председателю Русского института в Праге.

Поводом к настоящему моему обращению является известное, может быть, уже Вам постановление Варшавского (II-го) съезда славистов¹⁹. По инициативе проф. Пражака²⁰ там было постановлено образовать особый комитет съездов славистов для подготовки будущих съездов и для надлежащей выработки их программ и пр. По принципу национального государственного представительства в состав этого комитета должны быть включены члены от каждой народности-страны, принимавшей участие в съездах. На заключительном заседании съезда в Кракове председателем его проф. Розвадовским²¹ был оглашен предварительный список членов этого комитета, как он определился в результате спора между участниками съезда. В числе представленных в комитете стран Россия названа не была. Это случилось, конечно, потому, что Советская Россия в Варшавском съезде участия не принимала. Полагаю, однако, что русская славистика не может не быть принята во внимание при таком международном начинании. Вполне возможно, что советские слависты изъявлять желание принять участие в этом деле и займут там то место, какое им по принципу государственного представительства не могут не дать. Но это, по моему мнению, не решает вопроса о представительстве русской науки славяноведения в целом. Мне думается, что и мы, эмигранты, можем подать в этом вопросе свой голос. В данном случае я могу сослаться на прецеденты. В Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран²² представлена русская историческая наука только эмигрантами, и я имею честь входить от русских в состав исполнительного комитета Федерации. В основу и этой Федерации положен принцип государственного представительства, но организаторы Федерации (поляки) пошли навстречу тем аргументам, которые были выдвинуты (по моему проекту) Русским историческим обществом и признали основательным признание русской исторической науки раздвоенно на науку советскую и свободную — эмигрантскую. Правда, я склонен думать, что именно вследствие такого решения в состав Федерации не вошли советские исторические организации. Но это ведь для нас не может быть препятствием, напротив, хорошо было бы, если бы русская наука и вообще была представлена именно эмиграцией, поскольку в Сов. России отсутствует свобода научного исследования и господствует режим духовного гнета²³. Напомню, далее, что в состав комитета съездов славянских классических филологов входит также представитель русской эмигрантской науки.

¹⁴ Мельгунов С. П. (1879—1956) — русский историк и публицист. Товарищ председателя ЦК Народно-социалистической партии. С 1929 г. работал в Берлине, Париже, Мюнхене.

¹⁵ Ляцкий Е. А. (1868—1942) — русский историк литературы, с 1922 г. профессор русского языка и литературы в Карловом университете.

¹⁶ Лапко И. И. (1869—1944) — русский историк и правовед, профессор Юрьевского университета. С 1921 г. жил в Праге, с 1932 г. — в Каунасе.

¹⁷ Перфецкий Е. Ю. (1888—1947) — российский историк-славист, преподавал в Киевском и Братиславском (с 1922 г.) университетах. Подробнее см. [11].

¹⁸ О А. В. Флоровском см. введение. Он являлся выпускником Одесского университета, там же работал доцентом в 1917—1922 гг. В ЦСР переехал в 1923 г.

¹⁹ II Международный съезд славистов в Варшаве состоялся 23—30 сентября 1934 г.

²⁰ Пражак А. (1880—1956) — чешский литературовед, профессор чешской и словацкой литературы в Братиславе (с 1921 г.) и Пражском (с 1933 г.) университетах.

²¹ Розвадовский Я. М. (1867—1935) — польский языковед, профессор Краковского университета, член Польской Академии знаний (с 1903 г.), в 1925—1929 гг. ее президент, член-корреспондент Российской АН (с 1911 г.).

²² Федерация была учреждена в 1927 г. на своем I-м съезде в Варшаве. Последний съезд Федерации состоялся в 1943 г. в Нью-Йорке.

²³ О политической ангажированности советской науки А. В. Флоровский писал в очерке «Историческая наука в Советской России (1921—1931)» [12. Д. 41]. Попытку соединения и сопоставления советской и эмигрантской исторической науки А. В. Флоровский сделал в своем большом неопубликованном труде «Русская историческая энциклопедия» (1948) в статьях «Исторические науки в России», «Историография русская», «Славяноведение в России» и др. [12. Д. 81. Л. 133, 158, 321 и др.].

Все эти соображения и факты дают мне основание думать, что и в данном случае, т. е. в отношении съездов славянских филологов, надлежало бы нам, русским ученым в эмиграции, поднять свой голос о том, что в комитете съездов должно быть предоставлено место и представителю русского зарубежного славяноведения.

Дать движение этому делу, как я думаю, можно было бы в порядке обращения с соответствующим заявлением в организационный комитет Варшавского съезда, как исполнителя варшавских и краковских постановлений. Такое обращение могло бы исходить от Русского института в Праге²⁴, но могло бы быть составлено и в форме заявления от нескольких пражских организаций, например — кроме Русского института — от Исторического общества²⁵. Впечатление усилить могло бы обращение от имени старейших по заслугам и признанию славяноведов русских и т. п.

Высказать все эти соображения меня побуждает известное чувство ответственности, которое я испытываю, как участник Варшавского съезда. Я хорошо понимаю, что сейчас далеко не такое благоприятное время, как было в 1927 году, когда мы вели акцию по Федерации исторических обществ. Но и теперь, как и тогда, мы можем заявлять о том, что существует независимая русская наука и что она претендует — по праву — на свое место среди других.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Андреевич, принять выражения моей глубокой преданности
30 XII 1934. А. Флоровский

20.IV.1937
12 ч. дня

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Андреевич!

Согласно Вашим указаниям я был сегодня в Министерстве Нар. Просвещения у рады Грдины²⁶. Разговор с ним меня очень опечалил и взволновал. Оказывается, в Министерстве не предполагают меня назначить «смлывным» профессором, но лишь «смлывным» лектором, причем хотят перевести на меня тот оклад, который назначен был Дорошенко²⁷. Такой план не соответствует представлению факультета, который представил меня, — как Окунева²⁸ и Новикова²⁹, а не как Бема³⁰, Савицкого³¹ и др. Но главное другое. Материально такой проект ухудшает мое положение, ибо, укрепляя за мною оклад на 100—150 к.č. более в месяц, чем я имею теперь (850 к.č. из Красного Креста и ок. 400 от Университета), лекторат удваивает мои обязательные часы! Т. е. отрывает у меня время, которое я мог бы потратить на мою работу — не бесполезную и не безразличную для чехов же! А с другой стороны, — и в моральном смысле оборот дела для меня неприемлем, ибо меня приравнивает к Дорошенко, «ученому» и «профессору» без академической квалификации. А равным образом — ставит меня на большую дистанцию ниже Окунева, который — в России был лишь доцентом, не имеет ни русской, ни чешской ученой степени, и в смысле научной работы — по крайней мере — не выше меня!

Одним словом — для меня предпочтительнее остаться при том, что я имею (и чего не имею!), нежели занять положение — ни материально, ни морально не улучшающее мое состояние, а его явно ухудшающее. Лучше быть пенсионером у Красного Креста и получать на бедность, чем унижать свое достоинство и терять независимость.

Я решаюсь изложить эти соображения — и для Вашего сведения вообще, — а может быть при случае они Вам пригодятся и при разговоре с мин. радой Грдиной? Надеюсь, что объективное положение дела со мною подтолкнет министерство решить его надлежащим образом.

Пишу Вам, ибо не имею времени сейчас зайти в Вам, а хочу тотчас же Вас о всем осведомить. Простите великодушно за беспочвенность!

Искренне преданный А. Флоровский

²⁴ Русский (педагогический) институт им. Я. А. Коменского действовал в Праге в 1923—1938 гг.

²⁵ Русское историческое общество работало в Праге в 1925—1945 гг.

²⁶ Грдина К. — чешский языковед и литературовед, с 1919 г. советник (рада) Министерства школ и образования ЧСР.

²⁷ Дорошенко Д. И. (1882—1951) — украинский историк, в 1918—1919 гг. — доцент Каменец-Подольского университета, с 1921 г. профессор Украинского свободного университета, в 1926—1936 гг. доцент, потом профессор Философского факультета Пражского университета [13].

²⁸ Окунев Н. Л. (1886—1949) — русский историк искусства, доцент Петербургского университета (с 1916 г.), профессор Одесского университета (с 1917 г.), затем университета в Скопле. С 1925 г. профессор истории искусства Византии и восточных славян в Карловом университете. Профессор Русского народного университета.

²⁹ Новиков М. М. (1876—?) — профессор биологии и ректор Московского университета, ректор Русского народного университета (с 1923 г.), профессор Карлова университета.

³⁰ Бем А. Л. (1886—1945) — русский литературовед, библиотекарь Академии наук, в 1923—1939 гг. лектор русского языка в Карловом университете, профессор Русского народного университета, сотрудник Института им. Н. П. Кондакова.

³¹ Савицкий П. Н. (1895—1968) — русский историк и публицист, один из идеологов евразийства [14]. С 1922 г. доцент Русского юридического факультета, позднее преподаватель Русского народного университета. С 1935 г. лектор украинского языка и литературы в Карловом университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лантева Л. П. В. А. Францев. Библиографический очерк и классификация трудов//Slavia. 1966. № 1. С. 79—95; Лантева Л. П. В. А. Францев как историк славянства//Славянская историография. М., 1966. С. 204—246.*
2. *Syllaba T. V. A. Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977.*
3. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Украинской Академии наук. Ф. 46. № 543. Л. 1—2.
4. *Literární archiv Památník národního písemnictví.*
5. *Francev V. A. Cesta J. Dobrovského i hr. J. Sternberka do Ruska v l. 1792—1793. Praha, 1923.*
6. *Francev V. A. Korespondence P. J. Šafaříka. Vzájemné dopisy P. J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825—1861). Praha, 1927—1928. D. 1—2.*
7. *Францев В. А. «Monumenta illyrica» П. Й. Шафарика. Проект югославянского дипломатария. Прага, 1919.*
8. *Францев В. А. Польский славянофил Роман Зморский (1822—1867). К истории польского славяноведения. Прага, 1919.*
9. *Францев В. А. Чешско-словенский раскол и его отголоски в литературе сороковых годов. Памяти Людовита Штура//Русский филологический вестник. Варшава, 1915. Т. 74.*
10. *Досталь М. Ю. Неопубликованная статья А. А. Кизеветтера по проблемам славянской идеологии//Славяноведение. 1993. № 4. С. 81—82.*
11. *Досталь М. Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе//Славяноведение. 1993. № 4. С. 50—54.*
12. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1.
13. *Досталь М. Ю. Д. И. Дорошенко в Праге в 1920-е годы: Страница из жизни украинской эмиграции//Славистика СССР и русского зарубежья 20—40-х годов XX века. М., 1992.*
14. *Горизонтов Л. Е. Евразийство. 1921—1931 гг.: взгляд изнутри//Славяноведение. 1992. № 4. С. 86—88.*

© 1994 г. АКСЕНОВА Е. П.

ПИСЬМО И. О. ПАНАСА А. В. ФЛОРОВСКОМУ 1929 года

Публикуемое письмо приоткрывает малоизвестные страницы из жизни русского зарубежья, имеющие прямое отношение к истории Закарпатья. Об авторе письма — Иване Онуфриевиче Панасе — нам известно немного. Он родился в 1890 г. Высшее образование получил во Львовском, Венском, Киевском и Ростовском (на Дону) университетах. В последнем университете преподавал классическую филологию. Эмигрировав, оказался в Праге, где преподавал классическую филологию русским студентам в Карловом университете, читал лекции в Русском свободном университете, с 1934 г. преподавал в школе, в 50-х годах заведовал кафедрой чешского языка в Высшем техническом училище в Праге.

Адресат И. О. Панаса — Антоний Васильевич Флоровский (1884—1968) — известный историк России и русско-чешских отношений, профессор Новороссийского университета, в 1922 г. был выслан из пределов Отечества и в начале 1923 г. поселился в Праге, где и жил до конца своих дней. Так же, как и Панас, он стал членом Русской академической группы в Чехословакии и преподавателем Русского свободного университета, читал курсы лекций на Русском юридическом факультете, был профессором Карлова университета.

Оба ученых активно участвовали в деятельности различных русских научных организаций в Праге, в частности с самого начала, с 1925 г., были членами Русского исторического общества. Среди русских институций в Праге заметное место занимал Русский народный (с 1933 г. — свободный) университет — научно-просветительное учреждение, созданное в 1925 г. по инициативе Земгора (Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике). Университет ставил перед собой задачу подготовить «будущих зодчих возрожденной России» и добиться «чешско-русского культурного сближения». Университет имел пять отделений: общественных, историко-филологических, математических и естественных, философских наук, изучения Чехословакии. Первоначальные существенные правительственные дотации университету с годами резко сократились. В начале 30-х годов пришлось перейти от чтения лекционных курсов к отдельным тематическим лекциям. Доход приносили курсы изучения чешского языка русскими и русского языка чехами. Преподаватели РСУ читали платные лекции в разных городах Чехословакии. В начале своей деятельности университет издавал «Научные труды» (1928. Т. 1; 1929. Т. 2; 1930. Т. 3; 1931. Т. 4; 1933. Т. 5), с 1933 г. переименованные в «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете» (1935. Т. 1; 1942. Т. II). В 1940 г. к РСУ

Аксенова Елена Петровна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

присоединились Русское историческое общество, Русская библиотека, Русская детская школа и Русский культурно-исторический музей. Значительно раньше в РСУ вошло Русское философское общество. Таким образом, в 40-е годы практически все русские научные силы были сосредоточены в РСУ. Университет (переименованный в 1942 г. в Русскую ученую академию) пользовался поддержкой властей в период Протектората (университет должен был готовить кадры для управления Россией после ее «освобождения» фашистскими армиями). В 1944 г. РСУ был закрыт немецкой полицией, после войны деятельность его не возобновилась (подробнее о деятельности РСУ см. [1]).

В 1929 г. РСУ открыл отделение в Ужгороде, где велась лекционная работа и были организованы курсы русского языка [2]. Идея создания отделения университета в Ужгороде обсуждалась еще в конце 20-х годов. Разные ученые предлагали различные концепции этого учреждения. Об этом и свидетельствует письмо И. О. Панаса А. В. Флоровскому. Кроме того, в нем затрагивается вопрос о создании научного Карпаторусского общества в Мукачево.

Письмо хранится в фонде А. В. Флоровского в Архиве РАН [3. Л. 7—8 об.]. Текст письма печатается с небольшими сокращениями, не относящимися к теме создания университета в Ужгороде и научного общества в Мукачево. Документ представляет собой автограф. Письмо было послано из Праги в Белград, где в это время находился А. В. Флоровский.

Прага. 22.VI.1929

Глубокоуважаемый и дорогой Антон Васильевич!

[...] Среди русской публики, в частности профессуры, часто обсуждается вопрос об открытии русского народного университета в Ужгороде. Дело очень серьезное и очень жаль, что Вас здесь нет, так как Вы могли бы защитить мою точку зрения, которую многие разделяют, но которую не разделяет [М. М.] Новиков¹. Я полагаю, что в Ужгороде не следует организовать отделения эмигрантского Народного университета в Праге, а местный «Русский народный университет в Ужгороде», который со временем мог бы превратиться в действительный университет с двумя факультетами (ист[орико]-филол[огическим] и юридич[еским]). Кроме того, украинцы не имели бы оснований говорить, что это университет «московский» и что русские эмигранты «русифицируют» страну. Этот козырь надо бы у них отнять. Все равно, фактически, это будет отделение Пражск[ого] Нар[одного] унив[ерситета], но формальность, на которой я настаиваю, необходимо соблюсти. Я говорил с многими местными деятелями во время моего пребывания в Ужгороде и Мукачево² и все они разделяют мои взгляды. Дальше я указываю на то, что при организации Русск[ого] Нар[одного] унив[ерситета] в Ужгороде нельзя не привлечь людей, давно интересующихся Подк[арпатской] Русью, как В. А. Францев³, Л. А. Петров⁴, Ю. А. Яворский⁵ и др. Ведь на самом деле русский язык, русск[ая] литература, русская история больше всего нужны Подк[арпатской] Руси, а если не будут иметь возможности там работать и читать лекции представители указанных дисциплин, то всякие астрономии, зоологии и философии помогут мало местным деятелям защищать русский облик своей родины. А именно из-за этого русского облика страны ведется жестокая борьба. Поэтому нужно посылать прежде всего людей, знакомых со страной и обстоятельствами, стоящих твердо на платформе русского единства, а не людей, которым этот вопрос кажется быть второстепенным и которые могут разделять даже

¹ Новиков Михаил Михайлович (1876—?) — профессор и ректор Московского университета, профессор Карлова университета, ректор Русского свободного университета в Праге, автор статей на историко-научные темы, а также о русско-чешских научных связях.

² В начале письма Панас сообщал, что ездил на неделю в Подкарпатскую Русь [3. Л. 7.]

³ Францев Владимир Андреевич (1867—1942) — филолог и историк, доктор славянской филологии, профессор Варшавского университета, академик (1921), иностранный член Чешской Академии наук и искусств (1904). В эмиграции с 1921 г., профессор Карлова университета.

⁴ В письме описка: Петров Алексей Леонидович (1859—1932) — историк-славист, профессор славяноведения на Высших женских курсах. Степень доктора славянской филологии получил за первые шесть выпусков «Материалов для истории Угорской Руси» (СПб., 1905—1911). Профессор Петербургского университета. С 1922 г. жил в Праге и Будапеште, опубликовал ряд работ по истории Закарпатья.

⁵ Яворский Юлиан Андреевич (1873—1937) — филолог, профессор Киевского университета, в 1921—1924 гг. работал во Львове, с 1925 г. — в Праге. Изучал карпаторусскую письменность, литературу, книжность и т. д.

украинскую точку зрения. Не могу также согласиться, чтобы В. В. Саханев⁶ вполне подходил для ведения такого дела в Подкарпатской Руси. К сожалению, людей мало — ведь и Н. Д. Вергуну и даже Ю. А. Яворскому поручить это дело нельзя, так как с многими у них разногласия. Мне же уезжать из Праги не хотелось бы, в особенности в связи с «Единством». Впрочем, на меня Новиков и не согласится, боясь конкуренции. Ведь на самом деле я поднял вопрос об организации Нар[одного] Унив[ерситета] в Ужгороде.

[...] Я предпринимаю шаги к организации научного Карпаторусского Общества в Мукачево, которое бы издавало свои записки. Издание таких записок считаю осуществимым при помощи комиссии для Подкарпатской Руси в Славянском Институте, председателем которой состоит Владимир Андреевич (Францев. — Е. А.). [...] Жаль, что Вас здесь нет, а то помогли бы мне составить устав и вообще другими советами. Как назвать общество: Карпаторусское Научное Общество или Карпаторусское Ученое общество (ведь ученых там мало или почти совсем нет)? Вы, конечно, может быть, сочтете мои планы фантастическими, но я должен довести до Вашего сведения, что, насколько я мог наблюдать, отношения изменились к лучшему, что-то произошло, и поэтому я считаю необходимым использовать этот благоприятный момент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пауто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 45—54.
2. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 253. Л. 1.
3. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 355.

⁶ Саханев Всеволод Васильевич (1885—1940) — историк, преподаватель Петербургского университета. Эмигрировав, жил в Праге, преподаватель Русского народного университета, член Русского исторического общества, сотрудник Русского заграничного исторического архива.

⁷ Описка. Вергун Дмитрий Николаевич (1871—1951) — историк и филолог, публицист, журналист, поэт, приват-доцент Московского, профессор Иркутского университетов. С 1922 г. — преподаватель Высшей школы в Праге, с 1945 г. — профессор университета в Хьюстоне (США). Занимался историей Подкарпатской Руси и карпаторусской литературы, читал лекции на эти темы.

© 1994 г. КОСИК В. И.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА П. И. ЗАЛЕССКОГО

Уже опубликованы в различных изданиях сотни разнообразных материалов, относящихся к теме русской эмиграции, ставшей модной и затмившей собой исследование процессов, происходивших в собственно коммунистической России. Достаточно только указать на переиздание 22-томного «Архива русской революции», изданного И. В. Гессеном в Берлине в 20—30-х годах. И тем не менее многое еще остается невыясненным, невостребованным.

Работая в Архиве внешней политики Российской империи, я обнаружил в материалах Российской миссии в Белграде (Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 48. Л. 67—72) письмо генерала Залесского начальнику российской миссии в Белграде В. Н. Шtrandману, датированное 23 ноября 1921 г. Пролежавшее в забвении свыше 70 лет, это письмо, публикуемое с незначительными сокращениями, не может не поражать своей искренностью, органическим сплавом личных страстей и оценок происходившего с общественным приговором тому бурному и смутному времени. Горькая и трагическая четкость суждений русского человека, переходящая порой в генеральскую безапелляционность и аффектацию, со всей пронзительной остротой передают и показывают духовные искания эмиграции, потерявшей Родину.

Пожалуй, уже одно это дает достаточно оснований для публикации письма генерала, пострадавшего — как и многие другие — ужасы двух войн. Во-первых, первой мировой войны с ее горькими уроками для российской армии и ее руководства. Во-вторых, гражданской войны, когда — по выражению автора — «лавочки» погубили «белое дело». Сквозь призму этих двух войн, постепенного разрушения России, размышлений об истоках и причинах разлома и возможных путях спасения Родины «выплывают» и иные темы и картины. Здесь вечная еврейская тема соседствует с картиной разброда и шатаний в армейской среде, воспоминания боевого прошлого — с наступающим омертвлением души, призыв к единению — с горькими строками об эмигрантском житье¹.

В сущности же, предлагаемое ниже письмо является сгустком настроений — прошедших, настоящих и будущих, — занимавших мыслящую русскую эмиграцию.

Косик Виктор Иванович — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Автор письма опубликовал книгу «Возмездие: причины русской катастрофы». Берлин, 1925 г.

...Я — царский генерал Генштаба, честно служивший России 35 лет — в мире и на войне, окончил войну, командуя кавалерийским корпусом, в 1918 году управлял двумя областями на Украине, причем не снимал русских погон, когда их сняли все, не только служившие, но не бывшие на службе офицеры; затем организовал русских офицеров в Харькове и был начштаба Южной Армии на Дону, я — «не достоин или не умею носить погоны».

Таково мнение и «повеление» г. Потоцкого².

Я не имею чести знать этого высокого начальника над беженцами в Югославии, но должен доложить, что в моем тяжком для русского имени деле он играет главную роль, нанеся мне целый ряд оскорблений, защищаясь против которых надлежащим образом я не имею возможности.

Дело мое кратко таково: в Дубровнике весьма властно управляя делами русской колонии некий Шильднер-Шульднер — человек почтенный по возрасту, но не по делам ... Скажу только, что в результате его управления колония, совершенно неожиданно, оказалась в большом долгу перед ДК, в большом канцелярском хаосе и экономической нужде, с неоплаченными счетами ...

Борьба с этим господином и его прислужниками — вот что составляет мое главное «преступление» ... Моя совершенно открытая и чуждая всяких интриг и личных целей деятельность с помощью большинства офицеров освободила колонию от власти Шильдера и его Правления. Но сам я подвергся невероятным действиям со стороны гг. «шильднеровцев», получивших решительную поддержку со стороны г. Потоцкого, которой, не считаясь с фактической стороной дела, стал на сторону, противников офицерского общества в Дубровнике. «Шильдеровцы» по совету одного опытного интригана решили «вывести из строя» вожаков офицерского общества в Дубровнике, а потому обрушились на ген. Беляева — председателя новой ревизионной комиссии и на меня, председателя Правления офицерского общества.

Генералу Беляеву они устроили (буквально «устроили») непристойный для русского имени судебный процесс, где истцом явилась женщина весьма сомнительного поведения, а свидетелями — русские офицеры во главе с сомнительным полковником Глиндским (он же Глиндман) — членом шильдеровского правления. На меня атака была поведена с другой стороны, а именно — с политической... Я никогда не принадлежал и не принадлежу ни к одной политической партии. Однако читавший, мысливший русский военный мир царского времени, вероятно, помнит, что еще с 1895 года я непрерывно и открыто боролся против той неправды, хищничества, недобросовестности, невежества (даже профессионального), кои привели нас к сегодняшнему дню. Я восстал против явной и постыдной неготовности армии и дурной подготовки командного элемента. На войне я боролся: с беспричинными (паническими) отступлениями, грабежами, наградной вакханалией, большими и эпикурействующими штабами, большими обозами и чудовищной ложью ... В дни Керенского — против расслабления армии ... В дни усиления «комитетов» — против бесчинств и алчности. В дни Скоропадского — против увлечения немецкими успехами. В дни Деникина и Врангеля — против недалекости и забвения вчерашнего дня! ... В 1918 году Харьковская губерния при мне была самая спокойная и «приличная», хотя я не применял никаких диких мер по отношению к населению; а немцы, кои настояли на моей отставке (я был для них слишком «русский»), считались со мною и после моего ухода с поста губернатора допустили организацию в Харьковской губернии офицеров только при условии моего воззложения. Это хорошо знает генерал Штейфон — ныне начальник штаба у Кутепова. Это знает герцог Г. Н. Лейхенбергский (с коим я был в переписке) и, может быть, этого не забыл граф Альвенслебен — тогда германский ротмистр, с коим я говорил, как и со многими германскими генералами, о необходимости прекратить войну на Западе и вести борьбу с врагами всего культурного мира. Здесь, в Югославии, знает хорошо мою деятельность на Украине митрополит Антоний ... Действительно, я отношусь весьма критически к нашему прошлому, и твердо исповедую теперь, как и прежде, что России нужна была конституция и парламентский строй или Петр Великий. Я убежден, что конституция и земельная реформа могли бы спасти Россию и нас. Даже в 1918 году я настаивал перед гетманом и его министрами на скорейшем проведении земельного закона. Я думаю также, что для воссоздания России необходимо честное и ясное осознание причин ее несчастья. А таковыми я считаю: отчужденность правящих классов от народа, офицеров от солдат; всероссийскую недобросовестность и жадность; отсутствие общественной жизни и тех органов, кои слагают общественное мнение; а как следствие этого — отсутствие сознания общих интересов, сплоченности и национального чувства; эгоизм на верхах, дошедший до того, что люди, всем обязанные Царю, не попытались даже его защитить в критическую минуту; междуведомственная политика; отсутствие связи и солидарности между правительственными учреждениями и лицами; незнание этими лицами и учреждениями своего дела и фактического положения вещей ... отсутствие военной доктрины и правильного представления о будущей войне и бое и вообще — хроническая неподготовленность армии! ... Но все это, повторяю, мое личное мнение, не имеющее никакого отношения к моей официальной деятельности, а тем более к моей роли как члена русской колонии и как председателя офицерского общества, которое неоднократно выражало одобрение моей деятельности и сочувствие к моим страданиям за правое дело. Но гг. «шильдеровцы» прочно оседлали этого коня и очень быстро доехали на нем к сердцу г. Потоцкого, который, думаю, был к этому подготовлен (не Дрейером ли?). Дрейер — это знаменитая личность; ему приписывают слова: «война есть поэзия грабежа» и — «хорошо окружить себя толпою преданных шовенников». О нем мне пишет сейчас П. Н. Краснов, считая, что участие Дрейера в предпринятых Савинкова не обещает ничего хорошего!

Господ «представителей» Потоцкого волновала, конечно, не моя «демагогия», о которой они старательно доносили и которой в офицерском обществе и проявить нельзя, а существование в моем лице оппозиции г-ну Шильдеру, с коим они были тесно связаны, и влияние на дела колонии и

² Русский военный агент в Королевстве СХС.

вообще в беженской среде *помимо* их «власти» ... Мания величия заела опять людей, потерявших Родину!... Они обвиняют меня в дурном влиянии на офицеров. Но в чем же это выразилось? Под моим влиянием офицерская среда сплотилась, вспомнила старую дисциплину, начала подтягиваться... Но Шильдер и К* не унимались ... Они надеялись на «протесты» и продолжали вести свою почтенную деятельность в разных направлениях ... Они вооружили против офицерского общества в Дубровнике часть русских офицеров, прибывших из Галлиполи. 21 сентября, приветствуя вновь прибывших офицеров, я произнес ... слово, призывая русских людей к единению. Но когда в ответных речах послышалась нам знакомая ориентировка «шильдеровцев», я выступил со второй речью, в которой двумя фактами охарактеризовал партию, борющуюся с офицерским обществом в Дубровнике. Я указал на присутствие в этой партии евреев, переименовавших даже свою фамилию, а также лица, сочинившего революционную песню на мотив русского народного Гимна ...

Некий субъект, именующий себя «полковником» (в чем я сильно сомневаюсь) и носящий ныне фамилию Глиндский, хотя по природе он есть Глиндемман, признал в моих словах о евреях оскорбление своего почтенного рода и вызвал меня на дуэль (равно как и доблестный генерал-поэт). Оба вызова я принял. Но о переговорах секундантах узнала местная власть, и оба мои противника, как бы сговорившись, немедленно объявили мне о прекращении дальнейших переговоров ... Я же изъявил им полную готовность дать им удовлетворение во всяких условиях и даже без секунданта. 28 сентября во время моего обеда в Русском Доме Глиндский подошел ко мне неожиданно и ударил меня палкою по голове. Я был безоружным, и это Глиндский знал, поэтому я не мог убить этого негодяя немедленно. ... Мало того, г. «представители» Потоцкого, из коих один даже служил у большевиков, обратились к местному коменданту за помощью по приведению в исполнение великолепного «приказа» г. Потоцкого ... Первый раз в жизни я не знаю что делать? Отвечать ли Потоцкому оскорблением даже в нашем жалком положении или обратиться к России? Напомнить ей, что я был одним из немногих военных, кои в течение многих лет грудью своей сопротивлялись движению Государственной колесницы в пропасть!... Достаточно сказать, что в *генеральском чине* я дважды лежал у проволок германцев; многократно ходил в одиночку на самые трудные разведки ... И в то же время отчаянно боролся со всеми грехами нашей армии и особенно с отступательными тенденциями на германском фронте...

В критические минуты я не останавливался перед неисполнением приказов верхов. Таких случаев было, увы, очень много. Укажу один: деблокада Осовца была выполнена мною в одну ночь, одним только маневром 6-го армейского корпуса; но чтобы получить такие результаты без потери хотя бы одного солдата, — я не исполнил ТРЕХ приказаний *Командующего армией*. Я рисковал моею головой ... Однако никто не поднял тогда вопроса о «неумении носить военную форму». Многие получили тогда награды (даже комендант Осовецкой крепости), я же отказался от предложенной мне награды: наивно думал, что Родина оценит мою работу и без георгиевского креста, а последний может ослабить мое влияние на войска, ибо *могут сказать*, что я не забыл позаботиться о себе в *наградном вопросе*, который я сам считаю величайшей болезнью армии! Теперь я называю мое тогдашнее поведение глупейшим донкихотством ... Командуя корпусом, я оставил фронт 18 декабря 1917 года — оставаясь до конца начальником, каким я был всегда ... В 1919-м году я ПАХАЛ СОБСТВЕННОРУЧНО ЗЕМЛЮ: Деникину ... я не подходил. Но как только *мною* хотели пользоваться — я вновь жертвовал собою, начиная от разгрузки сыпно-тифозных узлов и кончая МОРСКИМИ ОПЕРАЦИЯМИ и вытаскиванию поездов в Новороссийск в ПОСЛЕДНИЕ ДНИ и в ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ... При Врангеле я редактировал газету «Военный голос». Хотя это было занятие, мало подходившее ко всему прошлому боевому кавалерийского генерала ... но я и это дело выполнил с чистой совестью; свыше чем в 80-ти статьях я умолял всех и на все лады — не повторять ошибок прошлого. А главнейшая ошибка, по моему мнению, была в забвении, что мы должны делать общее русское дело, а не дело партии, а потому не смеем из дела нашего делать «лавочку»!... «Лавочки» губили и Краснова, и Деникина, и Колчака, и всех ...

Быть может, я и виноват перед Россией ... тем, что оставил Родину, спасая свою шкуру, хотя там остались близкие мне люди ... Вина моя большая и для меня непростительная потому, что я не ходил никогда за толпою; а тут ... пошел за нею. Пошел в общем потоке. Пошел потому, что все пережитое мною с 1917-го года «убило» меня; убило во мне дух борьбы с безумной неправдой, которая во много раз перещеголяла ту неправду, с которой я боролся всю жизнь езе до революции!... Ужаснее всего было наблюдать людей своего круга, так называемых «своих»... И это окончательно придавливало меня и ... придавило до того, что я потерял прежнюю могучую волю!...

Если небывалая в мире катастрофа не затронула их до самого дна души, до остатков существования, то это — их счастье. Но если ведь люди, для коих общее неопишемое горе и невероятные страдания усугубляются еще сознанием, что они отдали России ВСЕ — без остатка, а получили — только обиды и разорение и невероятные страдания, страдания, в коих они сами не виновны ни на йоту.

Ведь эти люди НЕ ЖИВУТ сейчас и даже не прозябают, а просто умирают от голода, тоски и удущья морального ... Тело их уже не рыдает; рыдает только душа и мучительно кричит: за что, за что?

Я знаю, что люди звери. Я знаю, что в беженском положении легко потерять человеческое достоинство. Но для культурного человека все же есть предел озверения: не может и не должен он терять без остатка всех понятий о правде и справедливости, равно как старый воин не может забыть остатков дисциплины...

Наконец — есть же у нас всех и общее дело — помощь Родине, и общее имя — русский, и общее горе — беженское положение ... Хотя бы во имя этих стимулов одумались бы «эти люди». Ведь то, что сделал Потоцкий со своими представителями в Дубровнике, есть прямое преступление против русского дела, против России!

Якобсон-будетлянин: Сборник материалов / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Янгфельдта. Stockholm, 1992. 185 p., [16 p. ill]. (Stockholm Studies in Russian Literature; Vol. 26)

Сборник материалов, касающихся разных сторон деятельности раннего Якобсона, предназначен ученым нескольких специальностей, и прежде всего искусствоведам, историкам литературы и лингвистам. Для последних он может быть интересен с точки зрения истории языкознания и лингвистического источниковедения. В книге, подготовленной Б. Янгфельдтом, содержатся сведения о становлении и развитии фонологических идей, о начальном периоде русского сосюррианта, об истории Московского и Пражского лингвистических кружков и т. д. Вместе с тем опубликованные документы более или менее точно воспроизводят оригинальное правописание, которого молодой ученый временно придерживался с конца 1910-х годов (к сожалению, эта его орфографическая система не нашла еще никакого отражения в работах по истории русского письма; см., например, [1]). Наконец, в книге помещены стихотворные переводы Якобсона: отчасти представление о том, сколько любопытного для языковеда заключают в себе эти тексты, дает лингвопозитивский анализ якобсоновской старославянской синтагмы [2].

Самое ценное в книге — мемуары «Будетлянин науки», озаглавленные так Б. Янгфельдтом и скомпонованные на основе интервью, которое Якобсон дал ему в 1977 г. (С. 11—71). Наименее оправдана очередная перепечатка «Статей» о живописи (С. 93—108): все четыре работы (одна из них в урезанном виде) вошли во второй из двух томов Якобсона, выпущенных недавно в серии «Языковеды мира» [3]. Другие разделы книги — это «Письма» Якобсона, адресованные А. Е. Крученых, М. В. Матюшину, Е. Ю. Каган и Э. Триоле (С. 73—92), «детские», «футуристические» и «шуточные» «Стихи и проза» (С. 109—123), а также вышеупомянутые «Переводы»: Малларме по-рус-

ски, Хлебников по-чешски, Маяковский по-французски и старославянски (С. 125—126). Последними идут «Посвящения» (С. 127), а точнее — дарственные надписи Якобсону на книгах Хлебникова, Крученых и Маяковского. Все инскрипты также публиковались ранее, и как правило не один раз.

Не вполне ясны принципы отбора, которыми руководствовался составитель. В книгу «Якобсон-будетлянин» включены интимные письма к Э. Триоле (1920—1923) и письмо к ее матери (1920), но не включено, скажем, письмо к Н. С. Трубецкому (1921) по поводу брошюры о Хлебникове (см. [4]). Печатая два ранних письма к Крученых (1914), Б. Янгфельдт не приводит третьего, частично опубликованного Н. И. Харджиевым [5], однако дает при этом выдержку из письма Якобсона Хлебникову (1914), также по харджиевской публикации (С. 154). Из нескольких юмористических стихотворений Якобсона, сохранившихся в его фонде в МИТ [6. Коробка 31. Папка 21], в сборнике присутствует одно («Наступила эра...», 1918 или 1919) и отсутствуют все остальные (4-строчная эпиграмма «Анна Якобсон», без даты; 36 строк новогодней песни «Разбрелись по разным странам...», 1921; и др.) — о существовании этих произведений Б. Янгфельдт не говорит ни слова. Композиция материалов и их рубрикация тоже кажутся во многом случайными: «Статьи» почему-то идут вслед за «Письмами», а «Стихи и проза» — вслед за «Статьями». «„Косвенная сатира“ на городские стихи Маяковского» (С. 167) попала в число «футуристических» произведений, а стихотворение «Когда приедем в Воронеж...» отнесено к разряду «шуточных», хотя в нем пародируются ритмико-синтаксические фигуры того же Маяковского и Хлебникова: *И когда город заснет, олуен <...>* (Якобсон) — *И когда земной*

шар, выгорев <...> (Хлебников); *Выбегу похотлив, как Натан Альтман, / Крикну Дону, бурливому, словно не Дон, а Пунин <...>* (Якобсон) — *Выбегу, / тело в улицу брошу я. / Дикий, / обезумлюсь, / отчаяньем иссекась* (Маяковский) и т. п.; ср. также стихотворение позднего Маяковского, в котором Терек *Шумит, / как Есенин в усадьбе*.

Недостатки составления усугубляются просчетами, допущенными в подготовке текста. При сличении опубликованных мемуаров с магнитофонной записью интервью [б. Коробка 122] выясняется, что из воспоминаний был устранен ряд мест, представляющих несомненный историко-культурный интерес, — например, о рисунках Хлебникова или о стихах К. Липскерова. Многие, о ком рассказывал Якобсон (художник С. Романович, композитор А. Лурье, поэт и стиховед С. Бобров, лингвист и филолог А. Мазон и др.) на страницах книги не появляются. Отсутствует признание Якобсона в том, что он с самого начала был начисто лишен веры в большевистскую революцию: «У меня <...> никогда не было не только что желания <...> пойти в партию, но даже в какой-то степени быть в стане сочувствующих». Пропали забавные *motifs*, в том числе диалог Л. Ю. Брик и Якобсона: «Правда <...> если его (Кузмина. — *М. Ш.*) умыть и причесать, то был бы царедворец при Людовике XIV?» — «А почему ты думаешь, что царедворцы при Людовике XIV были умыты?»

Некоторые фрагменты не вошли в окончательный текст по причине, о которой 1 IV 1976 Якобсону напомнила Л. Ю. Брик: «Знаю, что ты пишешь иногда Бенгту (Янгфельдту. — *М. Ш.*) и что собираешься взяться за воспоминания о Волюде. Если будешь писать о нем — не забудь, что я еще жива...» [б. Коробка 40. Папка 23]. Видимо, поэтому, переводя магнитофонную запись в машинопись (1977), Б. Янгфельдт изъел подробности о службе О. М. Брика в ЧК, в частности о том, «как он каких-то девчонок заставлял писать ему <...> свои <...> интимные дневники» и при этом «требовал полной откровенности». Но, пожалуй, самое неожиданное из оставшегося за пределами книги — это соображения Якобсона о природе «антисемитских настроений», в какой-то мере свойственных Маяковскому в период его романа с Т. А. Яковлевой: в его глазах она действительно была «такая *русская* женщина». Появление этих настроений Якобсон объяснял органическим неприятием быта Бриков: «социализм при счастье уже на данном отрезке времени», как иронически называл это Маяковский [б. Коробка 122]. Ясно, что без этой информации слова

Якобсона о ненависти поэта к юдофобству (С. 70) грешат известной односторонностью.

Мне кажется, если собрать пропущенное, наверное, получилась бы книга, по объему равная изданной. Тем не менее, несмотря на бесчисленные сокращения и перестановки, достичь единства текста, его логической и грамматической связности все-таки не удалось: само намерение превратить диалог в монолог представляется ошибкой. Вопреки утверждениям Б. Янгфельдта, воспоминания были подвергнуты значительной редакторской правке, часто, на мой взгляд, немотивированной. Так, вместо сказанного Якобсоном: «Когда я был лазаревцем (т. е. учился в Лазаревском институте восточных языков. — *М. Ш.*), она (Л. Ю. Брик. — *М. Ш.*) уже была слишком взрослая для меня», — у Б. Янгфельдта читаем: «<...> была уже слишком стара для меня <...>» (С. 30). Восхищенные отзывы школьного преподавателя Л. Ю. Брик объясняла просто: «Этот учитель был влюблен в меня». «<...> и помог мне писать», — добавляет от себя Б. Янгфельдт (С. 30). Но и после всех исправлений будто бы «чисто стилистического характера» (С. 129) мемуарист предстает перед читателем автором таких оборотов: «<...> все, что выходило из-за хлебниковского пера» (С. 17); «<...> я <...> пошел прямо к ним и остался там, кажется, пять дней» (С. 30); «Бильярд был один из слабостей Маяковского <...>» (С. 33) и проч. Разумеется, ответственность за эти *lapsus'ы* несет не Якобсон, а Б. Янгфельдт: в комментариях уже от своего лица он говорит о «невинности» Маяковского (С. 143), имея в виду его невиновность. Кроме того, на качестве издания дурно сказываются фантастическая пунктуация и многие десятки опечаток: о том, что имел в виду Якобсон, иногда приходится лишь догадываться («Typesetting and layout by Jan Benedict», — значит, на обороте титульного листа).

Своим текстологическим *credo* Б. Янгфельдт провозглашает буквализм: он демонстративно сохраняет даже «явные описки» (С. 158, примеч. 9; С. 161, примеч. 5 к письму 17) и отмечает неточности, в том числе мелкие, в публикациях своих коллег (С. 163, 169). Однако при сопоставлении изданного текста с рукописями самого Якобсона и его матери [б. Коробка 31. Папки 21—24] бросается в глаза исключительная неряшливость Б. Янгфельдта как публикатора. Вот некоторые погрешности в стихотворных текстах, порой приводящие к деформации смысла, к нарушению размера и рифмы: Б. Янгфельдт печатает *из иллюзии* вместо *из иллюзии*, *мечта* вместо *Мечта*, *Королева* вместо *королева* (С. 109), *по спинкам* вместо *по стенке* (С. 110), *но кто уж* вместо *но кто же*, *Эшак* вместо *Эшак* (С. 111),

инквизиционной вместо инквизацонной (С. 112), *гам трем* вместо *гам трам* (С. 115), *мой шаток валок* вместо *мой шаток валок, не трахнусь* *пусто* вместо *не трахнусь в пусто* (С. 116), *пудами* вместо *пудинги* (С. 119), *много ль* вместо *много ли* (С. 125) и т. д. 11-я и 12-я строки стихотворения «Сколько рассыпал осколков (экстракт)» в рукописи предстают как одна, а 17-я строка — как две (С. 115—116). «Мелочей», подобных вышеперечисленным, в книге столько, что доверие к ней как источнику оказывается в большой мере подорванным.

Убедиться воочию в том, как Б. Янгфельдт обращается с оригиналом, можно, сравнив помещенную среди иллюстраций фотографию яacobсовской рукописи (после С. 64) и соответствующий фрагмент воспоминаний (С. 15 сл.). Там, где у Яacobсона «пушкинские строки», у Б. Янгфельдта — «пушкинские строфы»; у Яacobсона: «<...> с ответом на его тезис <...>», у Б. Янгфельдта: «<...> с ответом на тезис <...>». Публикатор убирает нужные запятые и во множестве расставляет ненужные. Аналогичным образом отредактированы письма — искажены слова, добавлены новые, заменены одно на другое: «пришлите мне мои заметки» вместо «пришлите мои заметки» (С. 73), «дело не в этом» вместо «дело не в том» (С. 64), «книгу» вместо «книжку» (С. 75) и т. п. В ряде случаев два-три абзаца слиты в один, сняты авторские выделения, на месте прописных букв идут строчные и наоборот. В одном и том же письме фамилию *Маринети* Б. Янгфельдт печатает в соответствии с рукописью (С. 73, 155, примеч. 8), а фамилию *Стелун* — вопреки рукописи (у Яacobсона — *Стелун*). Невозможно понять, почему издатель то придерживается орфографии подлинника, то от нее отступает: написания вроде *коментариев* (С. 75) и *лиш* (С. 119), приведенные в соответствие с современной нормой, были у Яacobсона столь же осознанными, сколь и написания вроде *ждеш* (С. 77) и *ноч* (С. 91), переданные без изменения. Произвольно модернизируя орфографию, Б. Янгфельдт лишает нас важной информации: так, рукопись стихотворения, переписанного матерью юного поэта и подписанного им самим («На небе звездочки зажглись...», 1910), свидетельствует, что А. Яacobson опускала еры на концах слов и тогда, когда ее сын еще строго их соблюдал.

Тип комментария, избранный Б. Янгфельдтом, представляется морально устаревшим: это меньше всего комментарий-исследование (ср. [7. С. 256]). В основном примечания носят компилятивный характер и касаются биографических и библиографических деталей; вопросы истори-

ко-научные и эстетические, за незначительным исключением, не рассматриваются. Так, на первой же странице воспоминаний речь заходит о параллельном развитии физической, лингвистической и поэтической мысли: «Открывалась неведомая, головокружительная тематика времени и пространства» (С. 11). Как тут не вспомнить, что уже в 1919 г. Яacobson сетовал на то, что «науке еще чужд вопрос о времени и пространстве, как формах поэтического языка» [8]! И ведь это — только отправная точка необходимого комментария (ср. [7. С. 362 и далее]).

Редкие попытки проблемного истолкования оказываются решительно неудачными. «В письмах к Эльзе Триоле» Б. Янгфельдт напрасно видит «любопытную стилистическую (? — М. Ш.) особенность: во втором лице единственного числа Яacobson <...> опускает мягкий знак в конце глагола («пишеш», «выпросиш» и т. д.). В этом грамматическом нововведении надо <...> усматривать сознательный будетлянский прием упрощения» (С. 155). Во-первых, указанная «особенность» встречается вовсе не только в письмах к Э. Триоле. Во-вторых, помимо глагольных форм 2 л. ед. ч., она распространяется также на инфинитивы (*леч*), существительные 3 склонения в им. п. ед. ч. (*реч*), частицы (*лиш*) и т. д. В-третьих, эта орфограмма не сближает Яacobsona с другими будетлянами, а скорее им противопоставляет: он, по собственному признанию, не соглашался с Крученых и Хлебниковым, «когда за „Словом как таковым“ последовала „Буква как таковая“ — для меня, — продолжал Яacobson, — это был „Звук как таковой“» (С. 24). В этих словах сказывается не столько поэт-будетлянин, сколько лингвист-фонетик: следуя предложением Орфографической подкомиссии Императорской академии наук (1904), Яacobson не хочет ставить «ерь» после согласных, не имеющих пары по твердости/мягкости (ср. [9]).

Комментарии Б. Янгфельдта не выдерживают критики даже в рамках избранного жанра. Как и любого мемуариста, Яacobson подводит память. Б. Янгфельдт уверяет, что «явные ошибки и неточности» исправлены (С. 129). К сожалению, далеко не все: в воспоминаниях встречаются aberrации, никак не отмеченные в комментарии. Например, Яacobson утверждает, что статью о поэтическом языке Хлебникова он прочел «на первом заседании Московского лингвистического кружка после октябрьской революции» (С. 44), — это произошло 11 V 1919 (С. 142, примеч. 139). Слова Яacobsona не посягаются, несмотря на то, что вступают в противоречие с другим примечанием Б. Янгфельдта, где фигурирует выступление С. Б. Гурвиц-Гурского «О сокращениях в заводской

терминологии», прозвучавшее в МЛК 2 V 1919 (С. 137, примеч. 88). Еще минимум четыре заседания МЛК были проведены в апреле; одно из них, посвященное докладу О. М. Брика «О поэтическом эпитете» (12 IV 1919), уже упоминалось в литературе [7. С. 272, примеч. а]. Но, по-видимому, первым после большого перерыва было заслушано сообщение Н. Ф. Яковлева «Русская историческая лирика XVI—XVII вв.» (5 IV 1919; см. [10]).

В ряде случаев Б. Янгфельдт не только не оговаривает очевидных несообразностей, но и строит на них соблазненные выкладки. В частности, Якобсон рассказывает, что «вскоре после <...> революции» он слышал, как Маяковский в «Кафе поэтов» «читал <...> „Наш марш“, „Левый марш“ и „Оду революции“» (С. 38; ср. [11]). Вроде бы там же сам Якобсон «читал свой перевод на старославянский язык стихотворения „Ничего не понимают“» (С. 38) — на этом основании Б. Янгфельдт датирует перевод концом 1917 г. (С. 169). Но, с одной стороны, в декабре 1917 г. Якобсон «Левого марша» слышать не мог: стихотворение было написано ровно через год. С другой стороны, в хорошо известной беседе с сотрудниками ИМЛИ АН СССР (см. С. 147—148, примеч. 170, 172, 176, 183) Якобсон вспоминал, что «приготовил перевод на старославянский язык» для выступления в кафе «Питтореск» (I V 1918), но это признание Якобсона Б. Янгфельдт оставляет без внимания (цит. по «Стенограмме заседания сектора изучения жизни и творчества В. В. Маяковского от 24 мая 1956 года» [6. Коробка 34. Папка 36]).

Задерживаться на лакунах комментария нет никакого смысла; отмечу лишь несколько прямых отступлений от истины. В «Предисловии» в числе поэтов и художников, непосредственно сотрудничавших с Якобсоном, ошибочно указан Ларионов, но при этом отсутствует главный сотрудник Якобсона — Крученых (С. 7; ср. [12. С. 1]). Монография «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским», полное название которой Б. Янгфельдт всякий раз приводит неточно, не может быть названа «отдельным исследованием», целиком посвященным Маяковскому (С. 8), — на самом деле его версификации отводится десятая часть работы [13], изданной к тому же в Берлине, а не в Праге, как четырежды уверяет Б. Янгфельдт (С. 8, 150, примеч. 208; С. 161, примеч. 1 к письму 15; С. 174). В подтверждение «интереса молодых филологов к <...> физике» Б. Янгфельдт цитирует «письмо Б. В. Томашевского к жене с просьбой прислать ему из Петербурга в Льеж „выписку из Хвольсона о теплоемкости газов“» (С. 129, примеч. 1). Но в это время (1915) Томашевский учился в Льежском электротехни-

ческом институте, так что «теплоемкость газов» занимала его как будущего инженера, а не филолога. Вопреки требованиям Архива МГТ [6] Б. Янгфельдт почти никогда не указывает номера коробок и папок, где хранятся публикуемые документы, а единственная отсылка к архивному источнику дает неправильный адрес (С. 131, примеч. 18; статью о языке и стихе Тредиаковского и подготовительные материалы к ней см. [6. Коробка 17. Папки 73—78]). Якобсон сообщает, что в 1918 г. «Кандинский <...> написал свою автобиографию» (С. 43). Эти сведения Б. Янгфельдт конкретизирует: «В феврале 1919 г. вышла монография *Кандинский*, написанная самим художником» (С. 141, примеч. 130). Однако в основу альбома «В. В. Кандинский» лег «*Kandinsky-Album*», текст которого был составлен художником еще в июне — октябре 1913 г. (см. [14]). На с. 153 (примеч. 231) две ошибки в цитате из Маяковского: «<...> память, что дорога в Полтаву, — каждый калашу оставит» (должно быть «в Полтаве» и «галошу»).

Дарственная надпись Хлебникова на сборнике «Ряв!» была впервые напечатана не в статье Н. И. Харджиева (С. 169), а в IV томе собрания сочинений Якобсона [15]; в свою очередь, письмо к Крученых (конец января — начало февраля 1914 г.) первый раз увидело свет не в VII томе якобсоновских сочинений (С. 155), а в сборнике в честь В. Эрлиха [12. С. 4—5, примеч. 1] (кстати, жаль, что в примечаниях к этому письму Б. Янгфельдт не использует автокомментарий Якобсона, объяснившего, что неологизм *пругва* был образован «из древнерусского *пруг* ‘саранча’ по аналогии со словом *буква*» [12. С. 2]). Фразе Якобсона: «Если возможно, напечатайте в сборнике „Онанизм“, хоть без заглавия» (С. 74) — Б. Янгфельдт понимает неверно: «Сборника с таким названием нет» (С. 156, примеч. 11). «Онанизм» — это, конечно же, заглавие не сборника, а стихотворения, которое Якобсон просил напечатать. На с. 157 (примеч. 3 к письму 4) Исаак Львович Кан именуется по недоразумению Израилем (ср. С. 12, 129, примеч. 2; С. 166). О. К. Матюшина была в действительности не второй, а третьей женой художника (С. 157, примеч. 8). Исправление *бледнотелого телефона* на *мелотелого* в подлиннике сделано рукой не Крученых, а Якобсона (С. 167; ср. С. 24; [6. Коробка 31. Папка 23]). В комментарии к переводу из Малларме (С. 169) указано несуществующее различие: в рукописи, на которую ссылается Б. Янгфельдт (см. [6. Коробка 31. Папка 24]), и в «Беседах» Якобсона с К. Поморской [16. С. 6] 8-я строка сонета читается одинаково: *Колелбют-ся, а много ли скрывают*. «Къ брадобрику при-

идохъ и рекохъ...» Б. Янгфельдт печатает «по тексту, выверенному Г. Винокуром и опубликованному М. Шапиром» (С. 169). Но текст, выверенный Винокуром, отличается от реконструированного мною: мне пришлось сделать 8 конъектур, продиктованных требованиями грамматики и стиха (см. [2. С. 69—70]). К сожалению, список ошибок и неточностей можно было бы легко продолжить.

Наибольшее недоумение вызывают комментарии к статьям о живописи (С. 162—166). Только 3 из 68 примечаний принадлежат Б. Янгфельдту целиком и еще 3 — наполовину; остальные напрямую заимствованы из комментариев А. Е. Парниса [3], которые, правда, сокращены более, чем вчетверо, и в отдельных случаях переформулированы, но сути дела это не меняет. Во множестве налицо текстуальные совпадения: «Имеется в виду <...> заявление А. Крученых в декларации „Тель (але стиль) литераторов“ (1916), где счет из прачечной сравнивается со строчками из „Евгения Онегина“ <...> и „доказывается“, что стиль счета „выше пушкинского!“» [3. С. 438, примеч. 37] — «Ссылка (в тексте ссылки нет. — М. Ш.) на статью А. Крученых „Тель (але стиль) литераторов“, где автор сравнивает счет „от Триумфальных ворот прачешной“ с „8-ю строками из Онегина <...>“, утверждая, что „стиль их выше Пушкинского!“» (С. 165, примеч. 22); «К первой годовщине Октября художники (из военной школы маскировки) выкрасили траву в Александровском саду в Москве» [3. С. 438, примеч. 45] — «В первую годовщину октябрьской революции художники выкрасили траву в Александровском парке (?—М. Ш.) в Москве» (С. 166, примеч. 26); «В 1919—1920 гг., во время травли А. Эйнштейна как пацифиста и еврея <...> появились сведения о его возможной эмиграции, а также о предполагаемой награде, которую должно присвоить ему Лондонское Королевское астрономическое общество; однако медаль была присуждена А. Эйнштейну лишь в 1925 г.» [3. С. 439, примеч. 52] — «Имеются в виду слухи о возможной эмиграции Эйнштейна, которого в Германии травлили в качестве пацифиста и еврея, в Англию. Медаль Королевского Общества Эйнштейн получил в 1925 г.» (С. 166, примеч. 3); и т. п. Два комментатора приводят одну и ту же факультативную информацию, в которой нет необходимости для правильного понимания текста: «Версальский мирный договор <...> был подписан 28 июня 1919 г. и вступил в силу 10 января 1920 г.» [3. С. 436, примеч. 3] — «Мирный договор, подписанный в Версале, вступил в силу в январе 1920 г.» (С. 165, примеч. 1). Даже свободные ассоциации у А. Е. Парниса и Б. Янгфельдта текут по общему

руслу — выражение Якобсона «футуристский „долгой“» у обоих вызывает в памяти одинаковые строки Маяковского: <...> *мы / мир обложили сплошным „долоем“* (ср. [3. С. 419, примеч. 14] и С. 162, примеч. 5). Нет большого греха в том, что Б. Янгфельдт воспользовался работой предшественника, — плохо только, что о вторичности своих комментариев он не говорит ни слова. Напротив, он два раза ссылается на примечания А. Е. Парниса (С. 164, примеч. 8; С. 165, примеч. 2) — судя по всему, чтобы создать впечатление собственной научной самостоятельности во всех остальных случаях.

Поневоле приходится признать, что сборник «Якобсон-будетлянин» выполнен Б. Янгфельдтом на низком профессиональном уровне: всевозможные дефекты текста и аппарата существенно снижают ценность рецензируемой книги. Тем более удивительно, что «за советы и помощь в составлении комментариев» Б. Янгфельдт наряду с другими благодарит самого себя — мне с таким феноменом сталкиваться еще не приходилось! Ян Бенедикт, заслуживший признательность со стороны составителя (С. 9), — alter ego Бенгта Янгфельдта. (Впервые этот мифический персонаж возник в 1976 г.: подготовленный Н. И. Харджиевым труд «К истории русского авангарда» вышел «under the supervision of Jan Benedikt <sic>», Ph. D.» [17].) Одна загадка сопровождается целым рядом других. Почему интервью, которое Якобсон дал в 1977 г., было опубликовано только через 15 лет (ср. предварительную публикацию [18])? Почему Якобсон неожиданно прервал работу над рукописью, авторизовав менее одной пятой своих воспоминаний (см. С. 129)? Почему, наконец, мысль о публикации возникла у Б. Янгфельдта только в 1988 г., когда ни самого Якобсона, ни его вдовы не было уже в живых (см. С. 9)? Лучше всех ответ на эти вопросы знает Ян Бенедикт.

Шапир М. И.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.), М., 1965.
2. Шапир М. И. Русская тоника и старославянская syllabika: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона // Даугава. 1989. № 8 (146).
3. Ранние статьи Р. О. Якобсона о живописи: Вступ. заметка, подгот. текстов и коммент. А. Е. Парниса // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
4. Шапир М. И. Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х — начало 1920-х годов) // Изв. АН. Сер. ли-

- тературы и языка. 1991. Т. 50. № 1. С. 51—52.
5. Харджиев Н. Судьба Алексея Крученых//Svantevit. 1975. Arg. 1. № 1. S. 25.
  6. R. O. Jakobson Papers. MC 72. Institute Archives and Special Collections, MIT Libraries, Cambridge, Mass.
  7. Шапир М. И. Комментарии//Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.
  8. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия: Набросок первый. Прага, 1921. С. 23.
  9. Якобсон Р. Избыточные буквы в русском письме: (И и Ъ; после шипящих Ё и конечный Ъ)//Jakobson R. Selected Writings. 's-Gravenhage, 1962. [Vol.] I: Phonological Studies. P. 556—557, 563—564.
  10. Институт русского языка РАН. Отдел историколингвистического ф. 20 (Московский лингвистический кружок).
  11. Новые строки Маяковского: Приготовил к печати Р. Якобсон//Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 204, примеч. 16.
  12. Jakobson R. From Alyagrov's Letters//Russian Formalism: A Retrospective Glance: A Festschrift in Honor of V. Erlich. New Haven, 1985.
  13. Якобсон Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским [Берлин], 1923. С. 101—112.
  14. В. В. Кандинский: Текст художника. М., 1918. С. 56.
  15. Jakobson R. Retrospect//Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. [Vol.] IV: Slavic Epic Studies. P. 640.
  16. Якобсон Р., Поморска К. Беседы. Jerusalem, 1982.
  17. К истории русского авангарда: Харджиев Н. Поэзия и живопись; Малевич К. Автобиография; Матюшин М. Русские кубо-футуристы/С предисл. Р. Якобсона. Stockholm, 1976. P. 4.
  18. Янгфельдт Б. Роман Якобсон, заумь и дада//Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Bern; Berlin; Frankfurt a. M.; New York; Paris; Wien, 1991.

Славистика СССР и русского зарубежья 20—40-годов XX века. Сборник статей и материалов. М., 1992. 145 С.

В течение десятилетий в нашей печати не появлялось никаких сведений о судьбе отечественного славяноведения после Октябрьской революции, вплоть до Великой Отечественной войны. Между тем именно в это время российское славяноведение переживало самый трагический этап своей истории. Оно постепенно ликвидировалось как научная отрасль гуманитарных знаний, а кадры ученых исчезали. Многие эмигрировали, а оставшиеся умирали от голода и лишений, погибали в ссылках, бесследно пропадали в застенках ГУЛАГа. Процветавшая до революции отрасль науки была объявлена реакционной и перестала существовать как таковая. Еще совсем недавно, в первые годы перестройки любые упоминания о действительном положении в русской славистике 20—40-х годов квалифицировались как недопустимые. Более того, нельзя было говорить и о том, что в предреволюционное пятнадцатилетие русское славяноведение достигло крупных успехов и во многих отношениях задавало тон в европейской науке. При освещении творчества отдельных славистов (а такие работы стали появляться с середины 70-х годов) должна была обязательно присутствовать sacramентальная фраза о том, что, хотя ученый и достиг определенных успехов, но до марксизма «не дорос», оставшись на позициях позитивизма или другого «буржуазного» направления методологии.

Ныне изучаются запретные ранее темы, примером чего является, в частности, выход рецен-

зируемого сборника, составленного сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН под общей редакцией М. А. Робинсона. В сборнике две части: исследовательские статьи и публикации документов.

Особенностью статей является их архивная источниковая база. Авторы положили в основу своих исследований неизвестный и не бывший ранее в научном обороте документальный материал. Таким образом, сборник содержит комплекс совершенно новых сведений о славистике в России в анализируемый период.

В статье Е. П. Аксеновой (С. 3—27) «Академическое славяноведение в предвоенный период (документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930 — начале 1940-х годов)» приводятся интересные данные, касающиеся обсуждения вопроса о состоянии славистических исследований в различных отделениях АН СССР. Специально указано, что интерес к этой теме проявляется потому, что, видимо, была получена «такая директива» свыше. Как показано в статье, обсуждения вопросов об организации славяноведения в основном не привели к каким-либо практическим результатам. Например, по вопросу о создании центра изучения славянских литератур, как замечает Е. П. Аксенова, «не было принято конкретного решения» (С. 18) и «дальше постановки вопроса о необходимости развития исследования славянских литератур и создания для

этого научно-организационного центра дело не пошло» (С. 19). «Не пошло дело» и с организацией изучения славянских языков; «подразделение Института языка и письменности», специально созданное для изучения славянских языков, ограничивалось исследованием вопросов русского языка (С. 22). В статье имеются выводы о том, что не был осуществлен и ряд других проектов организации изучения славистики. Таким образом, ясно, что Академия наук СССР перед войной так и не вышла за рамки разговоров о желательности изучения славянских языков и литературы, а потому говорить о «возрождении» отечественного славяноведения в указанные годы, как это делает автор статьи, не приходится. На наш взгляд, процесс возрождения начался после войны и проходил долго и трудно, в несколько этапов.

Не лучше обстояло дело и с преподаванием истории славян в Московском университете с 1934 по 1941 г., о чем говорится в статье А. Н. Горяинова (С. 28—37) «Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934—1941 гг.)». Автор констатирует, что «в условиях прямого вмешательства Сталина в деятельность историков помышлять о развитии на истфаке славяноведения как направления преподавательской и исследовательской деятельности было невозможно» (С. 28). Далее указываются темы по истории славян, которые удавалось сообщать студентам силами преподавателей кафедры истории средних веков, поскольку курс истории славян отдельно не читался.

Создание кафедры истории южных и западных славян в МГУ в 1939 г. А. Н. Горяинов объясняет тем, что 11 мая 1939 г. на ученом совете исторического факультета «было решено создать упомянутую кафедру» (С. 33). Как известно, в то время ученые советы вузов не могли решать подобные вопросы по собственному усмотрению. Решение принималось высшими партийными органами, а ученым предписывалось только исполнение, закамуфлированное решением заседания ученого совета. Да и сама кафедра создавалась по соображениям идеологического характера, а ее деятельность рассматривалась с точки зрения политического момента, отличавшегося особой остротой в связи с наступлением германского фашизма на славянские страны. Учебный процесс на кафедре истории южных и западных славян характеризуется автором, в частности, на основе весьма недостоверного, на наш взгляд, источника, каким является университетская многотиражка. Люди старшего поколения хорошо помнят, что в таких газетах печатались материал, заранее заданный партийными органами. Именно партбюро указывало, кого из студентов хвалить, кого из преподавателей «громить». Ни то, ни

другое не было связано с мотивами научного свойства, имелась в виду лишь партийно-политическая сторона деятельности людей. Из числа студентов лестных оценок заслуживали комсомольские и партийные активисты, отзывы о которых были, как правило, неадекватны их научным достоинствам и успехам в учебе. Поэтому нам представляется, что А. Н. Горяинов проявил излишнюю доверчивость к многотиражке как к источнику. Такого рода сведения следовало бы проверять другими материалами, чтобы создать объективную картину существующего положения.

Краткая, но верная характеристика состояния русского славяноведения 20-х — начала 30-х годов дана в статье М. А. Робинсона (С. 78—90) «Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (по письмам Г. А. Ильинского)». Ценен в статье не только фактический материал о жизни крупного специалиста в области славянской филологии, но и изложение причин упадка славистики в указанный период. На основании хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН писем Г. А. Ильинского к М. Н. Сперанскому, Б. М. Ляпунову, М. Г. Попруженко и другим ученым М. А. Робинсон прослеживает всю драматическую историю нашей науки в исследуемый период и трагический конец самого Г. А. Ильинского, погибшего в заключении.

Две статьи в сборнике посвящены славяноведению русского зарубежья, обе принадлежат перу М. Ю. Досталь. В первой (С. 38—52) — «Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья», автором анализируется комплекс изданий главных эмигрантских научных центров, созданных в Праге начиная с 1921 г. Попутно приводятся сведения как о самих этих центрах, так и о работавших в них лицах. И хотя перечень русских эмигрантских учреждений в Чехословакии и их изданий далеко не полон, статья содержит весьма полезную и в известной мере уникальную информацию для тех, кто в наше время интересуется деятельностью русской эмиграции в Чехословакии в 20—40-х годах. Правда, в отдельных случаях автором допущены неточности в определении научного профиля ученых-эмигрантов. Так, В. А. Францев назван в статье историком (С. 39, 43), хотя в действительности он был филологом. Имеются у него и труды, посвященные славянским научным связям в прошлом, но по методу обработки исторического материала его нельзя отнести ни к одному из исторических направлений, метод был чисто филологическим. Зато проф. А. В. Флоровский принадлежал, как по тематике главных его трудов, так и по методу обработки источников, к классическим историкам-позитивистам; полагаю, что его не следует называть «славистом широкого

профиля», как это делает автор статьи (С. 41). Подобная оценка скорее подходила бы как раз к Францеву. Впрочем, для точного определения специализации русских ученых-эмигрантов, исследовавших, как правило, широкий круг вопросов славистики, необходимо более конкретно изучить их творчество, что в нашей историографии еще не сделано.

Вторая статья М. Ю. Досталь (С. 53—77), «Д. И. Дорошенко в Праге в 20-е годы (страница из жизни украинской эмиграции)», освещает жизнь ученого, которому были свойственны украинское самосознание и неприязнь к русской интеллигенции, перенесенные в эмиграцию из России. Написанная на основе анализа неопубликованной корреспонденции Д. И. Дорошенко к М. Н. Гринченко, статья расширяет круг наших представлений о жизни российской эмиграции в Праге.

Вторая часть сборника содержит публикации документов: статью ленинградского слависта К. А. Пушкаревича (С. 93—96) «Славянские языки в ЛИФЛИ», написанную, как предполагает автор публикации Е. П. Аксенова, в 1934 г., но так и не увидевшую свет; текста отчетов о работе сектора славяноведения Института истории АН СССР за 1943, 1944 и первое полугодие 1945 г. (С. 97—144, публикация А. Н. Горянова и М. Ю. Досталь). Отчеты написаны В. И. Пичетой, который возглавлял сектор, их рукописи хранятся в архиве Института славяноведения и балканистики РАН. Эти материалы ярко показывают, сколь медленно проходило в стране восстановление научного славяноведения. Сектор был образован в 1938 г. Первоначально в его составе работали много эмигрантов-коммунистов из славянских стран, среди которых самым видным ученым являлся З. Р. Неедлы из Чехословакии. Но после отъезда некоторых из них на родину в 1945 г. освободившиеся должности долго оставались вакантными за отсутствием специалистов. Научная работа сектора была ориентирована на пропаганду негативных сторон в отношениях между славянами и немцами, что, разумеется, определялось состоянием войны. Наиболее активно работал сам В. И. Пичета, публиковавший свои статьи в таких изданиях, как «Спутник агитатора Красной Армии», «Пропагандист РККА», «Московский большевик» и т. п., но также и в научных журналах («Вестник АН СССР», «Историк-марксист» и др.). Он и другие члены сектора читали лекции в воинских частях, в военных училищах, на курсах политических работников РККА, подавали материалы для Политического управления Красной Армии, для ЦК ВКП (б) и других органов подобного типа, нуждавшихся в исторических аргументах и сведениях для принятия и обоснования политических решений. На эти же цели было

направлено издание брошюр и сборников статей. Так, в 1944 г. вышел сборник «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии»; во второй сборник — «Образование государств славянских народов» — так и не увидел света. В отчете за первое полугодие 1945 г. В. И. Пичета писал: «Еще в прошлом году в издательство АН были сданы: „История Сербии“ С. К. Богоявленского и „Отношения России и Сербии в XVIII в.“ — его же, „История Хорватии“ Д. С. Густинича и „История Черногории“ Б. Т. Горянова. Судьба наших трудов неизвестна. Мы не получили на них отзывы и не знаем, у кого они находятся на отзыве» (С. 131). Как известно, эти работы напечатаны не были. Таким образом, публиковались лишь наиболее «актуальные» с точки зрения текущего момента работы. Конечно, было бы странно предполагать, что в период, когда страна истекла кровью, кто-то посмел бы заниматься темами недостаточно актуальными. В такие моменты истории у всех народов наука превращается в служанку политики. Но объективно следует констатировать, что наши слависты периода войны сообщали о славянах лишь строго определенные сведения, интерпретируя их так, как этого требовала ситуация, не пренебрегая вольными и невольными фальсификациями. Вместе с тем в работах военного времени (да и послевоенного тоже) много фактических ошибок, что объясняется хотя бы невозможностью нормальной работы библиотек и недостаточностью литературы. Полагаю, что наше славяноведение военного и первых лет послевоенного времени нельзя относить к области науки.

Заключая, отметим, что рецензируемый сборник является ценным дополнением к тем статьям и материалам о славяноведении «темного периода», которые опубликованы теми же авторами в различных журналах. К сожалению, этой тематикой занимается лишь очень небольшая группа современных исследователей. Тема русской эмиграции стала ныне особенно модной. О ней пишут статьи, книги, устраиваются выставки и т. д. При этом мы нередко впадаем в односторонность. Полагаю, что выяснения своего значения в русской науке заслуживают не только П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер и другие, но также М. К. Любавский, Д. Н. Егоров, А. М. Селищев, М. Н. Сперанский и многие другие, доживавшие век в ссылках или погибшие мученической смертью в сталинских лагерях. Именно труды этих ученых, созревших в России в первые полтора десятилетия XX в. и оставшихся на родине несмотря ни на какие опасности и трудности, составляют золотой фонд русской славистики.

Лантвева Л. П.

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ»

4—6 июня 1993 г. в г. Мэдисон (США, штат Висконсин) проходила конференция «Русская религиозная мысль», организаторами и спонсорами которой были Университет Висконсин-Мэдисон (отделения славянских языков и литератур, истории и философии) и Центр религиозных исследований), Национальный благотворительный фонд по гуманитарным наукам, Центр научных исследований России и Восточной Европы и др. (и персонально — проф. Рихард Густавсон из Бернад колледжа Колумбийского университета и Юдифь Дэйч Корнблатт из Университета Висконсин-Мэдисон).

Конференция, с одной стороны, несомненно, стоит в ряду событий научной жизни Америки, вызванных повышенным интересом к возрождению России сегодня и желанием глубже познать русскую культуру. С другой — она явилась признанием особой важности русской религиозной мысли XIX—XX вв. и ее влияния на развитие русской философии и культуры нового времени.

Исследователи разных школ и направлений из США и России — специалисты в области философии, религии, богословия, истории и литературы — докладывали и обсуждали разные аспекты философско-религиозных воззрений В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и С. Л. Франка.

Работа конференции строилась таким образом, что каждому из перечисленных философов было посвящено отдельное заседание с 3—4 докладами, после которых выступали заранее назначенные оппоненты, имевшие в своем распоряжении столько же времени, сколько и докладчики. Выступления оппонентов были нередко не менее содержательными и яркими, чем доклады. Затем из зала (где постоянно присутвовали 70—80 человек) задавались вопросы и выступали желающие. Дискуссия, как правило, была острой и интересной.

Не будет преувеличением сказать, что центральной темой конференции была софиология. Проблемам Софии, представляющей Божественно-Небесную и человеческо-земную мудрость, был посвящен ряд докладов. Доктрина софиологии — выдающееся новшество в православном богословии, введенное русскими религиозными философами конца XIX — начала XX в. Корни же этого движения восходят к Ф. А. Голубинскому (1797—1854), впервые изложившему идеи немецкой идеалистической философии в Московской духовной семинарии. Эти новые идеи гуманистической цивилизации Запада нашли наиболее яркое воплощение в работах В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского.

В работах В. С. Соловьева софиология впервые обретает систематическую форму («Чтения о Богочеловечестве», 1877—1881). Открывший конференцию доклад *Р. Густавсона* (Бернард колледж) «Доктрина спасения В. Соловьева» был как раз посвящен рассмотрению идеи Софии, которая у Соловьева связывается преимущественно со спасением и освящением человечества. Соловьев полагал, что Богочеловек (Христос), как единство в одном лице божественной и человеческой природы, есть начало самого важного процесса, главной целью которого является обожествление всего человечества, превращение его в Богочеловечество. Густавсон показал, как в философском богословии Соловьева получили новую форму средневековые богословско-церковные элементы учения Максима Исповедника и халкедонской традиции Восточной Церкви, начиная с Оригена и каппадокийцев, через учение Псевдо-Дионисия Ареопагита и кончая русским философским богословием православия XIX в. Соловьев обращается, как метко заметил докладчик, к современной ему интеллектуальной элите и главам церкви двух разъединенных миров — России и Запада — языком немецкой философии идеализма (а не греческой

патристики). Таким образом, в работах Соловьева доктрина спасения-обожествления превращается из узко богословской в церковном духе «столбов и утверждений» восточного христианства в огромную моральную, экуменическую и космологическую схему, предназначенную для реставрации веры наших предков и приспособления ее к современному человеку.

В докладе «Природа и функция Софии в дореволюционных произведениях Сергея Булгакова» *Б. Г. Розенталь* (Фордгам ун-т, Нью-Йорк) показала особенности и значение Софии в православной космологии Булгакова (в его трудах «Философия хозяйства», 1912; «Свет невечерний: созерцания и умозрения», 1917), называвшего Софию четвертой ипостасью в ряду Святой Троицы, считавшего ее творческой энергией, пронизывающей и освящающей все сферы человеческой жизни, включая и экономику. София, по Булгакову, увековечивает характерные черты православия, в частности, его русский вариант, отличающие его от западного христианства, особенно католичества: красоту, соборность, материнство и космологическую онтологию. Являясь посредником между Богом и человеком, землей и небом, индивидуумом и обществом, София играет роль организатора и реставратора космологического единства.

Широтой поставленной проблематики и глубиной ее разработки выделялся доклад *П. Валлиере* (Батлер ун-т, Индианополис) «Софиология как диалог православия и цивилизации нового времени», рассматривающий создание софиологических доктрин как отклик на столкновение православной теологии с передовой цивилизацией Запада в начале XIX в. По-новому оценивая софиологические концепции Соловьева, Булгакова и Флоренского в самом широком контексте гуманистической цивилизации нового времени и стремясь дать всеобъемлющий синтез разных софиологических доктрин как исключительных явлений «либерального православия» России конца XIX — начала XX в., докладчик перенес дискуссию о софиологии со спекулятивно-теософического уровня на почву более конкретной космологической реальности. Он стремился осветить софиологию во всей сложности проблем, с которыми ее создатели столкнулись и которые старались преодолеть. Анализ идеи и функции Софии в экономической философии Булгакова (по его труду «Философия хозяйства»), с одной стороны, с другой — духовная близость Булгакова к философии тождества и богословию воплощения, позволили Валлиере сделать вывод, что для Булгакова христианство является превосходно «экономической» религией, а экономика превос-

ходно «воплощающей» активностью. Докладчик сжато дает обзор концепции «философии откровения» Булгакова, включая в свое рассмотрение и более теоретический труд Булгакова («Свет невечерний: созерцания и умозрения»). Привлекают его суждения об исключительной важности софиологии в формировании догматики Булгакова (по его трилогии «О Богочеловечестве»: Ч. 1. «Агнец Божий», 1933; Ч. 2. «Утешитель», 1936; Ч. 3. «Невеста агнца», 1945), состоящие в том, что софиология дает возможность «отбросить мнение, что система догм является завершенным фактом». Несомненно, доклад Валлиере представляет один из важных вкладов конференции в изучение русской религиозной философии.

Изыщным по форме и интересным по содержанию был доклад *Ю. Дэйч Корнблатт* (ун-т Висконсина) «Соловьев о спасении: анализ рассказа „Краткая повесть об Антихристе“», в котором было показано, что и в литературных произведениях В. Соловьева («Три разговора») выражается идея о «реальном взаимодействии Бога и человека», т. е. о воплощении Бога в человека и затем обожествлении Иисуса Христа. Докладчица дала своеобразную интерпретацию этого повествования: Антихрист представляет прошлое и настоящее человечества (кратковременное торжество зла и грехопадение человечества), а устный рассказ господина З.— будущее. Такое толкование превращает завершающую часть рассказа в священную историю.

В докладе *М. Карлсон* (Канзасский ун-т) «Последний великий гностик — Владимир Соловьев» утверждается, что идея Софии в космогонии Соловьева, появляющаяся под разными названиями, как Агда София, Душа Вселенной (*anima mundi*), Новый Иерусалим, Невеста Агнца (Христа), Всемирная Церковь, Создающее Начало и т. д., полностью соответствует старым гностическим образцам, с которыми Соловьев, несомненно, был знаком.

Все три доклада Булгаковской сессии (о двух из них, касавшихся проблемы Софии, — П. Валлиере и Б. Розенталь — см. выше) вызвали большой интерес аудитории. Доклад православного священника церкви «Христа Спасителя» при университете Родгам (Нью-Йорк) *М. А. Меерсона* «Философия личности Сергея Булгакова» выделялся широтой сравнительного контекста и многоаспектностью подхода к решению проблемы. В своем понимании религии, считает докладчик, Булгаков исходит из известной идеи Фейербаха, что религия — это отношение человека к самому себе как к другому, непосредственно с ним связанному. Этот другой и есть Бог. В отличие от Фейербаха, считавшего, что человек создал богов

по своему образу и подобию, Булгаков полагает, что человеческая природа соразмерна с Божественной природой, потому что Бог создал человека по своему образу и подобию, поэтому человечество не чуждо Господу. Эта идея является основой антропологии и теологии Булгакова. Булгаков развивал постулат немецкого классического идеализма, согласно которому человек открывает себя в акте самопознания. Вслед за П. Флоренским Булгаков считал, что единственной границей «я» является «не-я», углубив идею фейербаховским «ты», без которого «я» не может осознать самое себя. А далее, следуя за П. Флоренским и С. Н. Трубецким (с его идеей соборности сознания человека), Булгаков дополняет этот двучлен третьим членом — «он». Трубецкой считал, что во всех познавательных и моральных актах личность держит совет с другими лицами в пределах его/ее самих. Для Булгакова «мы» не только грамматическая форма, но и истинное обнаруживание природы *соборности* самого «я», данной нам в языке. В концепции Булгакова имеющий предел «я» не может существовать без «ты» и «он», но «я» обнаруживает самое себя только через «мы» и «вы». «Я», *соборный* в своем сознании, и «я», *единоличный* в своем существовании. Эта самонедостаточность и относительность должны быть преодолены в Абсолютном подлежащем, в Божестве. Ограничения, обнаруживающиеся в существовании духа, имеющего предел, не существуют в Абсолютном Духе. Зависимость человеческой личности в самой своей структуре от Абсолютной Божественной Личности придает ей бесконечное содержание. Докладчик показал процесс формирования у Булгакова понимания личности как неограниченного и соборного единства, тяготеющего к Божественной Троицкой Личности, к своему непостижимому пределу и модели.

Сессия, на которой обсуждались философско-религиозные взгляды С. Л. Франка, получилась интересной и плодотворной как представленными докладами, так и выступлениями оппонентов (Б. Де Бэри — Колумбийский ун-т, К. Эмерсон — Принстонский ун-т, В. Голиштейн — Оберлинский ун-т). Глубокий и сложный анализ патером Р. Слесинским (Византийская католическая церковь св. Петра и Павла, Бетлеем) метафизических воззрений всеединства Франка был основан на рассмотрении гносеологических идей Франка, составляющих фундамент его философского здания (в трудах «Предмет знания», 1915; «Непостижимое», 1939; «Реальность и человек», 1956). Развивая идеи П. Флоренского о «самоочевидности интуиции» и «законе тождества» (П. Флоренский. «Столп и утверждение истины», 1914), Франк выделял два знания: «От-

влеченное знание, выражаемое в суждениях и понятиях, и непосредственную интуицию предмета в его металогической цельности и сплошности». Универсальную форму знания, являющегося интуицией целостного бытия, Франк называл живым знанием в противоположность знанию мысли. Считая сознание совокупностью данных во временном течении, Франк не только связывал сознание и время, но и пытался определить одно другим, что вызвало критику докладчика. Слесинский показал, что временность и вневременность в концепции Франка являются ничем иным как основой ткани и самой тканью интуиции действительности. Временность и вневременность, вместе взятые, составляют для Франка надвременное единство («Сознание, как временное течение, неотделимо от его русла — от его вневременного фундамента... оно является полностью как движение на фоне высшего единства»), или вечную жизнь, что полностью совпадает с точкой зрения христианской метафизики (но противоречит Кантовскому идеализму с его «копией» реальности). По мнению Слесинского, Франк в своем стремлении достичь вечности как идеала христианской метафизики связывает временность и вечность; связующим звеном при этом является бытие. Слесинский же возражает Франку, считая, что связь между временностью и вневременностью (вечностью) не бытие, а абсолютная свобода творчества.

Ф. Й. Свобода (Лафайет колледж, Истон) в докладе «Духовная жизнь и жизнь во Христе: С. Л. Франк и православная доктрина обожения» делает попытку доказать, что Франк придал новый вид учению об обожении восточных отцов Церкви. Смысл доктрины состоит в том, что в одном гипостатическом единстве соединены Божественная природа Логоса и человеческая природа в ее целостности, и особенности первого передаются второму, обожествляя таким образом человечество Христа. Спасение человека происходит через его участие в таинствах и молитве в обоженном человечестве воплощенного Логоса. Франк же, по мнению докладчика, не имел и не мог иметь доктрины обожения, вместо нее он отстаивал доктрину человеческой божественности.

В докладе В. Зиелинского (Католический ун-т, Италия) «Проблема веры и познания в философии позднего Франка» рассматривается возможность познания объективного присутствия Бога Создателя в реальности как таковой, исходя из концепции Франка о постоянно присущем и действующем Боге в нас самих и в окружающих предметах, о Боге, принимающем все формы как материальных вещей, так и самых отвлеченных идей, понятий, интуиций и т. п. Зиелинский

заключал, что для Франка философия и религия тождественны, поскольку Франк считал, что Бог — единственный объект философии и что Свет, изливающийся на нас, является одновременно и нашим познанием, и нашей верой.

Докладом *Г. Клаина* (Брин Мавр, Эмеритус) «Этическая и социальная теория С. Л. Франка», в котором говорилось о влиянии Гегеля на Франка, завершилась эта сессия.

Самой краткой была сессия по Флоренскому, который считается в США более изученным. *С. Касседи* (Калифорнийский ун-т, Сан-Диего) в докладе «П. А. Флоренский и культ материального мира» разобрал статью Флоренского, написанную для энциклопедии (около 1924 г.), в которой в полной мере отражено мировоззрение философа. Касседи отметил, что мировоззрение Флоренского неотделимо от его православия, в традиции которого считать все создания Бога материальным воплощением Божественного Бытия. Именно православие подчеркивает святость материального мира как эманацию Бога. Доктрина воплощения Флоренского построена на дуализме: мир видимый и мир невидимый. В докладе особо оценивался выдающийся вклад Флоренского в философию и теорию языка, когда признается его двойственность (язык одновременно является индивидуальным и соборным). Мысль опирается на Разум, Соборный и Всеобщий (*λόγος*). Соборность, по Флоренскому, помогает отделить материальное от Божественного, прославляя материальный мир как дар Бога.

В оригинальном докладе *Д. М. Бетеа* (Висконсин-Мэдисон ун-т) «Флоренский и Данте» были проанализированы глубокие и непримиримые различия между средневековым католическим мировоззрением Данте и взглядом Флоренского на «Божественную комедию» с позиций православия, с одной стороны, и с позиций профессионального математика (каковым и был Флоренский), открывшим у Данте эллиптическое пространство, названное «геометрией спасения», — с другой. Такой подход Флоренского вызвал острую критику докладчика.

Наиболее, пожалуй, полемичной оказалась на конференции фигура Н. Ф. Федорова, во-первых, по причине разноаспектности докладов («Федоров и Йога» *Г. Янга* (Галерея изобразительных искусств — Норд Бервик) и «Федоров и французские философы» *И. Мазинг-Делли* (ун-т Огайо)). Во-вторых, из-за марксистско-ленинской трактовки философии Федорова советскими и российскими исследователями. В докладе *Дж. П. Скэнлана* (ун-т Огайо) «Воскрешение Николая Федорова как русского философа» была показана судьба трудов русских философов начала XX в.

в СССР и приводилась оценка доктрины Федорова целым рядом отечественных исследователей и публикаторов, атаковавших или искажавших его религиозные идеи. Скэнлан обратил внимание на эволюцию трактовок философского наследия Федорова в России в период перестройки и полемизировал с *С. Г. Семеновой*, известным специалистом по Федорову, чей доклад также был зачитан на сессии.

Российская наука была представлена двумя докладами: *Е. Б. Рашковского* «Владимир Соловьев: христианское западничество?» и *С. Г. Семеновой* «„*Odium fati*“ как духовная позиция в русской религиозной философии». Заявленный в программе доклад Вяч. Вс. Иванова «Флоренский: символ и символизм», к сожалению, не состоялся.

В докладе *Е. Б. Рашковского* (Ин-т мировой экономики РАН) разбиралась христианско-«теократическая» (экуменическая) утопия В. Соловьева, покоящаяся на трех принципах, взаимодействие которых возможно, по мнению философа, разрешить проблемы: правовое государство (1) «Царство» — сильное правовое государство, ориентирующееся на гуманные ценности и понятия, духовного возрождения (2) «Священство» — передача основ человеческого самовоспитания и культуры в развитых религиозных институциях) и социального совершенствования как отдельной личности, так и всего общества (3) «Пророчество» — особое общественное служение некоррупцированной интеллектуальной элиты).

В докладе *С. Г. Семеновой* (Ин-т мировой литературы РАН) рассматривалась та идея активного христианства, идея сотрудничества человеческой и божественной энергии для спасения человечества, которую Н. Федоров (в «Философии общего дела») назвал «*Odium fati*» в противовес «*Amor fati*» Ницше.

Значение прошедшей конференции гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Русская религиозно-философская мысль нового времени (с середины XIX в. и до 20-х годов XX в.) сыграла решающую роль в возрождении российской культуры, создав питательную среду для появления русского авангарда в литературе, музыке, живописи и других отраслях культуры, а также в гуманитарных и естественных науках. Без анализа богатого наследия русских философов рубежа веков невозможно понимание и истолкование этого переломного периода в истории России. Принимая во внимание длительный период игнорирования православной философской традиции в самой России, было отраднo увидеть столь глубокий интерес и серьезную подготовку американских исследователей русской философской мысли. Мэдисонская конференция являлась

значительным вкладом в дело изучения российского культурного наследия. К участникам конференции обратился Темпл университет (Филадельфия, штат Пенсильвания) откликнуться на

его инициативу создания Института русской философии и искусства в рамках Отделения религии этого университета.

Булатова Р., Неделькович О.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

27—29 апреля 1993 г. в Белграде состоялся симпозиум на тему «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века». Его организовали кафедра славистики филологического факультета Белградского университета и Общество славистов Сербии. Организационный комитет, в который вошли авторитетные деятели науки и культуры, привлек к участию в симпозиуме заинтересованных ученых и специалистов из Белградского, Новосадского и Нишского университетов, Сербской академии наук и искусств, Национальной библиотеки Сербии, Национального музея, Института современной истории, Музея театрального искусства, Музея медицины, Белградской обсерватории, епископата в г. Вршац и других учреждений. Заявки на участие прислали при содействии Ассоциации друзей Югославии в России слависты Московского университета и Института славяноведения и балкалистики РАН.

На конференции были прочитаны следующие доклады: «Роль русской эмиграции в сербской культуре XX в. как предмет научного исследования» (М. Сибинович); «Россия в изгнании: границы, масштабы и проблемы исследования» (М. Йованович); «Русские школы и просвещение в Королевстве Югославия. 1920—1941» (Л. Димич); «Русская православная церковь в Югославии. 1920—1941» (Б. Глигориевич); «Общество русских ученых в Югославии. 1920—1941» (Т. Миленкович); «Вклад русской эмиграции в развитие сербской медицины в XX в.» (Б. Павлович); «Белградский центр русской эмиграции как связующее звено между сербской и русской и сербской и европейской литературами» (М. Стойнич); «Русская интеллигенция в Воеводине: экономический, просветительский и культурный аспекты ее деятельности» (А. Арсеньев); «Шестидесятилетие деятельности Русского дома в Белграде» (О. Джурич); «Роль русских теологов и религиозных мыслителей в сербском богословии XX в.» (Д. Калезич); «Русские монахи в монастыре Хопово» (В. Вулович); «Выдающиеся русские теологи в духовных семинариях Сербской православной церкви» (П. Миодраг); «Король Александр и

русские деятели искусств» (М. Йованович); «С. Ф. Колесников и другие русские художники в Белграде» (Б. Вуйович); «Собрание произведений русских художников в белградском Народном музее» (И. Суботич); «Синодальная школа иконописи в монастыре Раковице. Пимен Софронов» (У. Райчевич); «Русские рисовальщики комиксов» (Ж. Богданович); «Произведения русских художников в белградских частных коллекциях» (Е. Межински); «Вклад русских художников в развитие сербской сценографии» (О. Миланович); «Роль русских архитекторов в Белграде» (З. Маневич); «Выставки русских архитекторов в Белграде» (А. Кадиевич); «Капитальные сооружения русских архитекторов в Белграде» (С. Тошев); «Архитектор Г. И. Самойлов» (М. Милованович); «Вклад русских театральных деятелей в утверждение драматургии Чехова на сербской сцене» (З. Божович); «Режиссер Юрий Ракитин» (П. Марьянович); «Постановка Ракитиным пьес Островского в Нови-Саде» (Б. Косанович); «Лидия Мансветова: пролог к творческому портрету» (О. Миличевич); «Александр Черепов и „Русский драматический театр для народа“» (О. Маркович, Д. Чолич); «Русская художественная эмиграция и музыкальный театр в Югославии» (Н. Мосусова); «Начало становления оперы в Сербии и русские деятели искусств» (М. Павлович); «Русские оперные певцы и белградская музыкальная критика и общественность» (В. Петрович); «Роль русских артистов в создании балета Народного театра в Белграде. Нина Кирсанова, Анатолий Жуковский» (К. Маркович); «Елена Полякова и Маргарита Фроман на белградской балетной сцене» (М. Йованович); «Вклад С. М. Кульбакина в сербскую палеославиистику» (Р. Йовичевич); «В. А. Мошин как археограф» (Б. Йованович-Стипчевич); «Научно-педагогическая деятельность К. Ф. Тарановского в области лингвистики» (Б. Терзич); «Вклад русских филологов-эмигрантов в теорию преподавания русского языка» (К. Кончаревич); «Русские специалисты по романской филологии в Белградском университете» (Р. Константинович); «Компаративистские литературно-

исторические труды П. А. Митропана» (В. Вулович); «Русская эмигрантская критика о Маяковском» (С. Костич); «Русские эмигранты о Есенине» (В. Костич); «Символизм в творчестве русских поэтов в Белграде» (Э. Успенски); «Мережковский, Куприн, Чириков и Зайцев на съезде русских писателей в Белграде в 1928 г.» (З. Панкович); «Сотрудничество Е. А. Ляцкого с П. Поповичем и И. Секулич» (В. Милинчевич); «Владимир Мошин — историк Афона» (М. Живоинович); «Вклад Ф. Тарановского в развитие сербской юридической историографии» (Е. Данилович); «Жизнь и труды А. Соловьева» (С. Аврамович); «Георгий Острогорский и сербское византиноведение» (Р. Радич); «Вклад Н. Л. Окунева в сербское искусствознание» (И. Джорджевич); «Сергей Троицкий — исследователь Номоканона св. Савы» (М. Петрович); «Теоретическая физика Вячеслава Жардецкого» (Д. Мушицки); «Воспоминания о творчестве Антона Билимовича» (М. Леко); «Жизнь и деятельность академика К. П. Воронца» (В. Сальников); «Работа Петра Музена в Белградской обсерватории» (В. Протич); «Об участии русских эмигрантов в развитии югославской авиации» (Л. Джорджевич); «Русские эмигранты — мои гимназические преподаватели» (П. Половина); «Русские, расстрелянные в октябре 1941 г. в Кральеве» (Л. Айдиц).

Фигурирующее в заглавной формулировке темы симпозиума понятие «культура» трактовалось в самом широком смысле. Предполагалось, что при почти полной неизученности темы (которой посвящена всего одна книга — монография О. Джурича «Русская литературная Сербия») подобный подход позволит собрать информацию, дающую достаточно широкую основу для синтеза данных на следующих этапах научной обработки сведений о судьбе и деятельности русской эми-

грантской интеллигенции в области югославской и особенно сербской культуры в XX в.

На конференции были представлены разнообразные материалы, которые несомненно станут важным стимулом и ориентиром для дальнейших систематических исследований. Однако следует отметить, что в прочитанных докладах ощущался неодинаковый подход к рассматриваемым темам и неравномерный охват различных областей культуры. Из ряда объективных причин, обусловивших данное обстоятельство, в качестве наиболее важных выделим следующие: неразработанную методологию исследования и синтезное научное представление тем, требующих мультидисциплинарного подхода; неравную изученность отдельных областей: в одних случаях необходимо было начинать со сбора основных сведений (например, при изучении вклада эмиграции в экономическое развитие Югославии, связей и контактов в церковной сфере и др.), в других случаях можно было перейти к более частным темам или углубленному анализу (филология, театр и др.). Кстати, более изученные области были представлены на конференции в относительно скромном масштабе.

С учетом сказанного, организаторы приняли решение сделать регулярным проведение научных симпозиумов, посвященных судьбам и деятельности русских эмигрантов в Югославии. Доклады, прочитанные в 1993 г. на конференции, вместе с текстами докладов, дополнительно доставленными из Москвы, Ниша и Белграда, будут напечатаны в сборнике на сербскохорватском языке. Сокращенная подборка из данных материалов будет опубликована и на русском языке при содействии Института славяноведения и балканистики РАН.

Сибиневич М.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Ronin V. K.</i> Russia at the World Exhibitions of 1885 and 1894	3
<i>Goriainov A. N.</i> Cultural-educative organization of Russian exiles in Bulgaria (till the beginning of the 30-ies)	23
<i>Orel V.</i> Russian language in Israel	35
<i>Protasova E. U.</i> Russian-Finnish bilingualism and Russian language: the experience of Finland (to the problem of the life of Russian language as a native one outside of Russia)	44
<i>Gershenzon O.</i> Intercultural misunderstanding: Israelites and repatriates from Russia	53

COMMUNICATIONS

<i>Urakov M. A.</i> Sixty years of the Russian Home in Belgrade	59
<i>Father-Superior Innokenty.</i> Russian temple in Sofia	62

ARCHIVES DISCOVERIES

<i>Robinson M. A.</i> Correspondence between R. O. Jakobson and P. G. Bogatyriov	69
<i>Aksionova E. P.</i> From the correspondence between G. V. Vernadsky and A. V. Florovsky	92
<i>Dostal M. J.</i> From the correspondence of V. A. Frantsev (a letter of V. A. Frantsev to V. S. Ikonnikov, letters of A. V. Florovsky to V. A. Frantsev)	102
<i>Aksionova E. P.</i> A letter of I. O. Panas to A. V. Florovsky in 1929	108
<i>Kosik V. I.</i> A letter of general Zalessky P. I.	111

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Shapir M. I.</i> Якобсон-будетлянин: Сборник материалов	114
<i>Lapteva L. P.</i> Slavic studies of the USSR and of Russian emigration in the 20—40-ies of the XX c.	119

SCIENTIFIC LIFE

<i>Bulatova R., Nedelkovich O.</i> Conference «Russian religious idea»	122
<i>Sibinovich M.</i> Scientific readings devoted to Russian emigration in Yougoslavia	126

Технический редактор *В. М. Пахомова*

Сдано в набор 11.04.94	Подписано к печати 15.06.94	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 10,4	Усл. кр.-отт. 8,4 тыс.	Уч.-изд. л. 13,5	Бум. л. 4,0
	Тираж 793 экз.	Зак. 1123		

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1160 р.
каталожная цена

500 р.
Индекс 70891